Ек. Андреева

Жестокий путь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Борьба за свободу и равенство против религии и рабства — это вековечная борьба, такая же, как борьба между светом и тьмой, между днем и ночью. На протяжении всего существования человечества она разгоралась каждый раз, когда люди пытались вырваться из тьмы и сбросить тяжелые оковы рабства. От религиозных и крестьянских войн средневековья, от первых проблесков коммунизма до Великой Октябрьской социалистической революции классовой борьбе всегда сопутствовала борьба против господства церкви, а подчас и против религиозного понимания мира.

Наша родина стала страной, где мечта человечества становится явью, где кончается вековечная борьба между светом и тьмой, где свет коммунизма побеждает мрак религии и косности.

Так и должно быть. Ведь самая драматическая, самая великая в истории, самая непримиримая борьба коммунизма с религией, как и все тысячелетнее развитие народов, показали, что путь человечества, хоть и жестокий путь, но он неизбежно ведет к коммунизму!

Таков закон жизни. Изучив историческое прошлое народов и их борьбу, люди лучше сознают свое настоящее и уверенно могут строить свое будущее!

- АНДРЕЕВА Екатерина Владимировна
  - Рождение папства
  - Земные боги
  - Под властью креста и меча
  - Где выход?
  - Так хочет бог!
  - Христиане против христиан
  - Детский крестовый поход
  - Рыцари «просветители»
  - Торговля Раем — индульгенции
  - Миг счастья на земле — шабаши
  - Ереси
  - Без пролития крови — инквизиция
  - Невежество — мать благочестия
  - На Руси
  - Свободомыслие
  - Чудо живой крови
  - Констанцкие костры. Иероним Пражский
  - Первые проблески коммунизма

- Союз башмака
- Свежий ветер
- Враги
- Народный вождь
- Остров Утопия Томаса Мора
- Лорд-канцлер короля
- Кампанелла — Город Солнца
- Объединяйтесь же, народы!
- Вольтер. Здание обмана
- Бог-то бог, да сам не будь плох!
- «В огне спасешься!..»
- Стоглавая гидра
- Свобода, равенство, братство
- Победить и остаться свободным
- Культ разума и свободы. Конвент
- Культ верховного существа. Робеспьер
- Заговор равных. Бабеф
- То, чего не может быть
- Оуэн. Неисправимый мечтатель
- Новая гармония
- Пять с половиной миллионов подписей
- Призрак бродит по Европе. Маркс и Энгельс
- Первая победа
- Париж… забывал о людоедах
- Христианский социализм
- Русские безбожники
- Кровавое воскресенье
- Лицом к лицу
- В бога не верю, и вам не советую…
- Карликовое государство. Ватикан создал Муссолини
- Инквизиция 20 века. Галан
- Разум — враг веры
- Что такое нравственность
- Человек будущего — сегодня
- Заключение

АНДРЕЕВА Екатерина Владимировна

"ЖЕСТОКИЙ ПУТЬ"

Рождение папства

Возникло христианство в Римской империи, когда ей грозил полный распад, когда ее границы подвергались набегам непокоренных Римом народов, переставших бояться его легионов, когда внутри империи все чаще вспыхивали восстания рабов, закрепощаемого крестьянства и населения римских провинций.

Беспощадный гнет, бесправие, чувство бессилия и отсутствие веры в успешность борьбы с существующим злом породили среди угнетенных полное безволие. Они надеялись найти спасение в религии, но старые языческие боги не помогали.

Сомнение в справедливости земных порядков вконец подорвало веру в богов, и устаревшая языческая религия пошатнулась. Как раз в это время христианство обратилось с призывом ко всем несчастным и обездоленным, обещая им за страдания на земле счастье в «загробном мире». Оно проповедовало равенство свободных и рабов, братство всех людей и блаженство в «царстве небесном».

Все угнетенные и бесправные понимали всю трудность борьбы с земной властью, часто чувствовали свое бессилие. Восстания рабов подавлялись, и бесплодность борьбы заставила их обратить свои надежды на счастье в «загробном мире». Поэтому справедливо выражение, что «Христос победил, потому что Спартак потерпел поражение».

На первых порах христианство очень мудро впитывало многое из языческих религий и приспосабливало их к новому учению. Например, миф о Христе создавался под влиянием других мифов об умирающих и воскресающих богах языческих религий.

В новую религию вошли и вера в дьявола, в рай и ад, в суд над мертвыми после «конца мира».

Таким образом, многим язычникам христианство уж не казалось чуждым. Зато любой раб, принимая христианство, делался равноправным в христианской общине. Бедняк, отвергнутый миром, занимал в общине законное место. Он попадал в союз людей, где каждый шел на помощь другому.

Уже во втором веке в христианство стали переходить купцы и имущие люди. Они вносили деньги в кассу общины для помощи нуждающимся и постепенно стали главными руководителями— старейшинами христианских общин. Потом их заменили епископы — надсмотрщики над имуществом общин, владевших уже значительным богатством: деньгами и землями.

Разбогатевшая церковная организация старалась жить в мире

с земными властителями и никогда не призывала к борьбе против угнетателей. Наоборот, она отвлекала от борьбы, обещая за покорность и терпение на земле счастье «на том свете». И наконец, освятив существовавший рабовладельческий строй, она заявила, что всякая земная власть от бога.

Христианство быстро распространилось на Ближнем Востоке и в Западной Европе. Оно угнетало, принижало и давило людей в течение многих столетий, лишая их бодрости, силы и надежды на лучшую жизнь на земле.

В III–IV веках все епископы христианской церкви именовали себя папами (от греческого слова «папос» — «отец»). Так называли себя и главные жрецы языческих богов Митры и Аттиса.

Римские папы стремились закрепить за собой не только духовную, но и светскую власть. Они рвались к владычеству над всем миром, не гнушаясь никакими средствами: предательством, подкупами, убийствами и сочинением поддельных документов, которыми оправдывали свою власть.

В VIII веке, например, был сфабрикован документ, по которому император Константин будто бы передал папам власть, равную императорской, не только над Римом, но и над всеми странами Западной Европы. Сто лет спустя была сочинена фальшивая грамота, по которой папе были обязаны подчиняться не только епископы, но и все светские государи. Так же была выдумана и опубликована легенда о том, что римский папа является преемником апостола Петра — первого римского епископа, которого будто бы Иисус Христос сделал своим наместником на земле. А еще позднее все действия папы были объявлены непогрешимыми. Однако жизнь показала, что не было таких преступлений, которые не совершались бы папами, упоенными властью, и епископами, стремившимися занять папский престол.

В XI веке (1054 г.) христианская церковь окончательно разделилась на восточную (православную) и на западную (католическую). Разделение произошло из-за соперничества римского папы и константинопольского патриарха. На вселенском соборе в Константинополе папа торжественно при всех проклял патриарха! А патриарх в ответ проклял папу и объявил его еретиком.

Эти два «святых отца» не могли договориться по вопросам веры, не могли поделить между собой власть. После этого главой церкви на Западе признавался папа — наместник бога на земле, а на Востоке — патриарх, подчиненный византийскому императору, власть которого считалась священной.

Земные боги

Вся история папства полна насилия и преступлений. Особенно кровавой и жестокой была борьба за папский престол. Когда в 768 году папой был выбран Стефан IV, его предшественнику выкололи глаза, а его приверженцу — епископу Федору — отрезали язык и уморили в тюрьме. Папу Стефана V за его преступления с позором выгнали из Рима (816). Папа Сергий III захватил престол, задушив своих двух предшественников.

При папе Иоанне VIII (872–882) возник заговор, в котором приняли участие его родственники. Чтобы убить папу и захватить церковные сокровища, его заставили принять сильный яд. Но яд не подействовал, и папе пробили череп молотком.

В 891 году папским престолом завладел кардинал Формоз, которого за участие в заговоре против Иоанна VIII успели отлучить от церкви. Через пять лет папой стал Бонифаций VI, уже дважды лишенный духовного сана за безнравственность. Ему наследовал Стефан VI. Сделавшись папой, он приказал вырыть из могилы труп Формоза, нарядить его в папское облачение и посадить на трон. Затем он стал судить его как живого. Бессловесный, полуразложившийся труп оказался повинен во многих преступлениях, за что его с позором бросили в Тибр. Вскоре после этого папу Стефана восставшее население Рима посадило в тюрь «му, где его и задушили. В 903 году папу Льва V запер в темнице один из его подчиненных и занял папский престол под именем папы Христофора; но через несколько месяцев его выгнал из Рима папа Сергий III, захвативший власть с оружием в руках.

Число преступлений всё увеличивалось. В 956 году сделался папой семнадцатилетний Иоанн XII. Этот юный папа был настолько преступен, что им была возмущена вся католическая Европа.

Папа открыто брал взятки за посвящение в епископский сан. За большую сумму посвятил в епископы десятилетнего мальчика. Одному священнику собственноручно выколол глаза. Над другим совершил обряд посвящения в конюшне. Собственную мать сгноил в тюрьме. Он поклонялся языческим богам — Зевсу и Афродите, постоянно пьянствовал, играл в карты, пил за здоровье сатаны. За все эти безобразия его, наконец, низложили.

Но Иоанн не хотел подчиняться и поднял в Риме восстание. Одних из своих противников он замучил до смерти, другим выколол глаза, многим вырвал языки, отрубил руки, ноги, носы и уши. В конце концов его убил один римлянин, у которого он

похитил жену.

В XI веке папский престол занял мальчик 11 лет — Бенедикт IX. За безнравственное поведение римляне два раза его выгоняли из города, но он два раза возвращался с помощью своих сильных родственников и друзей. В конце концов, не надеясь больше удержать папскую тиару, он продал ее с аукциона Григорию VII (1044).

Папа Бонифаций VIII (1294) запер своего предшественника Целестина V в клетку, где через два года уморил голодом. А папа Иоанн XXIII начал свою карьеру морским разбойником. Затем, разбогатев, за взятку стал кардиналом и властителем Болоньи, а потом отравил римского папу и занял его престол. За множество преступлений он был низложен на Констанцском соборе, где его обвинили в 72 преступлениях: убийствах, отравлениях, грабежах, разврате, неверии и т. д. В заключение он был признан «воплощением дьявола». Но самым главным из обвинений было обвинение в ростовщичестве, которое было основным источником его обогащения. Усердно изучив дело, нещадно обирая клиентов, он открыл банк, отделения которого имелись во всех городах Папской области. Люди, нуждавшиеся в деньгах, могли обращаться только в папский банк, потому что Иоанн XXIII беспощадно преследовал всех других ростовщиков, а с клиентов драл три шкуры. Монополия ростовщичества в папском государстве принадлежала ему, и он вскоре нажил баснословное богатство.

Когда в XV веке на папский престол взошел Александр VI Борджиа, один кардинал шепнул другому: «Вот мы и попали в пасть к волку!»—потому что еще будучи кардиналом, Александр Борджиа прославился своим цинизмом и злодеяниями. Он говорил, что хороша всякая религия, но лучшая из них та, которая наиболее глупа!

Чтобы добиться своей цели, папа пускал в ход красноречие и изящные манеры. Если это не помогало, он угрожал и отлучал от церкви, но чаще всего прибегал к убийству своих врагов. За одно только неосторожное слово он приказывал вырвать язык и отрубить руку. Папские солдаты грабили народ на улицах Рима, жгли крестьян в деревнях, чтобы выведать, где спрятаны сокровища сеньора. И все это для того, чтобы разбогатеть самому и возвеличить своих родных, которых он делал кардиналами и которым давал богатые приходы.

Имя папы Александра VI и всей его семьи (Борджиа) внушало ужас и отвращение современникам как позор человечества, как синоним нравственной грязи.

Католическая церковь во главе с папой была самым крупным

и богатым феодалом — владельцем земли и крестьян Западной Европы, и папа защищал материальные интересы не только свои и церковные, но и сеньоров, потому что стремился их объединить, подчинить себе.

Еще папа Григорий VII упорно добивался покорности всех государей. Английскому королю Вильгельму Завоевателю он говорил: «Ты должен повиноваться мне без всяких колебаний, чтобы унаследовать царство небесное». От французского короля Филиппа I он требовал невмешательства в свои дела, «иначе французы, пораженные мечом анафемы, откажутся повиноваться королю». Венгерскому королю Гейзе I папа заявил, что «королевство венгерское принадлежит святому престолу», то есть папе. Польского короля Болеслава II он отлучил от церкви. Испанию считал вотчиной «святого Петра», то есть своей вотчиной. И даже далекую Русь этот папа пытался прибрать к своим рукам. В 1075 году он вручил власть над Киевской Русью изгнанному оттуда князю Изяславу, который, изменив родине, признал себя вассалом папы. Всех христианских королей и князей папа хотел принудить к присяге «святому престолу», а следовательно, и к обязательным ежегодным взносам в папскую казну.

Под властью креста и меча

На перекрестках дорог, на мостах, в церквах и рыцарских замках, в городах и селах — повсюду в Западной Европе перед глазами людей стоял крест с распятым на нем Христом в терновом венце, с кровоточащими ранами на прибитых к кресту руках и ногах. В виде драматических представлений в церквах наглядно показывались страдания и смерть Христа. Единственными рассказами и чтением были сочиненные монахами «жития святых» с их мученичеством и самоистязаниями.

Другой мрачный образ, повсюду распространенный и давящий воображение людей, был образ бога-отца, олицетворяющего грозную карающую силу, защищавшую могущество церкви и земной власти.

Вера в грозного бога и страдающего Христа, надежда на чудесное избавление от собственных страданий в «загробной жизни» владела людьми средневековья, изнемогавшими от тяжести беспросветного существования.

Римский папа властвовал над своей землей и над всеми христианскими государями. Он наказывал их как христиан и как правителей, отлучал от церкви, освобождал подданных от присяги, подвергал города и целые страны интердикту — массовому отлучению от церкви. Тогда запирались все храмы, умолкали церковные колокола; духовенство не крестило детей, не совершало браков, не хоронило умерших. И, проклятые богом, влачили люди жалкое существование, ожидая еще больших бедствий как кары небесной от жестокого божества. Интердикты считались страшнейшим наказанием, с помощью которого папа одолевал самых сильных из своих политических врагов.

Легаты (представители папы) сновали по всему Западу как «ходячее» папство; они распоряжались в землях феодалов, унижали епископов, угнетали народы и высасывали у них последние гроши. Помимо отлучений и интердиктов, папство присвоило себе право причислять к лику святых угодных ему покойников, и количество святых дошло до 25 тысяч, и все они творили бесчисленные «чудеса», выкачивающие деньги у верующих. Кроме того, папа обогащался, продавая епископские места и приходы священникам.

Папа короновал императоров, которые должны были, в знак смирения и подчинения, вести его коня под уздцы, и короли сами — в Англии, Арагонии, Португалии, Болгарии, Армении — отдавали ему свои государства в лен, уплачивая дань. Динарий,

или «грош святого Петра» (церковные сборы), стал всесветной казной папы, а крестовые походы — его международной политикой. И эта цепкая, назойливая политика распространилась вскоре по всей Западной Европе; на востоке пыталась проникнуть в Россию, на севере достигла скал Лапландии.

Папа принял титул «наместника Христа», а не святого Петра и стал сравнивать себя с Солнцем, а короля с Луной, которая во много раз меньше Солнца и светит только его отраженным светом.

За малейшее сомнение в святости церковных правил духовенство, прикрываясь благочестием и священным писанием, предавало людей смерти. За малейшее неповиновение отлучало от церкви то одного короля, то другого. А папа, в зависимости от своих выгод, требовал от подданных, чтобы они восстали против своего императора, или, на другой же день, толкал их к восстанию против императорского соперника.

Тяжелой была жизнь простого народа.

Каждый человек хотел есть и пить, должен был одеваться и иметь кров над головой. Для этого бедняк чрезмерно трудился. Но, кроме того, он хотел еще иметь какой-то покой, личную свободу и хоть немного счастья. Однако на это не было никакой надежды: везде царили меч и крест, нужда и печаль, тревога и голод. Бедный люд ничего не видел, кроме гнета и зла. Кругом раскормленные монахи и церковники, рыцари, гремящие латами, и жестокие феодалы; наказания, казни, голод и смерть. Бедный человек был брошен на произвол судьбы. А тут еще мрачные приметы о приближении «конца света»: огненный

дождь, который низвергается с неба, кровавые кометы, затмение солнца, сильные бури и «черная смерть» — чума, косившая людей тысячами.

Укрепленные замки были обнесены высокими каменными стенами с бойницами и башнями, окружены рвами с водой. Мрачны и неприветливы были эти замки сеньоров, владевших лесами, равнинами, полями и лугами и всеми людьми, живущими на их землях.

Крестьяне ютились в хижинах, построенных из дерева и глины. Эти хижины были скорее похожи на норы, чем на дома. Чтобы удержать больше тепла, они строились очень низкими. Крыша была покрыта соломой или тростником. Вместо окон были отверстия, которые ничем не заделывались и только зимой затыкались сеном. Спали крестьяне на земле или на печи, все вместе. Посуды не было, и все ели и пили из одной плошки.

Уныло шел крестьянин за своим плугом, если он у него был, или покорно ковырял землю мотыгой и лопатой. В плуг

впрягалась корова, ей в помощь — иногда козел. Земля не удобрялась и постепенно теряла плодородие.

Дети с малых лет помогали родителям: таскали камни с поля, ухаживали за скотиной, пололи грядки. Когда хлеб вырастал высокий и густой, крепостные радовались, что хоть дети будут сыты. Но вдруг налетал сеньор из замка со своими охотниками и сворой собак. На его руке гордо сидел сокол. Сеньор собрался в лес на охоту и, торопясь, скакал по полям. Раздавался только конский топот да трубный звук, и поле в несколько минут было все вытоптано и опустошено. Хлеб был так помят, что не оставалось ни одного колоса.

Все, что добывали крепостные трудом своих рук: муку, мясо, масло, сало, лен и шерсть, ягоды, мед и воск — они обязаны были отдавать сеньору.

А когда умирал в крестьянской семье отец, то, чтобы удержать его жалкое имущество, приходилось отдавать сеньору как выкуп лучшую скотину и лучшую одежду покойного. Когда сеньор устраивал в своем замке праздник, он требовал с крестьян лишних взносов. Кроме того, крепостные платили за пользование лесом, лугом, рекой и были обязаны содержать войско сеньора в походе.

И каждую минуту в хижину крестьянина мог ворваться монах за сбором церковного налога — «десятины». Он открывал лари, заглядывал в сарай и колодец, повсюду совал свой нос, чтобы унести последнюю краюху хлеба, горсть зерна или кусок холстины.

Обыкновенно замки феодалов — барона, рыцаря, епископа — высились на склонах гор, на холмах и скалах, как гнезда хищных птиц, где феодалы, подобно коршунам, подстерегали каждый шаг хлебопашца. Оттуда сверху дозорные на башнях наблюдали за окрестностями и оттуда налетал грозный сеньор со свитой, закованной в сталь с ног до головы; и горе было тем, кто вздумал бы не повиноваться сеньору. Но даже послушные и покорные не могли считать себя в безопасности, потому что феодалы как крупные, так и мелкие постоянно между собой воевали, и сражения происходили по всякому поводу.

А желая разорить врага, феодалы прежде всего разоряли его крепостных, сжигали деревни, вытаптывали поля, угоняли скот, грабили скудное имущество. Грабить крестьян было забавой для этих «благородных» хищников.

Самым ненавистным, самым коварным и жестоким феодалом-хищником была христианская церковь, которая во имя бога держала людей в беспросветном физическом и духовном рабстве. И крестьянин, навеки прикрепленный к своему участку,

чувствовал себя каторжником, прикованным к тачке; он не видел впереди никакого выхода. Вся его жизнь подчинялась церковным предписаниям.

Жизнь превратилась в мертвую обрядность, а церковь— в молитвенную машину. Католичество превращалось в гонителя жизни. В глазах религии существовал только «тот свет». На земле человек был жалкой тварью, обреченной заранее на погибель за «первородный грех», а народы были единым стадом римского пастыря и его служителей. Католическая вера и беспрекословное подчинение церкви считались единственной добродетелью.

Грамотных среди духовенства было мало, а простых людей, умевших читать, совсем не

было. Грамоте учили в монастырских школах, где дети вначале выучивали с голоса главнейшие молитвы и псалтырь на латинском языке, и затем уже только учили азбуку и садились читать по той же псалтыри. И хотя церковь никогда не упускала из виду воспитательного воздействия на народ, однако она пользовалась для этого более дешевыми средствами: проповедью, исповедью, совершением богослужений, таинств и обрядов. Школа же имела другое назначение: она должна была готовить пастырей церкви и переписчиков Священного писания.

Когда ученик уже умел читать, его мало-помалу приучали к письму, а затем присоединяли церковное пение и счет, который ограничивался почти одной таблицей умножения.

Церковь подчинила себе литературу, душила науку и искусство, дурманила головы людей кошмарами близкого конца мира и страшного суда. Призванием человека было умерщвление плоти. Люди видели в реальном мире только темницу души. Все делалось во имя веры.

Где выход?

Феодалы постоянно стремились к захватам новых земель и крепостных. Для этого надо было воевать, а для войны — содержать вассалов-рыцарей, службу которых полагалось вознаграждать землей. Свободных же земель больше не было. И крупные феодалы стали захватывать земли мелких владельцев. Таким образом появилось много безземельных рыцарей, заветным стремлением которых также становилось приобретение крепостных и земли. Они рыскали в одиночку и шайками, нападали на деревни, отбирали у крестьян все, что было: жалкие запасы зерна, одежду, утварь. Грабили и на проезжих дорогах. Многие замки стали разбойничьими гнездами, владельцы которых совершали набеги на все окрестное население.

Особенной приманкой для рыцарей были богатые владения церквей и монастырей. Здесь они захватывали лошадей и скот, опустошали амбары с богатыми запасами и грабили церковные сокровища.

Разбои рыцарей разоряли крепостных и наносили ущерб землевладению, особенно церковному. А народ нищал и голодал. Голод был постоянным явлением в XI веке. Один из современников писал, что землю до того заливали непрерывные дожди в течение трех лет, что нельзя было найти удобного времени для засева полей и уборки жатвы. Этот «мстительный бич» появился сначала на Востоке, опустошил Грецию, перешел в Италию, распространился по Франции, не пощадил Англии.

Подобные бедствия во Франции XI века были явлением вовсе не чрезвычайным: из 72 лет (987—1099 гг.) сорок восемь падают на голод и эпидемии. Понятно, как эти невзгоды должны были укреплять веру в близкий конец мира, проповедуемый христианством.

Неурожаи, голод, падеж скота, эпидемии, — несчастье за несчастьем. В эту мрачную пору вера в «чудеса» наполняла обыденную жизнь. Ходили слухи, что сам дьявол перестал скрываться, что в Риме видели его торжественное явление перед папой в виде чародея. Слышались странные голоса, бывали частые видения, и среди всех этих «чудес» бога и ухищрений дьявола никто не был уверен, что земля наутро не обратится в прах при звуке небесной трубы, которая возгласит конец мира. Такой конец этого мира скорби и нищеты был надеждой и ужасом для всех людей.

И все с нетерпением ждали какой-то перемены. Пленник ждал ее в мрачной башне и в подземной темнице. Монах ждал

среди монастырских воздержаний, среди искушений и падений, угрызений совести и видений. Забитый нуждой, придавленный зависимостью, униженный церковью, которая учила только терпению, покорности и страху, ждал раб на своей пашне под тенью ненавистного замка. Все мечтали выйти во что бы то ни стало из невыносимого положения. Богатые несли к алтарям пожертвования землями, домами, крепостными. Церкви и духовенство богатели. А народу каждый день приносил все новые бедствия. Ведь простому человеку разрешалось только существовать и повиноваться. Не больше. Бороться за свое благополучие он не смел. Это внушалось религией, исходило от церкви и душило человечество в течение столетий.

Одни кончали самоубийством. У других создавалось враждебное отношение к земному миру и стремление к небесному блаженству. Явилось желание покинуть все земное и пренебречь человеческими привязанностями, лишь бы открыть себе путь к счастью в «загробной жизни». Так усилилась тяга в монастыри, к отшельничеству и аскетизму. Многие крестьяне поднимали восстания. Измученные постоянной нуждой и голодом, они поджигали, грабили и опустошали имения богачей.

Волнения продолжались в фазных странах, и все они неизменно жестоко подавлялись. Слишком отсталыми были крестьяне, слишком они были раздроблены.

В то время — время всеобщего недовольства и отчаянья— церкви и монастыри непрерывно расширяли свои владения за счет даров и подношений: ведь религия внушала, что путем одаривания земных слуг бога можно искупить свои грехи. Церковники охотно принимали щедрые подарки королей, князей, рыцарей, обязуясь за это молиться о спасении их душ. Богатела церковь и оттого, что как землевладелец она жестоко выжимала пот и кровь из своих крепостных, собирала «десятину» со всего населения, а монастыри, кроме того, занимались торговлей.

Своим учением, что земные порядки установлены богом, а потому не подлежат изменениям, религия помогала феодалам держать в руках население. Но церковь искала новых путей, чтобы уберечь себя и господствующие классы от опасности со стороны угнетенного крестьянства, отвести от себя и светской власти угрозу народного возмущения. Кроме того, церковь хотела обезопасить крупных землевладельцев, в том числе и себя, от своеволия и грабежей «безземельных» рыцарей и в то же время ублаготворить слишком распустившуюся рыцарскую бедноту.

Вопрос был только в том, куда обратить взоры крестьянства, жаждавшего земли и свободы, чтобы это было безболезненно и даже выгодно для церкви и прочих феодалов. В какую сторону

направить рыцарство, алчущее поместий и богатств? Как удовлетворить знать, стремящуюся к расширению своих владений?

Так хочет бог!

В то время половина Византийской империи оказалась завоеванной турками-сельджуками, и город Иерусалим, где, по христианской легенде, в храме стоял гроб Иисуса Христа, был под властью «нехристей». И римский папа задумал организовать военный поход на Восток, в Византию, чтобы освободить Иерусалим. Почему не направить в богатую страну рыцарскую вольницу, которая готова была драться где угодно и с кем угодно? Почему не направить туда мятежное крестьянство, жаждавшее земли и свободы? И почему не удовлетворить таким образом крупных феодалов, стремившихся к наживе и расширению своих владений, тем более, что это будет несомненной пользой для папского престола и церкви!

Целью похода объявлялась поддержка братьев по вере, спасение христиан-греков от «неверных» и освобождение от них такой большой святыни, как «гроб господень». На самом же деле намерения Рима ничего общего не имели со спасением христианства. Просто папа хотел подчинить себе восточную православную церковь, чтобы овладеть ее доходами и богатствами.

Атмосфера на Западе становилась все более накаленной, а рассказы паломников, купцов и песни трубадуров о «чудесах» и богатствах Востока разожгли алчность феодалов и духовенства. Папа Урбан II учел воинственные настроения рыцарей и постарался извлечь из них пользу для «создания мировой папской монархии», не заботясь о том, что это вызовет большое кровопролитие.

Он созвал собор в городе Клермоне. Туда стеклось такое множество народа, что собрание происходило под открытым небом. Здесь Урбан II обратился с речью к несметной толпе, с горячим призывом идти на освобождение «гроба господня», заранее отпуская грех тем, кто бросит все свои дела и отправится на Восток. Он говорил:

— Земля, которую вы населяете, сделалась тесной при вашей многочисленности. Богатствами она не обильна и едва дает хлеб тем, кто ее обрабатывает. От этого вы друг друга кусаете и друг с другом сражаетесь… Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда и кончатся междоусобия. Предпримите путь к «святому гробу», отнимите у нечестивого народа земли и подчините их себе… Кто здесь горестен и беден, там будет богат..

Прельстив добычей на Востоке, папа нашел горячий отклик в

толпе. Раздались единодушные ликующие крики: «Так хочет бог!» — и все тут же стали нашивать себе на одежду кресты из красной материи. Так появились крестоносцы — церковные бойцы, личность и добро которых были объявлены, под страхом отлучения от церкви, неприкосновенными.

По христианской земле пошли пылкие проповедники. Особенно прославился среди них французский монах Петр Пустынник. Он уже был поломником в Палестине и рассказывал то, что видел. Изможденный и полунагой фанатик со сверкающим взором, он ездил верхом на осле и страстными речами привлекал народ. В одной руке он держал крест, в другой веревку, которой бичевал себя так, что струилась кровь.

Появились «чудеса» и «знамения», подстроенные духовенством. Народ подымался толпами. «Отец не смел удерживать сына, жена — мужа, господин — раба». Наравне с мужчинами снаряжались женщины и дети. Благочестие и обещание папы отпущения грехов, жажда приключений и славы, надежда испытать сказочные наслаждения и пресытиться богатствами Востока, освобождение от крепостничества и податей, а для преступников освобождение от казни и отсрочка долгов — все влекло западных христиан на Восток. Всем казалось, что нашелся выход из давней тяготы и беспросветного горя. Снаряжались в поход с семьями и домашним скарбом, как переселенцы.

Через поля и луга, вдоль опушек леса, без всяких дорог, потому что тогда их не было, двигались двухколесные повозки, запряженные волами, ехали верхом на мулах, ослах и лошадях' и шли пешком толпы оборванного люда.

Из одной только северной Франции двинулось больше ста тысяч крепостных, нищих и бродяг.

Толпы крестьян двигались вдоль Рейна и Дуная. Они шли на завоевание «гроба господня», но почти все были безоружны. Дубины, косы, топоры и грабли (вместо мечей и копий) и то были далеко не у всех. Они думали, что Иерусалим падет перед их пламенной верой и сдастся без боя. Но никто не знал, где находится этот город и как он выглядит. И часто бывало, что когда издали показывались высокие башни какого-нибудь замка или стены города, вся толпа останавливалась, вглядываясь в незнакомые очертания, и дети спрашивали, не Иерусалим ли это, к которому они стремятся.

Десятки тысяч людей торопились уйти от неволи и притеснений с надеждой на свободную счастливую жизнь в «земле обетованной». Обманутые церковью, они верили обещаниям римского папы и готовы были умереть в борьбе за

будущее счастье. К этой крестьянской армии в дороге примкнуло много обедневших рыцарей, имевших только одного коня и меч. И вся эта армия бедноты шла не только без оружия, но и без припасов. Не было у них ни хлеба, ни сухарей, ни сала, ни мяса, чтобы прокормиться в дороге, и, проходя по землям Венгрии, Болгарии и затем Византии, крестоносцы грабили и убивали население. Для бедноты грабеж был единственным способом добыть себе питание. К тому же в этом походе было много хищников-рыцарей, воров и уголовных преступников, которых прельщал всякий разбой. Венгры и болгары давали им энергичный отпор и беспощадно уничтожали крестоносцев, которые, еще не достигнув цели, уже понесли большие потери. Через три месяца тяжелого пути значительно поредевшие толпы бедняков достигли Константинополя. По подсчетам, они потеряли в Европе около 30 тысяч человек.

Пораженные богатством Константинополя, крестоносцы стали разрушать и грабить дворцы и богатые дома предместий. Чтобы от них избавиться, византийский император Алексей стал переправлять крестоносцев на кораблях в Малую Азию, где, оборванные и безоружные, они были постепенно перебиты турками. На Никейской равнине поднялись целые холмы из костей крестоносцев, а захваченные в плен были обращены в мусульманство и проданы в рабство.

Только около трех тысяч человек сумели избежать преследований сельджуков. Некоторые из них, вернувшись в Константинополь, постарались пробраться обратно на родину, другие же остались ждать подхода главных военных сил.

Так трагично окончилась попытка западных крестьян бежать из-под власти меча и креста. Они жестоко поплатились за мечты о свободе и счастье, за то, что поверили «святому отцу» — папе, наместнику бога на земле, который хотел избавить себя, церковь и феодальную знать от опасных смутьянов и «бунтовщиков».

Между тем снарядилось в Европе и рыцарское крестоносное войско, до 300 000 конных рыцарей и пехоты, за которым тянулись 200 000 богомольцев, женщин и детей. Вместо папы пошел его представитель — легат. Общего вождя не было, и рыцари переходили из лагеря в лагерь, не зная никаких приказаний. Большинство снарядилось так, как будто не рассчитывало на возвращение. Они везли с собой все имущество, оружие, утварь, деньги и вели всех своих людей.

В Византии крестоносцы с удивлением узнали, что ее нечего спасать от язычников, как говорил папа. В рядах византийского войска были те самые мусульмане, которые, по словам папы, будто бы притесняли христиан и от которых они собирались

освобождать Иерусалим.

Однако, когда крестоносцы двинулись дальше, они натолкнулись на серьезные препятствия. Вражеское турецкое войско было неистощимо, отличалось отвагой, хитростью и большой подвижностью. Его основа, кавалерия, состояла из ловких всадников на быстрых конях и была вооружена легкими и острыми, как бритва, дамасскими саблями и меткими стрелами.

Крестоносцев встретили сильные крепости, жажда и голод: неприятель тщательно истреблял все запасы. Они блуждали, не зная дорог, по раскаленным пескам, часто попадали в засады и долго стояли под стенами крепостей, не имея осадных орудий. Кони падали, и большинство рыцарей ехало на быках и ослах, а припасы везли на баранах и собаках.

Только через три года после начала похода крестоносцы дошли до Иерусалима. Они пали на колени, обнимали землю, рыдали от восторга, что видят «святой город». Изможденные, в лохмотьях, без воды на июльском припеке в каменистой пустыне, рыцари целый месяц с отчаяньем стояли под стенами города, пока не подошли генуэзцы с осадными орудиями и припасами. Крестоносцы осадили Иерусалим и ворвались в город. Забыв христианскую заповедь «не убий», они вырезали в городе всех мусульман. Земля была залита кровью, и сами победители были в крови с головы до ног. В черте иерусалимского храма погибло до десяти тысяч человек, не считая тех, чьи трупы валялись на улицах и площадях города.

После боя победители сложили оружие, смыли с себя кровь и босые, без шапок пошли по «святым местам», ползали там на коленях и с рыданьями молились, чтобы очиститься от грехов. Решив, что таким образом они добились прощения у бога за все совершенные убийства, рыцари со спокойной совестью вступили в обладание захваченными в бою домами, где нашли много золота, серебра, драгоценных камней, одежды, запасы фруктов и вина.

Затем завоеватели организовали новое государство — королевство Иерусалимское — и установили в нем феодальные порядки, как в Западной Европе.

Трудности этого похода еще больше углубили пропасть между бедняками и феодалами, которым удалось увеличить свои богатства.

В пути обнищали многие мелкие рыцари и в еще худшем положении оказалась крестьянская беднота. Тысячи нищих земледельцев, которые со своими семьями примкнули к рыцарским отрядам, потеряли даже то немногое, что у них было. Они шли босиком, без оружия, без денег, совсем оборванные и кормились чем попало. Они отправились в неведомые края в

поисках лучшей доли, поверив духовенству, говорившему, что так хочет бог. Но та ничтожная часть их войска, которая добралась до Иерусалима, подпала опять под власть феодалов в новом Иерусалимском королевстве.

Римский папа не забыл напомнить победителям, что этот поход организовала католическая церковь, и, следовательно, ее нужно вознаградить—то есть папа должен владеть Иерусалимом. Однако после долгих споров Иерусалим был передан в управление патриарху — представителю римского папы, а светским правителем был выбран рыцарь Готфрид Бульонский, участник похода, согласившийся стать вассалом патриарха.

Христиане против христиан

Кровавое безумие крестовых походов на Восток, вдохновляемое религией, длилось 175 лет (1095–1270 гг.).

В 1187 году великий полководец Востока Саладин взял приступом Иерусалим. Отбить город западным христианам не удалось, и третий крестовый поход потерпел полную неудачу. На стороне Саладина было все население Сирии и Палестины. Не только мусульмане, но и сирийские христиане ощутили на себе тяжелую руку крестоносных убийц и грабителей. Они убедились на печальном опыте, что господство западных христиан несет с собой невыносимый гнет крепостной зависимости, гнет рабства и нужды.

В 1198 году папой римским стал Иннокентий III, стремящийся, как и его предшественники, к безграничному усилению своего могущества, мечтавший подчинить своей власти всех государей и присоединить к Риму восточную церковь, чтобы овладеть ее богатствами. Уже в первый год своего пребывания на папском престоле Иннокентий III разослал епископам Италии послание с призывом к новому крестовому походу. Он писал, что плачем плачет церковь и что ее жалобный голос разносится по всей земле, потому что за грехи христианских народов язычники, ворвавшись в «святую землю», затопили ее кровью и в Иерусалиме никого не осталось, чтобы похоронить трупы христиан.

Рисуя эту горестную картину, папа уклонялся от истины Саладин, заняв Иерусалим, даровал жизнь населявшим его христианам и дал возможность тысячам крестоносцев за выкуп вернуться на родину. Между тем как в свое время первые крестоносцы, овладев Иерусалимом, вырезали там все нехристианское население. Папа это, конечно, знал, но, желая придать своему посланию особую убедительность, просто пренебрег правдой.

Призыв Иннокентия III к крестовому походу был подхвачен церковниками, и во всех странах Западной Европы раздались зажигательные речи в пользу новой «священной войны». Одних привлекали обещания «небесных благ», на которые духовенство никогда не скупилось, других — надежда на блага земные.

Но в конце XII века крепостные на Западе уже стали явно предпочитать другие, более верные пути для облегчения своей жизни. Они больше не поддавались на призывы духовенства к крестовым походам, а бежали прежде всего в быстро растущие города, где надежда на освобождение была более реальной, чем в неведомой «загробной жизни» или в далекой «святой земле». По

народной поговорке того времени «городской воздух уже делал свободным».

Зато на одном из блестящих рыцарских турниров во Франции множество собравшихся там баронов и рыцарей, жаждавших добычи и славы, приняли под влиянием пылкого проповедника обет крестоносцев. Вскоре они договорились с дожем Венеции — главой Венецианской республики, что за 85 000 марок венецианцы их перевезут на своих кораблях в Константинополь.

Через несколько месяцев крестоносцы стали прибывать отдельными группами в Венецию. По приказу дожа их перевозили на пустынный остров Лидо. Там, окруженные морем, крестоносцы оказались в прямой зависимости от венецианцев. Чтобы сделать их более сговорчивыми, дож приказал ограничить их снабжение съестными припасами и пресной водой.

Среди рыцарей начался голод. Солнце нестерпимо палило, пресной воды не хватало, появились болезни и даже смертные случаи. Тем временем миновал назначенный венецианцами срок расплаты, а наличных денег у рыцарей не было.

Дож воспользовался безвыходным положением крестоносцев и подсказал им выход: выплатить долг своей службой, для чего по пути в «святую землю» крестоносцы должны взять штурмом город Задар, вышедший из повиновения Венеции и отдавшийся под покровительство венгерского короля.

Рыцари креста призадумались: население Задара было христианским, и венгерский король сам был крестоносцем. Римский папа, конечно, мог бы покрыт задолженность крестоносцев, для него это не было такой уж большой суммой, но папе это было невыгодно.

Задар был взят и разгромлен, и рыцари, как всегда, дрались между собой из-за добычи. Папа Иннокентий III выразил «безмерную скорбь» о происшедшем, но простил крестоносцев, когда узнал, что теперь они готовы следовать в «святую землю». Однако, когда венецианский дож предложил крестоносцам деньги, с тем чтобы они взяли Константинополь и вернули престол свергнутому там царевичу Алексею, они согласились и на это «восстановление справедливости», хотя Константинополь был христианским городом.

Накануне решительного штурма Константинополя священники заранее отпускали грехи крестоносцам, прощали убийства и грабежи, внушали, что овладение городом — «богоугодное» дело, что эта битва христиан с христианами является справедливой и оправданной и что за овладение землей и подчинение ее Риму крестоносцы получат прощение всех грехов и попадут в рай.

Константинополь был взят, и рыцари креста, упоенные победой, разграбили богатый город.

От рыцарей, закованных в латы, не отставало и духовенство. Подоткнув свои рясы для быстроты передвижения, они бегали по городу и «предавались благочестивому воровству».

Узнав о разгроме Константинополя, папа для виду разразился протестами против рыцарских злодеяний, потому что они могли повредить авторитету католической церкви. Но вскоре же затем объявил падение Константинополя «чудом божьим», умилился по поводу того, что греческая империя перешла к латинянам справедливым божеским судом, и объявил грабеж Константинополя небесным возмездием за отступничество византийцев от истинной католической веры.

Детский крестовый поход

Но на этом католическое духовенство не успокоилось. Ради золота и власти западная церковь готова была проливать кровь без конца, внушая народам, что этого хочет бог.

В начале XIII века по городам и деревням Франции, а затем и в других странах, стала распространяться мысль о том, что если взрослым людям за «их грехи» не дано было освободить Иерусалим от «неверных», то это смогут сделать «невинные» дети. Они-то уж сумеют добиться милости от бога, они «чудом» освободят Иерусалим, этим искупят «грехи» народов и добьются таким образом для всех лучшей жизни. К тому же по разным суеверным приметам предсказывалось, что засуха в ближайшие годы будет так велика, что высохнет море и в Константинополь можно будет дойти сухим путем.

Духовенству эта выдумка была на руку. И вот однажды французский пастушок, двенадцатилетний Этьен, живший около города Вандом, увидел сон. К нему явился под видом нищего сам Иисус Христос, и мальчик дал ему хлеба. Христос съел хлеб и в благодарность передал пастушку письмо на имя короля Франции. В этом письме был призыв освободить Иерусалим и послать туда невинных детей-крестоносцев под предводительством Этьена.

Все это, конечно, было внушено религиозному и впечатлительному мальчику, и письмо Христа было сфабриковано духовенством, которое решило использовать Этьена в своих целях.

В мае Этьен пришел в аббатство Сен-Дени в Париже и назвал себя «божьим посланцем», который должен повести детей на освобождение «святой земли».

Священники аббатства ретиво взялись помочь мальчику. Вместе с монахами они составили свиту Этьена и переходили с ним из одной деревни в другую.

Везде он собирал вокруг себя толпы бедняков своим рассказом о «божественном видении». Он показывал письмо, полученное им «от бога», и призывал своих однолеток к походу. Вскоре у Этьена появилось много подражателей, и дети его возраста стали ходить по деревням с призывом идти в «святую землю».

Со всех сторон стали направляться к Этьену толпы детей— большей частью не старше 12 лет. Они шли с крестами и знаменами, распевая церковные гимны. А пастушок Этьен уже был окружен конными телохранителями из духовенства и разъезжал по стране в повозке, украшенной коврами. Народ

верил словам, что по велению бога море расступится перед детьми и они перейдут по нему, как по суше, и отвоюют «святую землю». К детям примкнуло много взрослых из крестьянской и городской бедноты, много фанатиков-монахов, а заодно и разных преступников.

Сборный пункт крестоносного воинства был в городе Вандоме. За один месяц здесь собралось до 30 тысяч детей — мальчиков и девочек. Они прошли через Тур и Лион, направляясь в портовый город Марсель. Стройными рядами, распевая гимны, вступили они в предместье Марселя и направились по улицам города прямо к морю. Жители города были потрясены видом этого войска, смотрели на них с благоговением и благословляли на великий подвиг.

Дети остановились на берегу моря, которое большинство из них видели впервые. Множество кораблей стояло на рейде, и море уходило в бесконечную даль. Волны то набегали на берег, то отходили, и ничего не менялось. А дети ждали чуда. Они были уверены, что море должно перед ними расступиться и они пойдут дальше. Но море не расступалось и продолжало плескаться у их ног.

Дети стали горячо молиться… время шло, но чуда все не было. Тогда Этьен в отчаянии воскликнул:

— Мы прогневили бога! Надо усиленно поститься и молить бога о прощении! Тогда он смилуется над нами и совершит то, что обещал мне Христос!

Со слезами дети отошли от берега и за городом раскинули лагерь. На другой день к детскому лагерю подъехали несколько богато одетых и вооруженных всадников. Их провели к повозке Этьена, в которой он отдыхал. Всадники сошли с коней и упали на колени перед мальчиком.

— Благородный вождь святого воинства! Мы хотим тоже послужить богоугодному делу! Мы предлагаем перевезти юное воинство на наших кораблях в Константинополь!

— Добрые люди, от всего сердца благодарю вас, но мне нечем вам заплатить! Только бог может вознаградить за доброе дело! — ответил Этьен.

— Нам от тебя ничего и не надо! Мы ждем только милости божьей! — ответили приезжие и тут же послали своих слуг на несколько кораблей, стоявших в гавани.

Корабли спустили шлюпки, и вскоре все дети разместились на семи больших каравеллах. Как только взошла луна, эскадра покинула марсельский рейд, как будто спеша поскорее доставить к месту битвы юных крестоносцев.

Ночью в море поднялся шторм. Ветер срывал паруса, ломал

мачты, волны перекатывались через палубы. Дети, запрятанные в. трюмы, горячо молились, но, несмотря на их молитвы, два корабля потонули. Остальные пять, изрядно потрепанные бурей, доставили детей не в Константинополь, а в Египет. Думая, что они в Византии, дети горячо благодарили бога за избавление от смерти и собирались сойти с кораблей на берег. Но тут их постигло горькое разочарование. Корабельная команда согнала их в трюмы и сковала ноги цепями. Затем корабельщики стали их продавать в рабство мусульманам.

Позднее эти преступные работорговцы, обманом заманившие детей на свои корабли, были повешены, но все юное крестоносное войско погибло. Так печально закончился первый поход детей-крестоносцев.

Рыцари «просветители»

Как же отнесся к этим походам детей римский папа?

Когда Иннокентий III узнал о первом походе, он говорил, что дети служат укором для взрослых, равнодушных к вопросам религии. Он не осудил этой бессмысленной затеи, не помог детям и предоставил их своей участи.

Крестовые походы продолжались, но, кроме Малой Азии, Сирии и Палестины, алчные взоры пап привлекала и северо-восточная Европа и Россия со своими сказочными богатствами и безграничными просторами.

Мысль о соединении церквей, восточной и западной, возникла у папы Иннокентия III в первый год его папства (1198). После падения Константинополя, когда его захватили и разрушили крестоносцы в 1204 году, Иннокентий III известил об этом русское духовенство грамотой, которую послал в Россию с кардиналом для проповеди и убеждения русских князей перейти в католичество; указывая на падение Греческой империи, папа советовал русским не сопротивляться и не отпадать от единой паствы Христовой. Но успеха эта папская грамота не имела. Так же напрасны были усилия папского посла убедить князя Романа Мстиславовича Галицкого — в ответ на уговоры кардинала князь показал ему собственный меч. Через три года папа снова возобновил свои попытки, отправив в Россию кардинала Виталиса с предложением духовенству и народу перейти в католичество. Но все замыслы папы встречали в России непреклонный отпор и единодушие по вопросам веры у русских князей.

В XII и XIII веках хищные германские рыцари, объединившись в военно-монашеские ордена, Ливонский и Тевтонский, бросились на завоевание прибалтийских и славянских народов. Предлогом было внедрение среди них христианства. С оружием в руках рыцари отправлялись «просвещать поганых» язычников.

Участник похода рыцарей в Прибалтику, священник и летописец Генрих Латвийский, описал, каким образом рыцари насаждали христианство среди эстов, пруссов и ливов. Рыцари распределили свое войско по всем дорогам, деревням и областям и все на своем пути сжигали и опустошали. Всех мужчин убивали, а женщин и детей брали в плен. Скот и коней угоняли. Домой рыцари возвращались с отпущением грехов и почитались чуть ли не святыми.

Церковникам эти походы феодалов были выгодны: если рыцари захватывали себе таким образом новые земли, то духовенство, кроме пожертвований, получало право собирать

церковную «десятину» в свою пользу с завоеванного населения.

Поработив в Восточной Прибалтике эстов, ливов и пруссов, рыцарские ордена с благословения папы стали собирать силы для удара на славян. Ливонский рыцарский орден объединился с шведами и устремился на Псков и Новгород. Во главе этих крестоносцев шли епископы. Они захватили Псков и стали грабить окрестности Новгорода. На завоеванных землях строили католические церкви, безжалостно истребляли население или обкладывали его тяжелой данью.

В 1240 году в знаменитой битве на Неве князь Александр Ярославович, прозванный Невским, одним ударом разгромил католиков и, по словам летописца, острым копьем ранил в лицо шведского короля. Через два года после этого Александр Невский разбил рыцарей под Псковом, ворвался во владения Ливонского ордена, сжег селения и захватил много пленных. 5 апреля 1242 года он окончательно разгромил тевтонских рыцарей на Чудском озере в битве, прозванной Ледовым побоищем. «И бысть та сеча зла и велика, и треск от копий ломания и звук от мечного сечения… и не бе видети льду, покрыто бо все есть кровию…»— писал летописец. Этим побоищем рыцари окончательно были отброшены от наших границ.

За эту победу через 300 лет православная церковь объявила Александра Невского «святым».

В 1252 году папа Иннокентий IV сделал еще одну попытку и послал двух своих кардиналов с поручением убедить Александра Невского признать верховную власть папы и согласиться на введение католичества в России. Со стороны князя все предложения кардиналов встретили решительный отпор: «От вас учения не приемлем!» — ответил князь, и кардиналы с позором возвратились в Рим.

Торговля Раем — индульгенции

Жадность пап не имела границ. И хотя в течение веков из разных концов католического мира в Рим стекались огромные богатства, папы применяли всевозможные способы, чтобы их еще увеличить. Им нужны были деньги на усиление своего могущества, на подкупы, на одаривание близких, на роскошь, которой они себя окружали.

Папа Бонифаций VIII цинично говорил: «Надо продавать в церкви все, что только угодно покупать простакам!» И на этом основании он объявил 1300 год «святым годом». Каждый католический паломник, прибывший в этот год в Рим и приносивший деньги в церкви и монастыри, через 15 дней своего пребывания в Риме получал прощение грехов. С него снималась и юридическая ответственность за совершенные преступления. Празднование «святого года» оказалось настолько выгодным, что с тех пор «святой год» стал отмечаться каждые 25 лет.

Крупную статью дохода составляла также торговля папскими грамотами с отпущением грехов, так называемыми индульгенциями.

Доминиканский монах и богослов XIII века Фома Аквинский разъяснял, что «святые» и глубоко верующие совершили так много добрых дел, что этого запаса, которым на земле распоряжается наместник Христа — папа римский, хватит на то, чтобы искупить грехи любого, даже самого безнадежного грешника. Для этого человек, желающий получить прощение грехов, должен только дать известную сумму денег папе, который, как казначей духовного сокровища, вынимает оттуда некоторую долю запасных заслуг и отдает ее тому, кто хочет попасть в рай, то есть заплатит деньги.

Была составлена специальная «книга такс», где за любое преступление назначена особая цена, с внесением которой виновный освобождается и от наказания и от вины. В этой книге написано: «Церковные милости и отпущения ни в коем случае не должны даваться беднякам, ибо они, не имея чем платить, не должны получать утешения». По папскому закону XIV века, «духовное лицо, убившее своего отца, мать, брата или сестру, вносит для утешения семь грошей». Закоренелые преступники — воры, грабители, мошенники — должны были только дать деньги на индульгенцию, и все награбленное оставалось в их полной собственности, и их освобождали к тому же от наказанья.

Монахи торговали отпущением грехов на папертях или у входа в церковь. Они продавали свои грамоты от имени папы во

всех городах в будни и в праздники, на ярмарках и базарах. Они продавали, смотря по цене, также полное загробное блаженство или только его половину.

Уплатившим сполна они вручали кусочки пергамента, на которых было указано число оплаченных лет. Под числом значилось изреченье:

Не хочешь ты в чистилище гореть сто тысяч лет, Купи грехов прощение — вот мой тебе совет;

Купи здесь индульгенцию, будь папою прощен;

Грош, здесь ему уплаченный, там господом зачтен!

И покупатели стекались со всех сторон. Продажа сопровождалась рекламой, монахи выкрикивали:

— Покупайте индульгенции! Есть на всякие цены! Это святая торговля, и товары есть для всякого! Но в долг не даем! Покупать прощение и не платить за него наличными — это преступление в глазах создателя!

Продавались индульгенции и за будущие, еще не совершенные грехи. Можно было купить отпущение грехов вперед на весь остаток жизни или на сто и четыреста лет, которые человек прожить, конечно, не сможет.

Некоторые монахи-проходимцы, продавая индульгенции, уверяли, что как только опущенная монета зазвенит в кружке, так душа грешника сразу же попадет в рай. Они говорили, что индульгенция заглаживает все грехи: прошлые, настоящие и будущие, вольные и невольные и даже впредь замышляемые. «Платите деньги! Пользуйтесь случаем!»— взывали они к толпе. Но бедняки не могли купить отпущение грехов у бога и стали обращаться за помощью к дьяволу, который мог дать счастье не в раю, а здесь, на земле. Хотя христианская церковь и прокляла старых языческих богов, они все же продолжали жить в народных глубинах, превратившись в сознании людей в духов природы— русалок, леших, гномов, водяных и т. д., причисленных церковью к «нечистой силе».

К этой-то бесовской силе, которая была гораздо ближе сознанию бедняка, чем пышная, торжественная, не способная помочь церковь, и стал обращаться темный народ за помощью во всякой беде. И вера в дьявола усилилась настолько, что люди стали заключать с ним договоры. Ведь если бог не помогал, то дьявол непременно должен помочь; надо только отдать ему свою душу, и дьявол доставит за нее богатство и счастье в земной жизни.

Начались «шабаши» — ночные собрания угнетенных рабов, где они служили «обедню» дьяволу и чувствовали себя хоть ненадолго свободными и счастливыми.

Миг счастья на земле — шабаши

Закутанные в темные плащи, осторожно пробирались лесом мужчины и женщины в одиночку и парами по мрачным пустынным тропам в тени угрюмых деревьев. Тропинки терялись в густой чаще, становились все более мрачными и дикими. Но, следуя какому-то чутью, люди шли почти напролом сквозь дремучие дебри к определенному месту.

Лес постепенно оживал со всех сторон: трещали ветки, ломались сучья, внезапно взлетали вспугнутые птицы, перекликались издали отдельные голоса, и ветер то гудел, точно колокол дальней церкви, то поднимал рев и хохот, как будто вся природа сговорилась посмеяться над путниками в глуши, а их становилось все больше и больше.

Наконец впереди между деревьями показался мерцающий свет и оттуда донеслись торжественные звуки гимна. Путники быстрее стали продвигаться вперед… Пение оборвалось. Наступила полная тишина.

Отдельные фигуры пришедших появлялись на краю поляны, окруженной со всех сторон темной стеной деревьев. В середине открытого пространства высилась скала или громадный камень, представлявший грубое подобие алтаря. Вокруг него, точно свечи на вечерней молитве, горели смолистые факелы, привязанные к голым стволам деревьев. Огненные языки взвивались высоко в ночное небо, ярко освещая поляну. Красные отсветы разгорались и гасли; собравшаяся многолюдная толпа то ярко освещалась, то исчезала в тени и снова как будто рождалась из мрака, наполняя жизнью лесную глушь.

В быстрой смене тьмы и света мелькали лица, которые днем можно было видеть в соседних деревнях, на полях сеньора, на базарной площади города и во дворе замка. Здесь были, кроме крестьян и бедных ремесленников, слуги из замка, монахи и даже знатные дамы; жены почтенных мужей и вдовы. Здесь слабые и боязливые не сторонились злых, сильные и надменные не презирали смиренных рабов, потому что все были равны и вели себя как равные.

Факелы горели, и в клубах дыма, стлавшихся над нечестивым собранием, обозначались черты людей, принимавших вид призраков. А когда пламя вспыхнуло ярче и взвилось кверху, на скале появилась фигура в маске и черном плаще. Два рога торчали над капюшоном, и козлиная бородка спадала на грудь. Это был сам дьявол, которому здесь поклонялись отчаявшиеся в боге люди и которому служили обедню в лесу. Дьявол восхвалял

грех и все недозволенное в обыденной жизни, он призывал к счастью на земле, к веселью и полной свободе.

Каждый принес с собой угощенье, и все было общим. Тут были не только хлеб и коренья, но пироги, мясо, пиво и вино — все, что бедняки накопили в течение многих дней. Начались пляски. Резко и сипло пищали волынки из выдолбленных костей, гудели барабаны с натянутой кожей казненных преступников, надрывались, сипели скрипки, и пляска понесла, закружила, как буря, с гулом, воем, ревом, визгом и хохотом толпу чудовищных призраков. Здесь были бесы с рогами и копытами, бородатые козлы, огромные кошки с горящими глазами, как у дьявола, мохнатые пауки, бугорчатые жабы. И все это со смехом, диким криком и визгом крутилось в бешеном хороводе.

С лугов поднимался туман, пахло едкой дымной сыростью. Откуда-то издали донесся благовест церковного колокола, и в багровом отблеске заходящего месяца испуганные ведьмы и участники шабаша быстро разбежались во все стороны. Из призраков они превратились в жалких оборванных людей, и снова для них начиналась с восходом солнца обыденная жизнь, полная страданий и унижений.

Эти ночные собрания крепостных рабов стали «черной обедней», в которой все было наоборот, по сравнению с христианским служением, и которая была гораздо привлекательней скучных обеден в церкви на латинском языке, которого никто не понимал. На этих шабашах вконец измученный крестьянин, слуга и раб опять чувствовал себя человеком, был равным среди равных и хоть ненадолго отводил свою душу в пении и плясках.

Особенно это касалось положения женщин, которых христианская религия всегда принижала.

В VI веке на Маконском соборе епископы и отцы церкви дошли до того, что спорили: есть ли у женщины душа? Большинством только одного голоса было принято решение, что у женщины душа есть!

Женщина в средние века оказалась на самом низу общественной лестницы, а феодализмом была низвергнута на положение последней из последних. И она первая бросилась искать выход из гнусной действительности, обращаясь к помощи «нечистой силы».

Усилилась вера в колдовство. Книги, в которых было написано, как вызывать «нечистую силу», как с ней обращаться и как с ее помощью добиваться желаемого, назывались «черными книгами». Появилось много колдунов.

Эта массовая вера в дьявола была своеобразным протестом

против существующих порядков. И если шабаши вначале были мрачным праздником восстания, зловещей оргией крепостных рабов, собиравшихся ночью для веселья, то вскоре они превратились в массовое явление. Это было своего рода борьбой против ненавистной власти церкви. И церковь воспользовалась этим как оружием против народных масс, против всякого недовольства, и заподозренных в колдовстве или сношениях с нечистой силой она отдавала под суд инквизиции…

Ереси

Таким же протестом против власти церкви и существующих порядков были средневековые ереси — секты, которые являлись религиозным выражением протеста.

Постоянные войны требовали все больше средств, налоги и повинности населения все увеличивались, а выхода нигде не было.

Не получая утешения в религии, видя алчность, несправедливость и жестокость духовенства, многие люди стали задумываться над вопросом: настоящее ли это духовенство? И подлинная ли это христианская церковь, в которой нет апостольской чистоты и простоты первобытной? Эти вопросы появлялись у благочестивых мирян, размышлявших над тем, что они видели. Все чаще стали появляться люди, которые брались ответить на эти вопросы, — и отвечали на них отрицательно.

Вожди церкви должны быть совершенны, говорили они, ведь такими были апостолы. Духовенство проповедует, что католическая церковь происходит от апостольской, но есть ли между ними сходство? Апостолы жили трудами рук своих и все, что имели, раздавали бедным. Римские же прелаты и кардиналы ничего не делают и живут на деньги, собираемые с бедняков. Апостолов гнали и обижали, и они благословляли своих преследователей. Римская же церковь сама преследует тех, кто ей не повинуется, да еще проклинает их и наказывает. Апостолы проповедовали мир и непротивление насилию, а папы, будто бы их преемники, только и делают, что возбуждают неправедные войны, прикрываясь тем, что они сражаются за веру и за святыни Что же они унаследовали от апостольской церкви?

Папы уверяют, будто первым епископом римской церкви был апостол Петр, но в Священном писании об этом ничего не сказано. Сами папы проговариваются, что их светская власть языческого происхождения. «Италию, — говорят они, — папе Сильвестру подарил император Константин, но Константину она досталась от языческих цезарей, которые приобрели ее насилием и обманом.»

Против власти пап была выставлена Библия на народном языке. Читая ее, люди толковали библейские тексты по-другому, не так, как духовенство, и находили, что церковь установила неправедные законы. Тогда чтение Библии было запрещено для народа. Но люди продолжали критиковать церковь и существующие власти. И церковь назвала их еретиками.

Ереси были протестом широких масс населения против

церкви и феодальных порядков. Возникали они, главным образом, среди крепостных крестьян и плебейского населения городов. Общей чертой этих средневековых ересей была вражда' к существующему строю, к богатой и могущественной церкви, к папскому Риму, к духовенству и монашеству. Опираясь на авторитет Библии, протесты городского и деревенского населения против феодальной власти, которая поддерживалась и освящалась церковью, возникали почти в каждой стране. Иногда эти ереси становились широким общественным движением.

Во французском городе Лионе зародилось движение «вальденсов», названное так по имени купца Петра Вальда, который роздал все свое имущество бедным и проповедовал простоту и бедность. Это движение быстро распространилось по всей Франции, Швейцарии и захватило другие страны Европы. Вальденсы считали, что храмы не нужны, что молитва доходит до бога из любого места, даже из конюшни. Они отвергали духовенство, считая, что только личные заслуги верующего дают право совершать религиозные обряды.

В XII веке во Франции возникла также секта «катаров» (по-гречески «катар» — чистый), которая называлась альбигойской ересью (по городу Альби, где она была особенно многочисленна). Альбигойцы отвергали крещение, причастие и церковный брак, выступали против общественного неравенства, не признавали частной собственности, отрицали необходимость власти светской и церковной. Папу считали слугой сатаны, а весь мир и заповеди Моисея— творением дьявола.

Это движение охватило не только ремесленников и крестьян. К нему примкнули из корыстных целей рыцари и крупные феодалы, хотевшие нажиться за счет церковных земель, так как, по учению альбигойцев, церковь не должна была владеть землей.

Неутомимый папа Иннокентий III организовал против альбигойцев крестовый поход под начальством фанатика Симона де Монфора. Храбрый и жестокий рыцарь бросился по первому зову папы на завоевание плодородных земель южной Франции. Этот крестовый поход длился несколько лет, и каждый год Симон де Монфор посылал папе большую сумму награбленных денег.

К Симону де Монфору примкнули феодалы северной Франции, надеясь поживиться за счет конфискованных земель и имущества еретиков. Кроме того, прельщало то, что всем участникам похода папа обещал отпущение грехов. За крестоносцами следовало множество монахов, которые после каждой одержанной победы устраивали массовые сожжения еретиков. После взятия города Безье папский представитель епископ Арнольд дал приказ крестоносцам: «Бейте всех, господь

сам узнает своих верных» — то есть отличит среди убитых католиков от еретиков и кого надо направит в рай. Так было перебито 20 тысяч ни в чем не повинных горожан.

Альбигойская война продолжалась несколько лет. Отличившегося в этой войне своей жестокостью монаха Доминика церковь объявила святым. Насилия над населением и свирепость победителей возбудили в стране всеобщее ожесточение. Возникали новые ереси. Поэтому папа Григорий IX организовал в 1229 году тайный церковный суд — святую инквизицию, на которую возлагалось обнаружение и наказание всех еретиков. Начиная с середины XIII века главной деятельностью пап была уже не организация крестовых походов, а преследование еретиков. Еретиками же и ересью назывался любой протест, любое проявление свободной мысли, любое несогласие с существующими порядками.

Без пролития крови — инквизиция

Папа Иннокентий III поручил инквизицию ордену доминиканцев. Духовными орденами назывались монашеские организации, члены которых подчинялись папе, совместно жили в монастыре и придерживались определенного устава. Основателем доминиканского ордена был монах Доминик.

В народе доминиканцев называли «псами господними», их знаком была собака с факелом в зубах.

Дух инквизиции выразился в словах одного инквизитора королю: «Мы будем жечь богачей, а имения их вы разделите с епископом. Не беда, если мы сожжем сотню невинных, лишь бы среди них был один виновный».

Под еретиками разумелись всякие враги папства, хотя бы то были сами кардиналы, и сверх того — евреи и магометане. От инквизиции не спасала даже смерть, потому что трупы виновных вырывали из земли и сжигали на костре. Чтобы добиться признания, употребляли запугиванье, лжесвидетельство, жестокие пытки, которые совершались в подземельях палачами в черных масках. Имен судей и свидетелей никто не знал. Если кто сознавался при допросе, его навеки замуровывали в подземельях или приговаривали к всенародному отречению от ереси. Несчастного выставляли в церкви в желтой одежде с красными крестами и со свечой в руке. Даже прощенный, еретик ходил с красным крестом на платье, чтобы от него бежали, как от зачумленного. Кто не сознавался или попадался во второй раз, того отдавали в руки светской власти, которая охотно сжигала его живьем или после удушенья. Это был суд над врагами католической церкви.

К еретикам и колдунам причисляли политических вольнодумцев и передовых ученых. Судьи-инквизиторы имели громадные полномочия, а их усердие подогревалось тем, что имущество казненных поступало в собственность «святого» трибунала.

В погоне за деньгами и властью духовенство ни перед чем не останавливалось. В борьбе с колдовством оно нашло очень удобный способ для расправы со всеми своими противниками, объявляя их слугами дьявола. Достаточно было одного анонимного доноса, чтобы схватить «виновного». Признание у жертвы вырывалось изощренными пытками, и признавшихся сжигали на кострах инквизиции для спасения их душ. Эта казнь называлась «наказанием без пролития крови». А свирепость инквизиторов называлась «делами веры».

Короли и императоры допускали, чтобы монахи распоряжались имуществом и жизнью их подданных. Они не только терпели, но награждали кровавый трибунал, который изгонял из их государств науку и просвещение, любую живую мысль и разум. Целые народы были подавлены страхом перед инквизицией: отец боялся родного сына, жена мужа, дети родителей. Были порваны все узы родства и дружбы, потому что религия внушала, что священный долг каждого делаться доносчиком и предателем. Все эти меры, однако, ни к чему не привели. Колдовство, чернокнижие, продажа души дьяволу и союз с ним были только следствием того отчаянного положения, до которого было доведено низшее сословие; это был своего рода протест против тягот жизни, расцветший на почве темноты и невежества.

Нигде мракобесие инквизиторов не проявлялось с такой силой, как в «ведьмовских» процессах. Сотни тысяч женщин погибали на кострах. Их привлекали к суду и обвиняли в том, что они ведьмы, за то, что, например, лечением они иногда добивались исцеления, а это кому-нибудь казалось странным; за то, что, поссорившись с соседкой женщина в гневе пожелала ей зла, а у соседки потом сдохла корова; за то, что хозяйка угостила гостя, а он через некоторое время заболел; за то, что жена поставила заплату на брюки мужа, а тот вскоре упал и повредил себе колено. Стечение такого рода обстоятельств делало для суда инквизиции вину более чем правдоподобной.

Особенно жестокой была испанская инквизиция, где в течение 18 лет безраздельно творил суд «на престоле огня и крови» великий инквизитор, монах Фома Торквемада. Он сжег на кострах не менее 10 тысяч еретиков и погубил около 120 тысяч семей.

В России тоже были очень популярны ведьмы, ведуны и колдуны, несмотря на борьбу с ними и церкви, и властей. В летописи сохранились записи, что, например, в 1227 году в Новгороде были сожжены четыре колдуна, а в 1441 году «псковичи сожгли двенадцать женок вещих».

Так же, как и на Западе, любой протест против церкви считался ересью и еретиков сжигали на кострах. В 1493 году в Новгороде было сожжено несколько человек, заподозренных в ереси. В Соборном уложении, составленном при царе Иване Грозном, сказано: «… и того богохульника обличив, казнить, сжечь». В XVII веке в Москве, по свидетельству современников, «жгут живьем за богохульство, за церковное воровство, за ложное толкование Священного писания, не исключая и женского пола».

По подсчетам историков общее число жертв инквизиции в

Европе доходило до 10–12 миллионов.

Невежество — мать благочестия

От грамотности до безбожия — один шаг! Так всегда считали «святые отцы» и поэтому объявляли еретиками и сжигали тех, кто двигал вперед подлинную науку.

В XVI веке церковь свирепо преследовала ученых, которые в интересах развития медицины и борьбы с болезнями изучали анатомию человека. Знать строение человеческого тела — «темницу души» — считалось великим кощунством. Но бельгийский студент Лувенского университета Везалий хотел знать правду о строении тела человека и тайно похищал трупы казненных преступников, чтобы потом анатомировать их в своей каморке. Когда впоследствии Везалий стал профессором университета в Падуе, успех его лекций внушил зависть другим профессорам, а когда он издал свой трактат «О строении человеческого тела», его обвинили в ереси. Ведь он осмеливался утверждать, что у каждого человека имеется 24 ребра! А в библии сказано, что бог сотворил Еву из ребра Адама, следовательно, у мужчин должно быть только 23 ребра.

Вначале Везалий храбро отбивался от всех нападок, но вскоре его затравили и сломили его мужество. Он попал в руки инквизиции, которая предписала ему совершить паломничество в Иерусалим. На обратном пути корабль наскочил на скалы и пошел ко дну. Волны выбросили Ве-залия на пустынный остров Занте, где он вскоре погиб от болезни и голода.

Николай Коперник, монах-каноник, написал сочинение «Об обращении небесных миров». Десятки лет наблюдал он в телескоп за движением небесных тел и понял, что Земля не центр мира, как провозглашала религия, что Земля движется вокруг Солнца, как и другие планеты, и, кроме того, она вращается вокруг своей оси, отчего происходит смена дня и ночи. Однако в Священном писании сказано, что бог сотворил Солнце и Луну, чтобы они освещали Землю, потому что Земля — центр вселенной…

По учению же Коперника центром мира является Солнце, и в сравнении с небом Земля не более как точка, ничтожество, вращающееся в неизмеримом мире, в котором небесных тел бесконечно много.

Учение Коперника полностью расшатывало все основы христианского мировоззрения, и поэтому в течение многих лет книгу Коперника нельзя было опубликовать. Она появилась только в 1543 году, когда Копернику было уже 70 лет и он лежал на смертном одре.

В 1553 году протестанты-кальвинисты сожгли на костре

выдающегося испанского ученого, мыслителя и врача Мигуэля Сервета. Медики того времени предполагали, что кровь разлита во всем теле человека. Сервет впервые доказал, что кровь течет по особым кровеносным сосудам, и близко подошел к открытию законов кровообращения и газообмена в человеческом организме. Но, кроме того, этот смелый ученый и мыслитель посмел отрицать некоторые нелепости христианства.

Сервет был вынужден бежать от преследований испанской инквизиции во Францию, в город Лион, а оттуда в Женеву, где царил новый религиозный деятель Кальвин. Этот реформатор ввел более простое и дешевое церковное устройство, упростил католическое вероучение, оставив только основные догматы. Его учение стало называться кальвинизмом. Папа объявил это ученье ересью, но среди горожан и купцов в Швейцарии новое учение имело успех.

Кальвин, как и католическое духовенство, ненавидел все проявления свободного разума и поэтому велел схватить и бросить в тюрьму Сервета. Там его подвергли жестоким пыткам, а затем приговорили к смерти на костре. Кальвин был так жесток, что распорядился сжечь еретика на медленном огне, чтобы продлить его мучения. В костер были брошены сырые вязанки хвороста, и Сервета поджаривали на огне два часа. В невыносимых мучениях этот мужественный человек нашел в себе силы крикнуть инквизиторам: «Неужели у вас не хватило украденных у меня при аресте золотых монет и золотой цепи, чтобы купить сухих дров?»

В честь замученного Сервета в разных местах были воздвигнуты четыре памятника. Три из них поставлены друзьями Сервета, «чтобы служить уроком и предупреждением его противникам». Четвертый же поставлен в 1903 году в Женеве кальвинистской церковью. На этом памятнике сделана надпись: «Почтительные и признательные сыновья Кальвина, нашего великого преобразователя, совершившего ошибку, которая была ошибкой его века, и горячо преданные свободе совести, мы в соответствии с истинными принципами Реформации и Евангелия, воздвигли этот памятник в знак раскаянья».

Протестантская церковь была так же фанатична, как и католическая. В 1547 году по приказанию того же Кальвина после жестоких пыток был казнен Грюэ за то, что отрицал бессмертие души. Казнены и многие возражавшие учению Кальвина, с которыми он расправлялся самым беспощадным образом.

В конце XVI века был заключен в свинцовую тюрьму в Венеции бенедиктинский монах, Джордано Бруно, один из величайших мыслителей человечества, за то, что посмел

развивать учение Коперника. С необыкновенной страстностью и убежденностью Бруно учил о бесконечности вселенной и бесчисленности миров. Он низвел Солнце до роли простой звезды и проповедовал, что существует бесконечное число звезд, подобных нашему Солнцу, и ни одно из них не находится в центре вселенной, так как «вселенная не имеет предела и края, но безмерна и бесконечна». Бруно первый высказывал мысль о возможности населенности других миров. Он неутомимо боролся за научные знания, противопоставляя науку бессмысленной религиозной вере, и вся его жизнь протекала в острой борьбе с врагами науки, с духовенством и католической церковью. Бруно остроумно высмеивал догматы и «таинства» христианской религии, дерзко и горячо выступал против папской власти. Он написал несколько памфлетов и комедий, в которых не только осмеивал суеверия, папство и догматы веры, но изобличал всю «священную ослиность» религии и схоластики, которые прививают народу покорность и невежество.

Он протомился в тюрьме восемь лет и на все вопросы инквизиторов и на обвинения в ереси отвечал, что он верит только в истину. Он был осужден, и инквизиторы постановили: «Принять дальнейшие меры и передать монаха Джордано Бруно светской власти для выполнения приговора». Затем в присутствии римского губернатора его отлучили от церкви и прочли приговор, в котором отмечался его греховный образ жизни и «братская любовь» к нему инквизиторов. Они обращались к губернатору с просьбой, чтобы он принял еретика в свое ведение и по своему усмотрению подвергнул заслуженной каре. В своем обращении они писали: «Умоляем вас, однако, умерить суровость вашего приговора в отношении его тела, так, чтобы ему не грозила смерть от пролития крови. Так постановили мы, кардиналы, инквизитор и генерал, чьи подписи следуют ниже». Эти фразы имели целью снять ответственность с церкви и в то же время внушить губернатору, что передаваемый в его власть еретик должен быть сожжен.

Это происходило в Риме. На осужденного надели белый саван, размалеванный чертями и красными языками пламени, на голову — высокий колпак. Осужденного повели на площадь Цветов, где должна была состояться казнь. У подножия костра Бруно хотел говорить с народом, но ему заткнули рот кляпом. Монахи запели молитву, Бруно взвели на костер и приковали к столбу. Груды стружек облили смолой и бросили в нее зажженный факел. Дым черной пеленой застлал перед глазами несчастного окружавшую его толпу и весь мир. Бруно погиб (1600 г.), не издав ни одного стона, ни одного крика.

В 1582 году тосканский правитель Медичи, опасаясь гнева духовенства и папы, изгнал из Пизы Галилея, которому пришлось без гроша уехать в Падую. В 1615 году папа Павел V, «презирая науки и ученые учреждения», официально признал ересью ученье о движении Земли. В 1632 году инквизиция предала суду Галилея. Удрученный летами и болезнью, Галилей с опасностью для жизни предпринял путешествие в Рим, где перед судом инквизиции в церкви Санта-Мария у него вырвали отречение. На коленях, в одной рубахе, перед полным составом духовного суда и при большом стечении народа, 70-летний великий астроном был вынужден отречься от истины и признать ложд>. Только покорность спасла его от смерти на костре.

Но легенда о Галилее рассказывает, что он после официального отречения продолжал утверждать, что Земля вертится.

После смерти Галилея, проведшего остаток жизни в тюрьме, инквизиция потребовала все письма и рукописи великого ученого и сожгла их на костре.

В 1597 году астроном Тихо Браге вынужден был покинуть родину, так как был объявлен еретиком и безбожником за свои научные работы.

В следующем, 1598, году знаменитый астроном Кеплер, открывший законы движения планетной системы, вынужден был бежать из Штирии в Венгрию от преследований ревностных католиков. Через год он снова спасался бегством, а в 1615 году его отлучили от церкви. В том же году схватили и бросили в тюрьму его мать по обвинению в колдовстве и в ереси- Вскоре ее приговорили к сожжению на костре, якобы за сношения с дьяволом, чему будто бы научила ее тетка, тоже сожженная на костре. Через два года духовенство организовало нападение на квартиру Кеплера, и он снова был вынужден бежать. А в 1630 году, совершив последнюю поездку, он умер, оставив в наследство своей семье семь грошей денег, носильное платье, которое было на нем, и две рубашки.

Как и на Западе, православное духовенство тоже старалось ограничить стремление к знанию. Еще в XVI веке в Москве, когда дьяк Иван Федоров открыл первую типографию, московское духовенство обвинило печатников в ереси и натравило на разгром типографии темный люд. Печатный станок был разбит, шрифты разбросаны, помещение сожжено, а первые печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец принуждены были бежать из России в Литву.

Православное духовенство, как и католическое, преследовало просвещение, боясь потерять свою власть над людьми, и считало

ересью и колдовством всякое новое открытие. В XVI веке при царе Иване Грозном русский изобретатель «смерд Никитка, боярского сына Лупатова холоп» сделал летательный аппарат из дерева и пробовал летать. Это вызвало страшное возмущение духовенства, и изобретателя казнили. «Человек не птица, — гласил церковный приговор. — Аще же приставит себе крылья деревянны, противу естества творит. То не божье дело, а от нечистой силы. За сие дружество с нечистой силой отрубить выдумщику голову. Тело окаянного пса бросить свиньям на съедение. А выдумку, аки дьявольской помощью снаряженную, после божественной литургии, огнем сжечь».

При Петре I, когда стали сооружать канал между Волгой и Доном, духовенство протестовало и говорило, что один бог может управлять реками и напрасно человек хочет соединить течение рек, которые разъединены самим богом.

На Руси

Восточное православное духовенство, как и католическое, признавало за собой право освобождать душу умершего от страданий в «загробной жизни» путем сбора пожертвований и вкладов на «вечное поминовение». Священники и теперь уверяют, что от заупокойных молитв, служения панихид, поминаний, покупок церковных свечей и вообще от приношений церкви душа умершего получает облегчение на «том свете» и не так мучается. А если оставшиеся на земле будут аккуратно выполнять все требуемые обряды, то душа покойника сможет откупиться на том свете от дьявола и попадет в рай.

Как и в Западной Европе, в России была сильна вера в разные «чудеса» и «знамения». То из уха святого Николая на иконе потекла кровь, то свеча сама загорелась в церкви святого Ильи, то в небе появилась хвостатая звезда и известила о нашествии татарского хана, а то в Ростове завыло озеро и выло две недели подряд, не давая в городе людям спать.

Как католики, так и православные поклонялись «святым мощам» и разным реликвиям. Среди священных реликвий была кровь Иисуса и часть его бороды, слезы богородицы, ее платье, части трубы Иисуса Навина, которая своим звуком разрушила стены Иерихона, дерево от Ноева ковчега, гвозди от гроба господня. В церковных архивах сохранилась опись «дивных вещей», которые привез с собой в Вену турецкий посол. Среди них был нож, которым Авраам хотел заколоть Исаака по повелению бога, ступени лестницы, которые видел во сне Иаков, струна от арфы царя Давида, деготь, которым Илья пророк смазывал свою колесницу, табакерка из копыт семи жирных волов, которую видел во сне фараон египетский, и кусок веревки, на которой повесился Иуда, предавший Христа. Как можно сохранить ступени лестницы, которую видел во сне Иаков, или табакерку из сна фараона? Об этом не задумывались. И всю эту неразумную веру, пришедшую из Византии вместе с христианством, темная Русь приняла с полным доверием. А греческие священники, епископы и монахи продолжали, кроме того, усиленно снабжать Россию «чудотворными» иконами, мощами, и другими «святынями», за которые получали щедрые подарки от благочестивых царей московских.

Но с самого начала христианизации князья и церковь стремились иметь своих собственных, русских святых и угодников. Русские святые и мощи, прославленные «чудесами», должны были показать всему миру, что русская церковь ничуть не

хуже других церквей. Так был объявлен «святым» князь Владимир, насильно крестивший славян, князья Борис и Глеб, убитые братом, и многие другие..

В «открытии мощей», как и в поклонении им, были заинтересованы и «духовные отцы» и правители. Например, Василий Шуйский устроил всенародное «открытие святых мощей» убитого царевича Дмитрия, чтобы избавиться от возможных появлений самозванцев.

Увеличивалось и количество чудотворных икон. Чудотворные иконы были удобнее мощей, потому что к мощам надо было паломничать, а иконы могли путешествовать. Как и в Западной Европе, русская церковь очень скоро сделалась одним из крупнейших феодалов. Уже начиная с XII века за епископами и монастырями князя закрепляли громадные участки земли с крестьянами. Особенно разбогатела землей патриаршая область. К 1628 году она насчитывала в своих пределах 2580 церквей и 46 уездов на площади 16 губерний.

Если велики были архиерейские земли, то еще более велики были доходы с них, освобожденные от всяких повинностей.

Архиереи были верховными судьями не только в церковных, но и в очень многих гражданских и даже уголовных делах. Поэтому судебные пошлины и штрафные взыскания шли в архиерейскую казну и были богатейшим источником дохода. Кроме того, всевозможные сборы, подарки, вклады и пожертвования, натурой или деньгами, тоже составляли ежегодно огромную сумму. Большим источником дохода была продажа церковных должностей.

Монастыри обладали громадными богатствами. До XVII века в России было более двух тысяч монастырей. Цари и князья жаловали им земли; многие князья, бояре, купцы делали вклады в монастыри землей «на помин души». А когда какой-нибудь отшельник захочет поставить своими руками «пустыньку в черном диком лесу», он бьет челом перед московским князем о пожаловании ему земли, и в ответ на такие челобитные им всегда давалось право «на лес, на пашни, болота и тони» на столько-то верст в окружности. А дальше уж монастыри богатели за счет даров, вкладов, покупки и просто захвата земли у крестьян, пользуясь правом сильного. Борьба с монастырями-захватчиками была совершенно бесполезной, потому что власть всегда была на стороне «государевых богомольцев». А эти богомольцы не брезговали, как самые настоящие ростовщики, давать деньги в долг под большие проценты, причем в заклад брали и земли, и имущество, отчего богатели еще больше. Они давали деньги в рост князьям, боярам, купцам, крестьянам под заклад

недвижимости, всякой движимости и даже самого человека, и с должников они взыскивали деньги без всякой пощады.

Кроме того, монахи развивали бурную деятельность вокруг умирающих, чтобы при составлении завещания как можно больше получить в пользу монастыря. Ведь щедрое пожертвование монахам, за которое они будут молиться «об упокоении души» покойника, обеспечит ему «царство небесное».

Уже в самом начале своей истории монастыри стяжали себе недобрую славу. «Ждать от монаха благочестия — все равно, что ждать от дуба смоквы», — говорили в XII веке. Праздная, пьяная и распутная жизнь в монастыре вызывала постоянные осуждения и обличения.

В XVI веке монастыри постоянно принимают участие в торговле. Монастырские товары обыкновенно сбывались на ярмарках, которые приурочивались к церковным праздникам. У монастырей были различные торговые льготы, и это делало их опасными соперниками городских торговых людей.

Гражданская власть и цари опекали церковь. Поддерживая авторитет духовенства, государство щедро расходовало средства на постройку новых храмов, на поддержание в них «благолепия» и охраняло православие от посягательств католической церкви, которая много раз стремилась распространить свое влияние и власть на богатую Россию.

Свободомыслие

На Западе отчаянье народа достигало крайних пределов, когда золото, то есть деньги, стали властвовать над жизнью людей. Короли стали требовать золота и денег для содержания своих армий, сеньоры требовали золота для удовлетворения своих непрерывно увеличивавшихся потребностей в роскоши. Церковь требовала золота из-за безграничной алчности духовенства.

Где было искать избавления загнанному в безвыходный тупик человеку? От религии с ее чужим и далеким богом, с ее молитвами на непонятном латинском языке, с ее служителями, которые не отставали от светских сеньоров в издевательстве над душой и телом человека, с ее развращенными вконец монахами, которые как пиявки присосались к народу, конечно, нельзя было ждать ни помощи, ни спасения. Ничто не могло так поколебать веру в святость церкви, как преступления высших ее представителей, как потеря к ним доверия. Духовенство прикрывало религией свои чисто светские, личные интересы и не считалось с нуждами и страданием народа. К тому же неудачи крестовых походов, ставших позорной папской игрой, также пробудили ненависть к Риму.

От частых отлучений от церкви и интердиктов притупился к ним страх и вера в их действие. Когда папа римский отлучил от церкви город Регенсбург, горожане преспокойно обходились без духовенства: не крестили детей и сами хоронили своих покойников под звуки труб. Король Филипп Август французский в своем государстве просто запрещал отлучать от церкви, потому что это приносило убыток государству. Даже в Испании три короля, отлученных папой, не обращали на это никакого внимания и продолжали жить, как будто ничего не случилось.

Как это могло произойти? Откуда в те времена могли появиться мысли, угрожавшие не только католической церкви, но и всему христианству? Откуда пришло такое смелое вольнодумство?

Видимо, излишними делались наставления духовенства, и церковь уже была не способна держать в своих руках все население. Создавались государства, и крепла королевская власть. Она оберегала народы от усобиц раздробления и выступала против вредных притязаний Рима.

При дворе Фридриха II (царствовало 1212 по 1250 г.) — короля сицилийского и императора германского — собрался круг свободомыслящих людей. Выросший под опекой папы

Иннокентия III, воспитанный в слепой покорности церкви, Фридрих II стал презирать и папство, и церковь. Он смотрел на различные религии как на равноправные мнения разных людей и народов, высмеивал христианские догматы и называл, в компании своих близких друзей, Моисея, Христа и Магомета тремя великими обманщиками. Для него было совершенно безразлично, исповедует ли кто-нибудь магометанскую, еврейскую или христианскую веру. Он назначал арабов на высокие посты, и самым любимым его занятием было изучение арабской философии.

В кружке Фридриха II, к которому принадлежали и кардиналы, бессмертие души считалось выдумкой государей, для того чтобы держать народы в повиновении.

В Сицилии свободно сходились, дополняя друг друга, образованности латинская, византийская и арабская. Недаром Палермо того времени называли трехязычным городом, в котором встречались три религии: христианская, магометанская и еврейская. Сам Фридрих был образованнейшим человеком, он хорошо знал науки математические и естественные, изучал астрономию, анатомию и зоологию, занимался медициной, ветеринарией и владел несколькими языками. Он видел в науке важный элемент общественного благополучия и, чтобы распространять образование, основал университет в Неаполе. По его мнению, только наука дает власть над народом, дает всем счастье и благосостояние, и без нее человек не может достойно воспользоваться своей жизнью.

Фридрих II был чужд духу средних веков; скептик и эпикуреец, поборник свободы совести и мысли, он считал науку источником душевной бодрости, а церковь и веру — орудиями своей политики. Он принял участие в крестовом походе, но в Иерусалиме посмеивался над святынями, не веря ни во что. Он до всего хотел дойти опытом, и всем известно, что он пробовал воспитывать детей в уединении, чтобы видеть, на каком языке они заговорят.

Он стремился подчинить церковь государству, преобразовать ее и требовал от папства апостольской чистоты, простоты и отречения от светских притязаний. За это его ненавидели феодалы и папы. Он был другом среднего сословия, торговли и промыслов и намного опередил свое время. Жил он окруженный роскошью, как восточный халиф, среди пиров и турниров, любил охоту. Окружали его ученые, поэты, музыканты. Охраняла — мусульманская стража.

Католические монахи после смерти Фридриха II проповедовали, что он был морским чудищем, бичом божьим,

язвой века, антихристом. Папа отлучил его от церкви и называл язычником и магометанином, а мусульмане называли его с уважением «великим султаном христиан».

Крестовые походы на Восток познакомили Европу с другими странами. Произошло сближение с мусульманами— с «неверными». С изумлением увидали европейцы, что магометане вовсе не хуже их, а в нравственном отношении стоят даже выше очень многих христиан. Стало быть, только в воображении церкви христианская религия представляется единственной и истинной верой. Ведь магометане и евреи также считают только свою веру единственной и истинной.

Просвещение постепенно ускользало из невежественных рук священников. В то время процветало устное преподавание, и молодежь из простых людей шла к новым учителям-беднякам, которые диктовали свои лекции. Так образовывались университеты.

Университеты по существу были колыбелями нового направления. Здесь не принималось в расчет аристократическое происхождение, основным были талант и знания. Это было мирным объединением людей всех наций, и здесь окрепло критическое отношение к церкви и к ее учению.

Кроме слушанья лекций, в университетах были обязательны диспуты, целью которых было изощрение ума на решении частных вопросов. Здесь сталкивались самые разнообразные мнения, научные взгляды, идеи.

Иногда в этих спорах доктора и магистры богословия решали вопросы, не имевшие никакого ни теоретического, ни практического значения. Темы диспутов доходили до абсурда. Например, в споре решалось, что было бы, если бы Христос явился на землю в виде огурца. Или: что означает каждая из пяти букв имени «Мария» и какой сокровенный смысл заключается в числе пять?

Но сношения с Востоком, Византией и знакомство с арабской культурой разжигали у людей любознательность. Стали изучать произведения Аристотеля (греческого ученого IV века до н. э.) и арабских философов. Благодаря этому возникли новые вопросы, которые расшатали принятое вероучение. Папа Иннокентий III запретил изучение философских сочинений Аристотеля, а в 1240 году в Парижском университете было запрещено изучение арабских философов. Но преподаватели философии нападали на богословские истины, и когда их призывали к ответу, говорили:

— Ересь — это понятие церковное. А философия ничего общего не имеет с церковью!

Монашеское миросозерцание признавалось неестественным;

считалось, что настоящая нравственность не может зависеть от материального мира. В виду краткости жизни можно наслаждаться ее благами, но не во вред другим.

На арену стали выступать низшие классы общества с их жаждой жизни, с их разнообразными талантами, с их смелой пытливостью. Даже братства рабочих были родником свободомыслия, и церковь их не терпела.

Стали выдвигаться студенты, купеческие секретари, трубадуры, законоведы, которые умели писать. Возрастала частная переписка. Возникала книжная торговля.

В Париже образовался кружок вольнодумцев, который выставлял такие тезисы для прений: «Одни философы — мудрецы; христианство, как и всякая другая религия, — ложь и сказка».

Тут уже не еретичество, а впервые обнаруживалось полное неверие. Раньше и сильнее всего оно овладело Францией и Италией, особенно Италией, где на глазах у всех развивались пороки папства.

Чудо живой крови

Из недовольства рождались попытки сопротивления, непослушания и борьбы. В то время в Чехии положение народа было особенно бедственным. К концу XIV века все изнурительнее становилась работа крестьян на барщине, количество податей росло, войны не прекращались, и в течение нескольких лет Чехию опустошала чума. В разных местах народ начал восставать против церкви и феодалов, самыми крупными из которых были немцы, стремившиеся захватить всю страну. Здесь среди восставших крестьян и бедных ремесленников и появились первые проблески коммунистических стремлений.

Началось с того, что в это смутное для Чехии время появился в Праге новый проповедник, который призывал народ к восстанию против «неправедных властей» и начал борьбу за народное дело. Это был священник Ян Гус — профессор Пражского университета.

Родился он в местечке Гусинец, в южной Чехии, в семье дровосека. Отец его умер, когда Ян Гус был еще мальчиком. Мать была очень бедна, и Гус учился в приходской школе за счет принявшего в нем участие помещика из Гусинца.

По окончании школы Гус твердо решил идти в Прагу и поступить в университет. В Праге ему удалось устроиться в услужение к одному профессору, за что он получал необходимую одежду, питание и право пользоваться огромной профессорской библиотекой. С жадностью накинулся юный Гус на книги, особенно на те из них, которые имели какую-либо связь с церковной историей.

В первый же год жизни в Праге, когда Гусу еще не было 17 лет, ему пришлось быть свидетелем события, страшно его возмутившего. По назначению папы тогда праздновали «святой год», то есть все, кто в том году побывает на богомолье в Риме, получат отпущение грехов. А в Праге было объявлено, что желающие получить отпущение грехов должны только внести в Вышгородскую церковь деньги, которые они могли бы истратить на путешествие с семьей до Рима и обратно. Внесшие эти деньги в папскую казну получали отпущение грехов без поездки в Рим.

Гус, человек незлобивый и кроткий, не выносивший ни лжи, ни лицемерия, не способный ни на какие сделки с совестью, был крайне возмущен этим вымогательским постановлением церкви, но до поры до времени решил молчать.

Окончив университет двадцати пяти лет, он стал читать лекции на двух факультетах. К нему хорошо относился пражский

архиепископ Сбинек, который ценил в юном преподавателе Строгую нравственность и стремление к общественному благу, но он не понимал Гуса. Однажды Сбинек дал предписание Гусу, уже принявшему сан священника, поехать в городок Вильснак, чтобы проверить случаи исцеления «живой кровью Христовой», о которых рассказывали разные чудеса странствующие монахи. Будто бы эта «живая» кровь излечивает язвы, увечья, раны и всевозможные болезни. Это всколыхнуло население, и в Вильснак направились паломничества, состоящие не только из простонародья, но и из дворян и придворных чинов, которые с благоговением путешествовали туда для излечения своих болезней.

В Вильснаке Гус окончательно разочаровался в католическом духовенстве. Этот незначительный городок с появлением в нем «чуда живой крови» превратился в большой и оживленный центр. На улицах, прилегающих к церкви, выросли целые ряды лавок и навесов, в которых продавались разные священные предметы: ладанки, свечи, иконки, крестики, четки… Монахи и разносчики бойко торговали и набивали себе карманы, расхваливая свой товар. Тут же стояли бараки акробатов, украшенные огромными вывесками с изображением кровавых битв и трапезы людоедов.

Богомольцы проходили толпами, распевая гимны. Многие несли перед собой распятие. В этой толпе Гус видел все унижения и страдания вечного раба, все его пороки и уродства, слезы раскаянья и страх, смертельную усталость, отчаянье и безумную надежду.

Громкие молитвы и гимны, завывание бесноватых, крики акробатов и клоунов, звон колоколов, звуки труб, мычанье коров и треск огня под котелками походных таверн… Кучи фруктов и овощей на земле и прилавках, горы сластей, домашней утвари, оружия, украшений. А между ними — пляски уличных танцовщиц, свалки дерущихся, бегство воров, преследуемых в толпе… И все это кипело и кишело вокруг божьего дома, вокруг храма — массивного серого здания с острой колокольней без всяких украшений.

Когда Гус вошел в широко открытую дверь церкви, она была переполнена. С кафедры выкрикивал напряженным голосом священник:

— Живая кровь Христа исцелит все ваши болезни! Надо крепко верить, и все вы будете здоровы! Не жалейте денег на пожертвования божьему храму! — Говоря это, он поднял над головой сделанную из серебра человеческую руку. — Смотрите все! У человека была парализована рука, и он пожертвовал церкви ее серебряное изображение! Теперь он здоров! Вот пример

истинной веры!

И вдруг из толпы молящихся раздался гневный голос:

— Не ври, монах! Я послушал тебя, собрал все деньги, какие мог, и заказал серебряную руку!.. Ты обещал исцеление, а рука моя до сих пор не двигается!

— Молчи, проклятый! Ты признаешься в своем неверии?! Еретик!.. — с яростью закричал священник.

Толпа заволновалась, зашумела… но к кафедре продолжали пробираться и ползти разные калеки, шелудивые и слепые с воплями:

— Помоги! Исцели! Заступись перед богом!

Сотни рук с надеждой и мольбой протягивались к алтарю. Голубая волна ладана медленно разливалась в воздухе и временами скрывала монахов, которые за решеткой, закрывавшей доступ к главному алтарю, принимали дары: монеты и драгоценности. Они метались в разные стороны и протягивали свои толстые белые руки к толпе. Позади них служители церкви держали большие металлические подносы, на которые со звоном сыпались дары. Сбоку, у двери в ризницу, вокруг стола сидели священники. Они считали монеты, разглядывали драгоценности, а один из них записывал гусиным пером в толстой книге все приношения. Эти священники по очереди отрывались от работы и совершали богослужение, которое не прекращалось в церкви ни днем, ни ночью.

Толпа богомольцев все время обновлялась.

— Исцели! Заступись! Помоги!

И со звоном падали монеты на металлические подносы.

Гус понял, что «чудеса» исцеления «живой кровью Христовой» придуманы духовенством ради наживы. В гневе вышел он из церкви.

Толпа давила Гуса со всех сторон. Несчастные и отчаявшиеся люди искали помощи, сострадания, и Гус слился душой с этой массой народа, среди которого он жил, и понял как никогда всю эту необъятную людскую печаль и горе.

С трудом проталкивался Гус вперед, когда неожиданно встретил человека с парализованной рукой, которого видел в церкви.

— Идите за мной! — сказал Гус, расталкивая народ.

Они вышли в боковую улицу, где стало немного свободней, и тогда Гус попросил калеку подробней рассказать, что с ним произошло. И тот поведал об обмане, показывая свою парализованную, безжизненную руку.

— Я продал все, чтоб сделать серебряную руку… семья голодает, я без работы… Но не меня одного обманули монахи…

По просьбе Гуса калека повел его к нищему хромому мальчику. Он сидел на бревне и жевал корку хлеба. Поверив, что Гус желает ему добра, мальчик чистосердечно сознался в том, что его больная нога болит еще больше и он уже почти не может ходить.

— Но монахи запретили говорить правду! Они сказали, что сгноят меня в тюрьме, если я их выдам! А так они мне хоть хлеба дают… — И мальчик горько заплакал.

Еще несколько подобных фактов собрал Гус и затем вернулся в Прагу. С возмущением передал он архиепископу о недостойном обмане верующих и осудил наглое поведение духовных отцов. Архиепископ все выслушал, сказал, что примет меры, но на самом деле ничего не предпринял и к Гусу стал относиться с большим недоверием. Окончательный разрыв произошел между ними после того, как Гус на собрании членов университета и пражской епархии стал открыто отстаивать учение английского профессора и священника Уиклефа.

Констанцкие костры. Иероним Пражский

Уиклеф был известным богословом своего времени и одновременно здравым политиком. Он выступал в Англии за церковную реформу и не менял своих убеждений до самой смерти. Впервые он выступил во время народного восстания, вождем которого был рабочий Уот Тайлер.

В своих грамотах и песнях восставшие провозглашали:

— Мы не воры, не разбойники, мы только ищем правды и справедливости! Освободите нас и наши земли, чтобы никто не называл и не считал нас рабами!

В Англии этим рабочим движением был потрясен не только феодализм, но и церковь, так как оно слилось с национальным движением против папства.

Выразителем всеобщей ненависти к церковной иерархии был Уиклеф — шестидесятилетний профессор Оксфордского университета.

Уиклеф писал в своих книгах, что хлеб, которым причащаются верующие, не может быть телом Христовым, а только является его символом. Он восставал против священства, против монашеских орденов, против авторитета папской власти, против церковных богатств и против вмешательства римского папы и церкви в дела светские. Он требовал, чтобы каждый мог свободно читать Библию и разбираться в ней. Для этого Уиклеф перевел ее на английский язык.

Папа отлучил Уиклефа от церкви, как еретика. В ответ на это Уиклеф потребовал от парламента уменьшения налогов для бедных, а от папы — отречения от светской власти. Умер Уиклеф раньше, чем церковь успела схватить его и осудить.

Нигде сочинения Уиклефа не встретили такой благодарной почвы, как в Чехии: они сделались основой всех лекций молодых профессоров в Праге, и под их влиянием начались проповеди не на латинском, а на чешском языке.

Гус увлекся учением Уиклефа. Он изучил Библию и объявил, что готов умереть за восстановление первоначальной чистоты христианства. Он стал распространять идеи Уиклефа на своих лекциях в университете и проповедовал их в Вифлеемской часовне, где был назначен официальным проповедником.

Студенты любили и восхищались своим скромным, но твердым в убеждениях профессором. Чешское дворянство надеялось с его помощью отнять земли у церкви и привилегии у

немцев. Крестьяне признали его своим отцом и учителем, который добьется для них свободы и равенства. Король видел в нем опору своей политической независимости против притязаний Германии.

Правой рукой Гуса был его товарищ и сверстник, красноречивый, непреклонный и пылкий рыцарь Иероним Пражский. Он учился в Оксфорде и в Париже, побывал в Иерусалиме. Он готов был положить голову за своего друга и учителя Яна Гуса и распространял его учение даже в пределах Польши и северо-западной России. Так образовалась могучая партия патриотов, кличем которой служили слова Гуса: «Чехи должны быть первыми в Чехии, как французы во Франции к немцы в Германии!»

Борьба началась в Пражском университете, в котором студенты и профессора были различных национальностей. Патриотам удалось вырвать у немцев привилегии, которыми они пользовались, и сделать Гуса ректором университета. Это было в 1409 году, когда Гусу исполнилось 40 лет. Немецкие профессора и пять тысяч немецких студентов демонстративно покинули Прагу и затем основали свой университет в Лейпциге. Но враги Гуса не дремали. Папа велел сжечь 200 томов сочинений Уиклефа, книги Гуса и Иеронима Пражского, отлучил Гуса от церкви и наложил интердикт на Прагу. Папа римский запретил Гусу проповедовать, но Гус этому не подчинился, считая, что слово божье свободно.

Ряды сторонников Гуса быстро пополнялись горожанами и крестьянами. Это не очень беспокоило короля, пока в проповедях Гуса не появилась новая мысль, что не следует повиноваться неправедным властям, которая не на шутку напугала и короля и феодалов.

В 1412 году папе Иоанну XXIII понадобились деньги на войну с неаполитанским королем, и в Чехии, как и в других католических странах появились монахи-продавцы индульгенций. Они наводнили Прагу, где открыто и нагло стали рекламировать свой товар. Они выходили на улицы и площади города с барабанным боем, на видных местах ставили крепкие, окованные железом ящики для денег и громко расхваливали индульгенции.

Пражские священники покупали у папских посланников право продажи отпущения грехов, чтобы продавать от своего имени и в свою пользу. Гус бесстрашно выступил против этой возмутительной торговли, и римские легаты стали бояться за успех своего предприятия среди чехов.

Студенты во главе с Иеронимом Пражским обратились к народу с призывом организовать манифестацию протеста. В

потешном шествии пошли студенты по улицам Праги в сопровождении толпы горожан. На площади сложили костер и всенародно сожгли папские грамоты и индульгенции, которыми тут же торговал заезжий монах. Народ ликовал. Раздавались песни с едкой сатирой, слышались выкрики против папы, население стало нападать и избивать священников; но продолжалось это недолго. Власти схватили трех ремесленников, выступавших в церквах против продажи индульгенций, приговорили их к смерти и казнили. Народ торжественно похоронил тела казненных в Вифлеемской часовне, и Гус в проповеди назвал их мучениками за правду.

Король приказал Гусу покинуть Прагу, папа римский предал его анафеме и велел по праздничным дням во всех церквах, при погашенных свечах и при торжественном трезвоне колоколов, произносить ему проклятие. Гус официально был назван ересиархом — главой ереси. Это значило, что где бы он ни явился, никто под страхом отлучения от церкви не должен был давать ему ни пищи, ни питья, ни крова. На все время пребыванья Гуса и на три дня после его отбытия тяготело проклятье и запрещение совершать церковные службы в местах, осквернённых присутствием еретика.

Одновременно с Гусом появились и более мелкие проповедники, непосредственно выражавшие народные требования о конфискации церковных земель и раздачи их бедноте. Народ волновался. Вызванное Гусом движение внушало тревогу не только духовенству и феодалам Чехии, но и в других европейских странах. «Отцы церкви», как и феодалы, боялись, что удар, нанесенный в Чехии, потрясет основы церкви и авторитет светской власти и в их странах.

В 1414 году был созван собор в городе Констанце для прекращения позорного церковного раскола, когда одновременно царствовало трое римских пап — наместников божьих. На этот собор был вызван и Гус. Съехалось на собор 2300 человек духовенства, 150 герцогов и графов, 2000 рыцарей и дворян и 80 тысяч простых мирян. Приехал и папа Иоанн XXIII, который добился подкупом кардинальской шапки и, отравив своего предшественника папу Александра V, занял папский престол. Этот негодяй, известный всем как отъявленный безбожник, развратник, взяточник и убийца, явился на собор, чтобы быть судьей Гуса. Во главе торжественной процессии вступил папа Иоанн XXIII в Констанц. Старшие сановники вели его лошадь под уздцы, над ним развевался золотой балдахин, перед ним в парадных ризах священники несли «святые дары», а за ним шествовали кардиналы в пурпурных мантиях и шапках,

усыпанных драгоценностями. Все пражское духовенство вышло навстречу, неся «мощи святых», и так, при большом стечении народа, папа въехал во двор епископа.

Но папе Иоанну XXIII не удалось быть судьей Гуса. Угроза лишения папского престола и личной свободы, высказанная ему на соборе, заставила его позорно бежать из Констанца. Тайком, переодетый конюхом, выехал он верхом за ворота города, где к нему присоединились итальянские кардиналы.

После этого собор занялся делом Гуса. Ему были предъявлены обвинения в ереси. Немцы бурно выступали против Гуса, как еретика, французы высказывали отвращение к нему, как к врагу всякой власти, англичане кричали, что он позорит Оксфордский университет, превознося Уиклефа, чехи раздували вести о разгоревшемся волнении в стране, а пражские враги распускали слух, что Гус хочет бежать.

Гуса предательски схватили и бросили в тюрьму, где продержали в цепях больше полугода до конца процесса. Та же участь постигла и Иеронима Пражского, который добровольно прискакал в Констанц защищать своего друга.

В защитнике Гусу отказали, и процесс велся Яри закрытых дверях. Врагам Гуса хотелось достигнуть своей цели и приговорить Гуса к смертной казни, «потому что дрова для костра были уже приготовлены и облиты смолой», как писал один современник.

На все обвинения Гус отвечал, что готов отречься от своих взглядов, если ему докажут, что он неправ. Его запугивали, угрожали, поднимали крик и шум, когда он начинал говорить, чтобы только заглушить его опасное для врагов красноречие. В последний день процесса, после первых же слов Гуса, в соборе поднялся такой крик, на него посыпалось столько проклятий, что Гус принужден был замолчать, и тогда раздались настойчивые требования о голосовании за смертную казнь еретика.

Голосовать имели право 88 человек. После подсчета голосов оказалось, что за смерть Гуса было 45 человек. Император Сигизмунд знал, что от него зависела свобода и жизнь Гуса. Но, несмотря на это, он сказал:

— Будучи верным своей королевской присяге, я не могу освободить его от наказания! — Затем встал и хотел уйти. Но тогда Гус со своего места мужественно спросил Сигизмунда:

— Ваше величество, неужели вы можете так поступить и этим унизить свою корону и свою честь? Здесь идет речь не о моей жизни, а о вашем честном имени. Неужели вы сами уничтожаете свою охранную грамоту, которую выдали мне для приезда в Констанц, и берете на свою голову преступление и вероломство?

— Я действительно обещал тебе, еретик, безопасный проезд… но только сюда. Обратного пути я не обещал. Твое требование неосновательно. Ты осужден большинством голосов! — ответил император.

Когда же был громко прочтен приговор о том, что Гус осужден принять смерть на костре, в соборе поднялся страшный крик: одни кричали, что это насилие и убийство, другие — что еретик достоин смерти. Раздавались голоса и против папистов, и против проклятых феодалов. Все были так разгорячены и возбуждены, что бросались на своих противников, стучали по столам кулаками, ломали скамьи и кидали обломки в своих врагов. Во время этого шума и беспорядка император удалился. Незаметно мог уйти и Гус, если бы захотел, потому что стража о нем забыла, увлеченная спором и наведением порядка.

Однако Гус вернулся в тюрьму. Когда его хватились, противники Гуса распорядились ударить в набат и сторожить городские ворота, чтобы он не мог бежать из города. Но Гус был в своей тюремной камере, и когда к нему вошли, он стоял на коленях и усердно молился перед распятием. Уходя, стражники перекрестились и даже не заперли за собой дверь, — они считали пленника настоящим святым. В тот же день на костре, после сожжения всех книг Гуса, он сам мужественно принял мучительную смерть (1415 г.). А некоторое время спустя был сожжен и Иероним Пражский.

С тех пор ежегодно 6 июля зажигаются костры во всех городах и деревнях страны в память мученической смерти народного вождя Яна Гуса, в память Констанцских костров.

Первые проблески коммунизма

Но, вопреки ожиданиям членов собора, национальное и политическое движение стало сильнее религиозного: народ хотел положить конец тирании и хотел избавиться от немцев. Император Сигизмунд и папа Мартин V требовали от «еретиков и мятежников» безусловного подчинения. Спешно укрепляли феодалы свои замки, терли порох, тесали каменные ядра, стягивали к себе рыцарей и кнехтов. Но в полях, дремучих лесах и деревнях уже раздавались боевые кличи, и по вечерам над темной стеной лесов полыхали зарева пожаров.

Чехи поднялись, как один человек. Даже многие чешские феодалы отделились от немцев, так им ненавистны были чужеземцы.

Отлучения от церкви чехи не боялись, они собирались для молитв в открытом поле и признавали священниками только чехов по национальности. Одним из излюбленных мест народных собраний была гора Табор в Южной Чехии. Это же название получил и лагерь, а затем и город, основанный восставшим народом. И все участники крестьянско-плебейского восстания стали называться таборитами. Однако у восставших гуситов были разные интересы. Острые противоречия существовали у таборитов с рыцарско-бюргерскими гуситами (дворянами, купцами, мелкими горожанами), так называемыми чашниками, которые стремились воспользоваться земельной собственностью церкви. Чашники не хотели перемен в феодальном строе, им надо было только расширить светское землевладение за счет церковного, добиться свободы проповедей в духе Гуса и ликвидировать привилегии католического духовенства. Они были против немецкого засилья и против католической церкви.

Табориты же мечтали о мировом перевороте, который должен закончиться победой добрых людей над злыми. Переворот они представляли себе как насильственное устранение феодалов, высшего духовенства и чиновников феодального государства. В своих планах новой церкви табориты считали, что Евангелие не нужно, упразднялось почитание икон, мощей и «святых», а также все предписания «святых отцов». В своем лагере табориты ввели строгий порядок и дисциплину. У них было общее пользование всеми запасами продовольствия и другими предметами потребления.

Часть таборитов выражала надежды городской и сельской бедноты. Они отрицали частную собственность, стремились к общности имущества, уверяли, что не существует ни бога, ни

черта в том виде, как учит церковь, но что первый из них живет в сердцах добрых людей, а второй — в сердцах злых. Христос был для них простым человеком, они были совершенно уверены в победе справедливости на земле. Называли их «пикартами». Но среди таборитов их было меньшинство, и их изгнали из Табора. Тогда они укрепились в другом месте, но созданное ими укрепление было осаждено и взято приступом. Большинство из них погибло в бою с рыцарским войском, а пленные отвергли предложение «раскаяться» и бесстрашно взошли на костер на глазах у всех жителей Табора (1421 г.).

Император Сигизмунд объявил крестовый поход против восставших гуситов. В его армию стекались сотни тысяч всякого рыцарского сброда, приезжали рыцари даже из Англии и из Ливонии. Их целью была только добыча, им было все равно, за что и с кем драться. У гуситов же было ополчение, воодушевленное идеей борьбы за лучшую жизнь. Они были вооружены дубинками, цепами в железной оправе, копьями и специальными крючьями, которыми ловко стаскивали с коней закованных в броню рыцарей. Вождем гуситов был бедный рыцарь Ян Жижка. Коренастый, плечистый, одноглазый, мрачный и фанатичный, строгий к себе и к своим, жестокий с врагами. Он прославился как блестящий полководец. Из толпы босых крестьян Жижка создал первую в мире армию по дисциплине, быстроте и находчивости. Организовал пехоту и ввел легкие пушки. И пехота и артиллерия стали передвигаться на повозках. Обоз он превратил в подвижную крепость и настоящую западню для врага: телеги связывались цепями, покрывались досками и располагались лабиринтом по буквам алфавита или геометрическим фигурам. Это несложное сооружение гуситы устраивали быстро и в любом месте.

Гуситы блестяще выдержали пять крестовых походов, направленных против них, не говоря уже о множестве мелких нападений. Сначала рыцари дрались упорно, но когда Жижка нанес им несколько жестоких поражений, их армии и даже 150-тысячное войско пяти курфюрстов стали разбегаться при одном виде гуситов. Жители даже крепких городов, заслышав стук гуситских повозок, уходили в леса.

Во время осады одного замка Жижка был ранен, потерял второй глаз и ослеп окончательно, но все же продолжал руководить восстанием. Умер он в 1424 году. Преемником его стал Прокоп Большой, который повел чехов в наступление. Гуситское ополчение разлилось огненным потоком по Венгрии, Австрии, Саксонии, Бранденбургу, и их отряды доходили до Данцига и Баварии.

Затем они возвращались, обремененные добычей, в свой главный лагерь Табор. Их успехи были самой внушительной победой над старым духом средневековья, над феодализмом. Это была новая форма борьбы народа за свои права, и здесь впервые появились, хотя и примитивные, но смелые коммунистические требования.

По мере успехов таборитов все больше разгоралась вражда между ними и чашниками. Религиозный вопрос постепенно стушевался, и обе группы представляли собой две партии: феодалов и демократов, охранителей старого порядка и революционеров.

В 1431 году открылся Базельский собор, на котором католическое духовенство с ужасом говорило об успехах гуситов и о том, что массовые восстания начались в Германии и возможны во Франции и Италии.

Тогда-то и был организован пятый крестовый поход против гуситов. Проповедником пятого похода был папский легат — кардинал Чезарини. Он требовал, чтобы крестоносцы опустошили всю Чехию, предали ее грабежам и пожарам. Те из рыцарей, которые уже сражались с гуситами, знали, как необуздан этот народ в своем гневе.

И все же они жестоко ошиблись в своих ожиданиях — победили опять гуситы. После битвы началась резня и преследование побежденных. Кто не хотел сдаваться — погибал. Представители многих народов принимали участие в этой ожесточенной битве феодалов и церкви против восставших чехов, но одержать верх не могли. Тогда главари европейских стран, убедившись в несокрушимости восставшего народа, решили добиться раскола гуситов посредством уступок чашникам в религиозных вопросах.

На Базельском соборе в 1433 году было выработано соглашение с чашниками. Оно вводило причастие хлебом и вином для всех мирян, устанавливало проповедь на национальном языке и закрепляло церковные земли за тем, кто за это время успел ими овладеть. После этого гуситы окончательно раскололись на два лагеря, между которыми началась война. Табориты, боровшиеся за свободу, равенство и за общность имущества, были окончательно разбиты в битве при Липанах в 1434 году. Так была сломлена мощь народного демократического движения. С чашниками император Сигизмунд пришел к соглашению. В условиях XV века трудящиеся не могли добиться свержения феодального строя, отмены податей, отмены господства князей и уничтожения частной собственности, хотя табориты и пытались организовать общество на основе равенства

и справедливости.

Но все, что было революционного в гуситских войнах, продолжало жить и развиваться среди европейских народов, вызывая крестьянские войны и восстания ремесленников. Движение гуситов оказало сильное влияние и на Великую крестьянскую войну в Германии.

Союз башмака

Однажды на ярмарочной площади германского города выступал скоморох. Он играл на флейте, плясал и пел, причем тут же сочинял свои песенки. Он даже не пел, а выкрикивал слова, сопровождая их прыжками и гримасами:

«Свободная дочка плясуна-скомороха
Обвенчалась с графским рабом.
После свадьбы пришла ей охота
Свободной войти к мужу в дом.
Но затей этих граф невзлюбил;
Чтоб смирить ее, мужа на цепь посадил,
А упрямицы гордость быстро плеткой смирил!»

Приплясывая и кривляясь, скоморох выкрикивал: — Разве не правда, что муж принадлежит своему господину со всей семьей и с поросятами?!

Вокруг него стала собираться толпа, прислушиваясь к словам песенки. Скоморох вскочил на бочку торговца пивом и продолжал:

«Мужики не понимают, что святые епископы
Хотят быть богатыми…
Для этого обирают приход!
Несите ж им свое добро! Не забывайте:
Кто заупрямится, — того на эшафот!»

Среди людей, окруживших скомороха, начался ропот: — Заткните ему глотку! Он над нами смеется! — кричали они и придвигались ближе, сжимая кулаки. Но скоморох продолжал нагло издеваться над своими слушателями:

— Глупцы ке понимают, что сеньоры-рыцари в замках проживаются и что им нужно все больше и больше золота! А где ж его взять? Да очень просто — для этого существуют налоги! Налоги на мясо, на муку, на вино, которое смеют пить люди неблагородные, вроде вас!.. А так как добрый дурак крестьянин не может часто есть мясо и пить вино, то на его долю остаются, пошлины. И дурачье вместо мяса спокойно ест солому к вместо вина пьет воду!.. Господам нужны деньги, но они не умеют работать, да им и неприлично работать с их белыми руками. Их

наряжать и кормить — обязанность крепостных, недь так приказал сам бог!.. Ну и дураки же эти крепостные! — И скоморох, глядя на слушателей, нагло смеялся.

Разъяренная толпа уже готова была броситься на него и избить дерзкого плясуна, но он спокойно сказал:

— Тише, тише! Чего вы злитесь? Я свободный человек и пою свободные песни!.. Кто хочет — пусть слушает, кто не хочет — пусть уходит! Я не обижусь! — И он снова запел:

«А в судах разбирают жалобы
Дворяне и господа,
И прав всегда тот.
Кто им больше заплатит!»

При последних словах на бочку рядом со скоморохом вскочил какой-то парень и схватил его за плечи. Но тот стащил с ноги башмак с длинными ремнями и замахал им

над головой.

— Кто не доволен своей жизнью, кто не хочет быть рабом, сними свой башмак и подними над головой! Смелей! Вперед! За мной!

Толпа моментально отхлынула от бочки.

— Башмак! Башмак! — крикнул кто-то в испуге.

Стало совсем тихо. Только одно слово «башмак» проносилось шепотом по рядам, и многие с восторгом стали снимать свои башмаки с длинными ремнями и махать ими над головой. Эти ремни были ненавистным символом рабства, — ими господин привязывал раба к своей земле навечно.

Скоморох давно исчез с базарной площади, а люди, взбудораженные его словами, долго еще кричали о том, что пора покончить с неволей и рабством.

Ни страх перед инквизицией, ни страх перед наказанием божьим, который внушался религией, не могли остановить развития человеческой мысли, стремления к свободе и подавить протест против существующего зла.

Тайная крестьянская организация «Союз башмака» раньше всего возникла в Эльзасе. Заговорщики сходились по ночам в пустынных местах, среди холмов и лесов, в темных рощах, узнавая друг друга по условным знакам и паролю.

Они собирались свергнуть всякую власть, кроме императорской, отменить несправедливые налоги и церковное имущество передать народу… На их знамени стояла надпись: «Ничего, кроме божьей справедливости». Рядом с надписью был изображен крестьянский башмак с развязанными ремнями, что

означало, что, наконец, должен быть развязан узел крестьянской неволи.

После разгрома «Союза башмака» в Эльзасе он снова вырос в грозную силу и охватил всю долину Рейна и Швейцарских Альп. Снова разгромленный, этот союз опять возродился, под названием «Союза бедного Конрада». Таким образом, начало преобразования реформации церкви было связано с массовыми выступлениями бедноты.

Живое слово странствующих проповедников в то время действовало на народ сильнее всяких воззваний. Странствовали люди всех сословий, ученые и не ученые, монахи и не монахи, дворяне и не дворяне, переходили с места на место и из страны в страну. Все эти странствующие проповедники были представителями демократического движения. Их целью была революция и основание новой «христианской республики». В их проповедях политика сливалась с религией, и их любимой темой была беспощадная критика нравов как светских, так и церковных властей. Они поддерживали брожение среди народа. В 1524 году вспыхнуло крестьянское восстание в Швабии и Шварцвальде. Началось оно из-за того, что одна графиня в самую страдную летнюю пору приказала своим крестьянам выйти на сбор земляники и речных ракушек. Это возмутило крестьян, и они отказались повиноваться. Весть об этом всколыхнула даже дальние селения.

Восстание крестьян в Германии в начале XVI века грозной силой охватило страну. Разгромленное в одном месте, оно вспыхивало в другом. Так гуситские войны дали толчок великим возмущениям народных масс против феодализма и церковной власти.

Свежий ветер

Наступил тот бурный век, когда корабли испанских и португальских конквистадоров стали приставать к неведомым дотоле берегам, принося с собой народам заокеанских стран крест и меч, рабство и смерть. Рекой полилась кровь этих народов, но в руках европейцев она превращалась в золото, которое быстро стало наполнять купеческие сундуки, делая их владельцев более могущественными властелинами, чем феодалы, князья и герцоги. Купечество богатело и стало косо посматривать на носителей феодальных прав. Под устаревшими тронами сеньоров и герцогов почва становилась все более зыбкой, пошатнулся и авторитет католической церкви.

Из вновь открытых земель вместе с золотом повеяли и свежие, опасные для церкви ветры. Мир стал шире, раздвинулись его горизонты, развеялись старые предрассудки, созданные в умах человеческих религией. Стали меняться представления о форме Земли, о ее размерах и положении во вселенной. Рушились многовековые правила отцов церкви. Разум человеческий развивался и уже готовился сбросить с себя вериги, навязанные религией. Уже гремели памфлеты Эразма Роттердамского и появились люди, звавшие к просвещению. Они называли себя гуманистами — мыслителями, ставившими в центре своего внимания человека (по-латыни «гуманис»—человеческий).

Они верили в величие человека, возвышали его разум, в отличие от церкви, которая считала человека «сосудом греха». Они верили в способности человека и, стремясь к знанию, мечтали подчинить человеку весь мир… Это выразилось в деятельности естествоиспытателей, философов и ученых. Но в те мрачные времена стремление к истине чаще всего приводило на костер. И они смело шли на смерть, побежденные религиозным фанатизмом, но поддержанные свободным разумом и вдохновенные истиной.

Однако в Европе уже наступало время, которое Энгельс назвал величайшим прогрессивным переворотом из всех пережитых до того времени человечеством. Это время породило, по словам Энгельса, титанов по силе мысли и характера, по многосторонности и учености.

В университетах, в этих оплотах богословия, появились люди, которые стали биться за свободу человеческой мысли, за изучение природы, за свободу совести, за реформу католической церкви.

Свежий ветер превратился в шторм, перехватывающий

человеческое дыхание. Волны крестьянских восстаний залили площади городов, пылали монастыри и замки. Напрасно инквизиторы, закрыв лица черными масками, терзали в мрачных подземельях тысячи еретиков. Напрасно пылали костры, чтобы «кротко и без пролития крови» очищать землю от мыслителей и ученых, — человеческий разум и человеческий гений неуклонно шли вперед на приступ церковных твердынь. И напрасно взирал в ужасе святейший папа с высоты своего престола, сквозь дым инквизиторских костров на эту картину всеобщего брожения. Половина его католической паствы разуверилась в непогрешимости папы и отказалась оплачивать «отпущение грехов».

Среди людей, стоящих за реформу католической церкви, выделялись Два человека: Мартин Лютер и Томас Мюнцер… Но устремления у них были различны. Лютер не шел дальше отрицания папской власти и реформы церкви, Мюнцер мечтал о революции, в результате которой наступит на всей земле справедливость.

Враги

В 1517 году белый лист с девяносто пятью тезисами против католицизма был прибит ночью к стене здания Виттенбергского университета. Тезисы были составлены профессором Мартином Лютером, и они послужили началом реформации в Германии, закончившейся Великой крестьянской войной.

В первые годы реформации Мюнцер был в восторге от проповедей Лютера и надеялся, что Лютер — виттенбергский профессор, действующий под покровительством герцога Саксонского, — будет иметь больше успеха, чем он сам при своем незначительном положении. Ведь он был крестьянским сыном, отца которого повесили графы Штольберги за то, что он — крепостной раб — посмел скопить несколько грошей себе на черный день.

Ценой больших лишений Мюнцеру удалось кончить университет в Лейпциге, где он был учеником Лютера, и достичь степени доктора. Двадцати пяти лет он сделался священником, чтобы иметь право проповедовать и этим стать ближе к народу. Уже тогда он отступал от догматов католической церкви, а затем начал с ней решительную борьбу.

Он вскоре заметил, что Лютер ни шагу не делал к тем реформам, которые, по мнению Мюнцера, были необходимы, то есть к полному преобразованию церкви и государства. Мюнцер был убежден, что необходимо до основания разрушить старую церковь и уничтожить все существующие государственные отношения, ведущие к насилию, угнетению и рабству.

Лютер провозгласил, что церковь и духовенство не являются посредниками между человеком и богом, что церковь не может давать «отпущения грехов», что человек может достигнуть спасения не через церковные обряды и «таинства», а только при помощи своей веры. Лютер отрекся от самой церкви, но считал непогрешимыми церковные предания и многие ее догматы. Дальше этого он не шел. По его мнению, светская власть была основой всякой жизни и только она делала возможным существование христианства. Власть князей и феодалов в глазах Лютера была необходимой опорой реформации церкви.

В пылу борьбы с папским Римом (1520 г.) Лютер объявил, что Ян Гус был неправильно осужден Констанцским собором, и требовал броситься «на кардиналов, пап и всю свору римского Содома» с оружием в руках и «обагрить руки их кровью». Папа отлучил Лютера от церкви, Лютер в ответ публично сжег объявлявшую об этом папскую буллу (грамоту). В это время

подготовлялось восстание мелкого дворянства против папского Рима. И одновременно нарастало народное революционное движение, которое проявлялось в отдельных крестьянских восстаниях и в организации тайных «Союзов башмака».

В апреле 1520 года Лютер получил вызов на рейхстаг. Ему было приказано ехать из Виттенберга в Вормс. С большим страхом поехал Лютер, — ведь его могли осудить как еретика и поступить с ним, как с Яном Гусом в Констанце.

На рейхстаге от Лютера требовали только одного: чтобы он отрекся от своего учения. Но Лютер твердо стоял на своем, и император Карл V злился, что из-за какого-то попа он может поссориться с папой, тогда как ему было выгоднее защищать католическую церковь. Он решил выпустить Лютера из Вормса, а потом объявить его вне закона. Тогда никто не посмеет ему дать ни крова, ни пищи и первый встречный должен будет его схватить и выдать властям… А потом — на костер1

С охранной грамотой императора выехал Лютер из Вормса. Через два дня пути повозка Лютера свернула на проселочную дорогу, которая шла лесом. Неожиданно из чащи выскочили несколько всадников в масках. Они остановили лошадей, вытащили Лютера из повозки и потащили за собой в лес. Кучер и спутник Лютера видели, как «святого отца» всадники гнали между коней через кочки и ямы. Но кто его похитил и куда его повели, они не знали.

В Германии все были в смятении. Большинство предполагало, что паписты, побоявшись осудить Лютера и отправить на костер в Вормсе, решили его похитить и где-нибудь тайно прикончить.

Через некоторое время Томасу Мюнцеру сообщили его единомышленники, что Лютер живет в полной безопасности в замке Вартбург под охраной герцога Фридриха Саксонского. Мюнцер понял, что таинственное похищение было подстроено по совету самого Лютера. Он заранее обо всем договорился с герцогом, и Фридрих Саксонский только делает вид, что ничего не знает, потому что не хочет подвергаться страшной каре со стороны императора.

И тут Мюнцер окончательно понял, что ему с Лютером не по пути. Мюнцер хотел церковную реформацию обратить в революцию и требовал полного разрыва с церковью. Он резко выступал против представления о «милосердном боге», который требовал от людей смирения и подчинения существующему насилию. Он стремился достичь всеобщего равенства на земле и учил, что его надо добиваться с оружием в руках. «Если единомышленники Лютера не хотят идти дальше нападок на папство и монахов, то им не следовало браться за дело». Он ждал

счастья для народа и считал, что царство радости и свободы должно возникнуть быстро и насильственно. Мюнцер чувствовал в себе призвание освободить народ от власти угнетателей и отомстить за его страдания.

Мюнцер упрекал Лютера в том, что вера для него все, а земные дела — ничто. Он понимал, что Лютер совсем не думает о народе, а только о своем личном спокойствии и поэтому держится за княжескую власть. По мнению Мюнцера, время действовать настало, и он готов был пожертвовать своей жизнью за правое дело. Он призывал к крестьянскому восстанию и неутомимо выступал за власть трудового народа.

Из-за постоянных преследований местных властей Мюнцер был принужден часто менять свое местожительство.

Народный вождь

В городе Альштадте Мюнцер организовал тайный «Союз избранных», члены которого торжественно клялись действовать заодно, для того чтобы основать царство братского равенства, свободы и радости. Мюнцер считал единственным средством спасти человечество — это уничтожить все, что повергает народ в бедствие и держит в нищете, то есть господ, священников и государей. Их тоже можно приции народных союзов для подготовки восстания. Секта анабаптистов возникла в Германии перед самой Крестьянской войной на почве революционного подъема народных низов. Они проповедовали близость мирового переворота в мистической форме «страшного суда». Они не признавали повиновения правительству, военной службы, решений суда. Под влиянием Мюнцера часть анабаптистов перешла к революционной деятельности; их подвергали жестоким преследованиям, и анабаптизм был объявлен вне закона. Чтобы усилить «Союз избранных», Мюнцер послал во все области доверенных людей. В то же время он издал несколько своих сочинений и проповедей, которые его приверженцы стали распространять среди простого народа. Он говорил всегда об одном — о необходимости завоевания свободы для народа. И содержание его речей было не столько религиозным, сколько политическим. Мюнцер прекрасно знал Священное писание и легко выковывал из него оружие для достижения своей цели и громовые стрелы против церкви и государства.

Однажды Мюнцер проповедовал в часовне около ворот Альштадта против идолопоклонства, против поклонения иконам. Часовня эта принадлежала женскому монастырю, и монахини уверяли, что икона божьей матери в часовне творит чудеса. Она будто бы исцеляет людей от всех болезней и уберегает от бед. Но для этого мало было одних молитв перед иконой, — надо было приносить щедрые дары в часовне для божьей матери и монастыря. Мюнцер клеймил веру в икону как постыдное идолопоклонство и говорил, что в часовне поклоняются не богу, а дьяволу. Он так красноречиво говорил, с таким непритворным возмущением и гневом, что народ, разгоряченный его проповедью, разбил чудотворную икону и сжег часовню.

Многие после этого со страхом ждали господней кары за такое святотатство. Но никакого наказания не последовало. Тогда верующие стали раздумчиво почесывать головы: как же божья матерь не вступилась за свою икону? Почему бог не наказал за такое святотатство?

И Мюнцер приобрел много новых приверженцев.

Лютер был возмущен. Он написал против Мюнцера «Послание саксонским князьям о мятежном духе» и просил государей положить конец этим бесчинствам, чтобы предупредить восстание, — ведь Мюнцер не ограничится словами и поднимет настоящий бунт. Мюнцер же обвинял Лютера в том, что он не судит безбожных правителей, намерен отдать церковь в руки государей и сам хочет сделаться папой.

Томас Мюнцер мечтал, чтобы в стране не было классовых различий и частной собственности, чтобы не было государственной власти, чуждой народу. Он говорил:

«Главным виновником ростовщичества, воровства и разбоя являются князья и дворяне; они присваивают себе всякое создание: рыбу в воде, птицу в воздухе, все произрастающее на земле. И после этого они еще проповедуют беднякам заповедь «не укради!». Сами же они забирают все, что только попадает под руку, грабят крестьянина и ремесленника, дерут с них шкуру; последним же стоит только совершить самый пустячный проступок, как их отправляют на виселицу, и ко всему этому доктор Люгнер (люгнер — по-немецки — лжец. Так Мюнцер называл Лютера) приговаривает: «Аминь!» Господа сами виноваты в том, что бедняк становится их врагом. Они не хотят устранить причин возмущенья. Как же может в конце концов установиться мир? О любезные господа, как славно господь перебьет железным посохом старые горшки! Истинно говорю вам: я буду возмущать народ1»

Так проповедовал Мюнцер. Его единомышленников начали бросать в темницы, мучить, подвергать штрафам. От людей требовали, чтобы они не ходили на его проповеди.

Беды гонимых братьев взволновали Мюнцера, он чувствовал, что кровопролития не избежать, и, когда курфюрст приказал удалить его из Альштадта, Мюнцер надел панцирь и шлем, взял алебарду и щит, окружил себя друзьями и в ту же ночь покинул город, чтобы направиться в Мюльгаузен.

Здесь сторонники Мюнцера успели завладеть монастырем. Они прогнали монахов и захватили запасы продовольствия, сукна и платья, которое стали перешивать для восставших. На длинных монастырских столах в трапезной лежали груды церковных облачений, куски кожи, меха, сукна, холста. Женщины перешивали облачения на кафтаны и платья, из холста и сукна кроили одежду для народного ополчения. Молодые люди шили из кожи обувь, а из мехов — верхние кафтаны. Рядом была кузница, где черный от гари, в кожаном фартуке, наравне с кузнецами стал работать Мюнцер. Здесь ковали мечи, чинили

ружья и даже отлили пушку. Оружие складывалось в бывшей исповедальне монастыря.

Во время работы Мюнцер весело говорил:

— Поднимается вся страна, и наше войско быстро растет! Злодеи уже струсили!.. Нам нельзя больше ждать! Мы не хотим жить милостями господ и князей! Мы боремся не за себя, а за счастье всех своих братьев!.. Смотрите, как ярко светит солнце! Оно дает нам жизнь и тепло! Так идите же к солнцу, к солнцу свободы и счастья!

Спешно шла подготовка восстания. Из монастыря выходили старики, юноши и зрелые люди, звеня оружием, возбужденные словами Мюнцера, который не переставал воодушевлять бойцов за правое дело.

Летом 1524 года началось восстание в Мюльхаузене, и одновременно оно вспыхнуло во всем Шварцвальде и в соседних землях Верхнего Рейна и Верхнего Дуная. Прежде всего восстания начались там, где власть была особенно строга и беспощадно преследовались проповедники нового учения и где страшное бедствие обрушилось на крестьян из-за сильного града, уничтожившего урожай.

Быстро распространяющееся восстание вызвало страх среди феодалов. Множество городов приняло сторону крестьян: Страсбург включил восставших в число своих граждан, Ульм поддерживал их оружием, Нюренберг — провиантом; горожане Майнца сражались вместе с крестьянами, требуя восстановления своих прав.

Восставшие крестьяне занимали города, уничтожали монастыри, жгли поместья. Сотни замков были разрушены до основания. Испытанные в боях рыцари и ландскнехты под натиском крестьян пускались в бегство. Особый страх внушали феодалам отряды крестьян, прозванные Светлым отрядом и Черным отрядом, которые отличались своей жестокостью. В Тюрингии крестьяне разрушали и убивали всех без пощады. С гор Тюрингии и Мейссена собрались толпы народа в ожидании решительной победы.

Лютер резко осуждал восстание и взывал к князьям, чтобы они смирили мятежников. Он говорил, что теперь настало время меча и гнева, и тех, кто умрет, защищая князей, он называл мучениками за веру Христову. Властям города Мюльгаузена Лютер послал донос на Мюнцера с требованием, чтобы ему запретили проповедовать, потому что от его деятельности можно ждать только убийств, восстаний и кровопролитий.

Но было уже поздно. Мелкие бюргеры и ремесленники свергли магистрат Мюльгаузена и выбрали новый «Вечный совет»,

в котором сделали председателем Мюнцера. Здесь Мюнцер предпринял героическую попытку объединить все силы восставшего народа и рассылал письма с воззваниями по горным округам, призывая к восстанию горнорабочих, городских и деревенских жителей. Он хотел создать в Тюрингии революционный центр для всей Германии.

По призыву Мюнцера все его сторонники собрались у города Франкенгаузена (в северо-западной Тюрингии) и расположились там военным лагерем. Мюнцер рассчитывал объединиться с сильнейшими отрядами франконских крестьян до прихода княжеских войск. Он призывал своих бойцов к стойкости и непримиримости. Он красочно и вдохновенно рисовал картину нового будущего строя без князей и господ, и все его войско с нетерпением ждало решительного сражения.

Но княжеское войско подошло к Франкенгаузену раньше, чем отряды франконских крестьян. Оно состояло из трех тысяч пехоты и восьмисот всадников, что было в те времена большой силой. Это войско обрушилось на Франкенгаузенский лагерь, и мюнцеровские отряды были разбиты наголову. Томаса Мюнцера взяли в плен. Его жестоко пытали и ждали раскаянья. Но ему не в чем было раскаиваться. Он говорил:

— Я не жалел сил, чтобы поднять народ на борьбу. Все люди должны быть равны, и все должно быть общим! Князей же и сеньоров, которые этому противятся, надо изгнать или убить. Я прав!.. Каждый человек должен получать все по своим потребностям от общины!

Больше Мюнцер ничего не говорил, и никакими пытками от него не могли вырвать ни одного слова. Его казнили. Движение в Тюрингии было подавлено. Так наступил конец Великой крестьянской войны в Германии, во время которой погибло больше ста тысяч крестьян. На оставшихся были наложены огромные контрибуции, совершенно их разорившие. Лютер призывал к террору и казням. Он убеждал, что крестьяне отдались дьяволу и что их надо убивать, как бешеных собак, потому что нет ничего более ядовитого, вредного и дьявольского, чем бунтовщик. Он проповедовал, что князь скорее заслужит царство небесное пролитием крови, чем молитвами, и советовал дворянам увеличивать барщину, превращать крестьян в крепостных, а если дворяне будут испытывать угрызения совести, то утешение найдут в чтении псалмов.

Ненависть Лютера к Мюнцеру была ненасытной. Даже после смерти Мюнцер был сильнее, чем тысячи живых. Он породил целое племя неустрашимых и стойких борцов за свободу и равенство. Они продолжали его дело среди народа, его дух был

жив, и Лютеру было легче поносить и ругать Мюнцера, чем опровергнуть его идеи.

Учение Лютера, его умеренная реформа церкви победила в большей части Германии только потому, что обеспечила богатым горожанам более дешевую церковь, обогатила князей церковным имуществом и подчинила им новых священников-лютеран.

Остров Утопия Томаса Мора

В 1520 году кончил свою жизнь замечательный борец за свободу и равенство — Томас Мюнцер. Это произошло в Германии. А через 15 лет в Англии на эшафоте скатилась голова другого замечательного человека — Томаса Мора. Слава этих двух людей в свое время гремела по всей Европе. Они жили в разных странах и не имели между собой ничего общего ни в методах действия, ни в темпераменте, но оба были коммунистами по убеждениям. Один — агитатор, организатор и народный вождь, собравший крестьян и ремесленников, перед которым содрогнулись владетельные князья и духовенство. Другой — ученый и государственный деятель, достигший высшей должности лорда-канцлера при дворе английского короля и писавший сочинения, удивлявшие весь мир. Оба были равны друг другу по смелости и твердости убеждений, у обоих была одна и та же цель — достижение справедливого строя общества, и оба кончили свою жизнь на эшафоте.

Они первыми широко проповедовали идеи коммунизма в эпоху религиозной борьбы с феодализмом.

В XVI веке новые колонии в Америке и вновь открытые земли, давшие английским купцам несметные богатства, стали закупать английские товары. Сбыт увеличился, и, значит, надо было увеличивать производство. На заграничных рынках стал расти спрос на английскую шерсть, и она настолько подорожала, что разводить овец стало гораздо выгоднее, чем сдавать землю в аренду крестьянам. Тогда землевладельцы стали прогонять крестьян-арендаторов со своих земель, которые понадобились им под пастбища. Оставшимся без земли крестьянам ничего не оставалось, как продавать свой труд, свои рабочие руки купцам в мануфактурах. Так, начиная с XVI века, в Англии стал постепенно складываться новый хозяйственный строй — капиталистический. Называется он так потому, что главную роль играл в нем капитал, при помощи которого купец мог завести крупное предприятие и купить необходимые для этого рабочие руки. Кроме разоренного крестьянства, появилось огромное количество уволенных слуг и разных прихлебателей дворянства, которые оказались ненужными вследствие прекращения междоусобных войн. В результате всего этого без работы осталось людей больше, чем могла поглотить промышленность. А в то время остаться безработным было достаточным, чтобы попасть в руки палача, потому что бедность и безработица были объявлены преступлениями, достойными смертной казни.

В 1520 году английский король Генрих VIII объявил, что только престарелые и нетрудоспособные нищие получают позволение просить милостыню, здоровые же присуждаются к наказанию плетьми и заключению в тюрьму. Их следует, привязав к тачке, бичевать до тех пор, пока кровь не начнет струиться из тела; тогда они должны дать клятву возвратиться на родину или туда, где они жили последние три года, и приняться за работу… А за какую работу? Где ее найти?

В 1536 году закон сделался еще строже. Если кто-нибудь вторично попадется, как бродяга, то его опять наказывают плетьми и отрезают ухо, а в третий раз — его казнят как тяжкого преступника и врага общества. По словам летописца, при Генрихе VIII таким образом было казнено 7200 человек. Но этим король не смог уничтожить бедности.

Объявление безработности и бедности преступлением, достойным смертной казни, так же как и мечты о воскрешении равенства и братства древнейших христианских общин, не могли остановить роста противоречий. И был в то время только один человек, человек, который был настолько смел и дальновиден, что смог указать людям новый путь к разрешению всех противоречий и трудностей, указать шаг на новом пути к другому общественному строю. Этим человеком, нарисовавшим невиданную дотоле картину будущего коммунизма, был Томас Мор — лорд-канцлер короля. Родился он в Лондоне в семье судьи в 1478 году. После школы учился в университете в Оксфорде. Но отец хотел сделать из него юриста и поэтому лишил всякой помощи. Мор жил впроголодь, его преследовала нужда, часто ему не на что было купить даже сапог. В конце концов ему пришлось уйти из университета, и по воле отца он стал посещать юридическую школу в Лондоне. В 1501 году он сделался адвокатом, чутким, отзывчивым и бескорыстным. До 1504 года Томас Мор жил вблизи монастыря картезианцев, посещал церковные службы и сам хотел сделаться монахом, но оставил это намерение, когда убедился, что духовенство утратило свою прежнюю суровость и воздержание. Он вернулся к мирской жизни и в 1504 году был избран в парламент, где, несмотря на молодость, имел значительное влияние.

В то время Англия уже принимала участие в мировой торговле и Лондон приобрел значение мирового города наравне с Лиссабоном, Антверпеном и Парижем. Когда на престол вступил король Генрих VIII, Мор вскоре был послан одним из послов в Нидерланды для заключения торгового договора. В Нидерландах он пробыл 6 месяцев. Переговоры оставляли ему много свободного времени, и здесь он написал свое знаменитое

сочинение: «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» («утопия» — по-гречески — «место, которого нет»). Первое издание книги появилось в 1516 году, и затем она переиздавалась бесконечное число раз на всех европейских языках.

В этой книге Мор описал идеальное государство без угнетения слабых и без принудительного труда.

Впечатление от «Острова Утопия» было огромно. Это произведение сразу поставило Мора в ряду первых политиков Англии. В живых образах рисует Мор в своей книге картину благоустроенного государства, уже созданного и живущего полной жизнью на воображаемом острове. Жизнь этого бесклассового государства-нации описана так полно, что Мору казалось, что им разрешены все противоречия. Мор слишком хорошо знал жизнь, чтобы верить, что всякий класс, как бы справедливы ни были его намерения, мог удерживать в своих руках власть без угнетения неимущего большинства. Мор заглянул далеко в будущее и противопоставил коммунистический строй, при котором все принадлежит всем, классовому обществу. В его государстве все распределялось по принципу: труд обязателен, каждый работает сколько может и получает сколько ему надо, всякий труд вознаграждается по заслугам, и каждый человек живет в роскоши, хотя ни один не получает больше другого. Частной собственности нет. На острове Утопия существуют 24 больших города, одинаковых по языку, нравам, законам и учреждениям. Кроме того, в стране имеются усадьбы, снабженные всеми необходимыми сельскохозяйственными орудиями. В этих усадьбах живут люди, постепенно отправляющиеся из городов в деревню. В каждой сельской семье должно быть не менее сорока членов, мужчин и женщин. Из каж" дой семьи ежегодно 20 человек, пробыв два года в усадьбе, возвращаются в город и заменяются двадцатью другими — горожанами, которые учатся земледелию у остальных двадцати, уже проживших год в усадьбе и потому знающих сельское хозяйство. Очередь для земледельцев вводится для того, чтобы никто против воли не был вынужден слишком долго заниматься тяжелым и кропотливым сельскохозяйственным трудом.

Сельские жители обрабатывают поля, ухаживают за скотом и рубят дрова, которые перевозят в город. Еще они занимаются искусственным выведением цыплят при помощи особых аппаратов для высиживанья яиц… Главным занятием утопийцев является земледелие, но наряду с этим каждый обучается ремеслу, как своей специальности, причем обучаются ему и мужчины и женщины. Ремесла их заключаются главным образом в

обработке шерсти и льна; кроме того, существует ремесло каменщика, кузнеца и плотника. Остальные отрасли труда имеют очень мало применения.

Работают в Утопии только по шесть часов в сутки: три часа с утра до обеда, потом отдыхают два часа и после отдыха работают еще три часа. Затем следует ужин. Рано ложатся спать и спят восемь часов. Остальное время каждый проводит по своему усмотрению. Шести часов работы в день более чем достаточно для производства вещей, нужных для здоровой и приятной жизни.

Работают все, кроме руководителей общества и тех, которые получили от народа разрешение посвятить себя науке. Если же такой человек не оправдает возлагавшихся на него надежд, то он снова переводится в разряд ремесленников.

Сельские жители производят продукты для себя и для горожан. Последние тоже работают на город и на сельские местности. Каждый город ежегодно посылает в столицу трех мудрейших своих стариков, которые решают общие для всего острова дела. Они собирают сведения, где и в чем есть избыток или недостаток, и тогда первым устраняется второе. Города, отдающие свой избыток другим, за это с них ничего не получают, потому что сами пользуются от других всем, что им нужно, также без вознаграждения. Таким образом весь остров составляет как бы одну семью. Деньги в Утопии совсем неизвестны. Все вещи имеются в избытке. Нет никакого основания описаться, что кто-нибудь потребует больше, чем ему нужно, потому что каждый уверен, что ему никогда не придется терпеть нужды.

На каждой улице города построены громадные великолепные дворцы. В них живут «сифогранты» — должностные лица, которые избираются по одному на каждые 30 семей. К каждому из дворцов прикреплены по 30 семейств, живущих по обе стороны. Заведующие кухнями этих дворцов в определенные часы приходят на рынок, где каждый берет необходимые продукты, нужные для 30 семей. Но лучшие продукты прежде всего посылаются для больных в госпитали.

В определенные часы каждые 30 семейств направляются в свои дворцы обедать и ужинать. На рынках не препятствуется брать всем съестные припасы сколько кто хочет, но нет никого, кто добровольно бы обедал отдельно у себя дома, когда рядом во дворце сколько угодно хорошей и готовой пищи. Кушанья во дворце готовят женщины поочередно, а за столом прислуживают мальчики и девочки.

Главной задачей выборных сифогрантов является наблюдение за тем, чтобы никто не бездельничал. Все сифогранты назначают князя из четырех кандидатов, выбираемых народом. Должность

князя пожизненная. Он лишается должности только в том случае, если на него падет подозрение, что он стремится к самодержавию. Вероисповедание на острове — личное дело каждого. Священники, как и все чиновники, избираются народом.

Население Утопии ненавидит войну и военную славу считает самой незавидной. Война необходима только для защиты своей родины или своих друзей и для освобождения угнетенного народа от ига тирании. Ученые — в большом почете. Они освобождаются от физического труда, но занятия наукой не являются монополией ученых. Обыкновенно рано утром происходят публичные чтения, посещать которые могут все мужчины и женщины. Смотря по своей склонности, они слушают чтения по тем или иным предметам.

Итак, в Утопии нет частной собственности и нет денег. Каждый занимается только делами общества, и все распределяется равномерно по принципу: каждый работает сколько он может и получает сколько ему надо. И хотя нет собственности, там все богаты и у всех спокойная и беззаботная жизнь.

Коммунизм Томаса Мора был утопическим, несбыточным. Однако он был создан глубоким знанием жизни и пониманием потребностей той эпохи. Мор первый сделал попытку приноровить коммунизм к вновь возникающему капиталистическому обществу и первый в мире выдвинул основной принцип коммунизма, который позднее вошел в теорию научного коммунизма Карла Маркса: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям.

У Мора наука впервые попадает на службу людям. Наука, казавшаяся христианству враждебной, становится необходимой при создании нового, справедливого строя. Мор делает науку доступной всем как высшее наслаждение. Но путей к достижению коммунистического общества Мор не указал, да по тому времени и не мог этого сделать.

Лорд-канцлер короля

Благодаря огромному успеху книги, Томас Мор встал в первые ряды английских политиков, сделался такой величиной, что королю Генриху VIII надо было или перетянуть его на свою сторону, или уничтожить. Уже и раньше король делал попытки привлечь к себе Мора, а теперь он был даже готов идти на жертвы, чтобы только заполучить его к себе на службу. Отказ от королевской службы в то время был равносилен государственной измене и легко мог довести до эшафота. Но, может быть, на службе королю можно будет сделать попытку перейти от теории к практике? Может быть, его советы в делах управления будут приняты во внимание?.. Думал ли так Мор или нет, но во всяком случае он согласился на королевскую службу и сделался чиновником королевского двора — докладчиком о поступающих прошениях. После этого он занимал разные высокие должности.

В глазах лондонской буржуазии Мор был представителем «порядка», он ничего так не боялся, как самостоятельного движения народных масс. Мор считал, что надо делать все для народа, но ничего не добиваться посредством народа. Немецкая реформация была вначале народным движением, и поэтому Мор нападал на учение Лютера именно с той точки зрения, что это учение подрывает авторитет государей. Политическим доводом Мора против реформации являлся ее народный характер.

Общее несочувствие лютеранству сблизило Генриха VllI с Мором, и значение Мора усилилось. Он делал при дворе быструю карьеру. Став членом Королевского совета, он вскоре был назначен управляющим сокровищницей короля (нечто вроде министра финансов), а через несколько месяцев — канцлером герцогства Ланкастерского. Но все это не могло заставить неподкупного Мора во всем безусловно подчиняться надменному и жестокому королю. Он считал короля народным пастырем, но всегда порицал подчинение народа королю — тирану и притеснителю.

После того как Мор в парламенте посмел отстаивать права народа против всемогущего лорда-канцлера, своего предшественника, король решил от него избавиться. Но влияние Мора среди горожан так возросло, что для удаления Мора король придумал отправить его послом в Испанию.

Однако Мор вовремя заметил ловушку и под предлогом расстроенного здоровья отказался. Вскоре дело дошло до более серьезного конфликта.

Нигде реформация не была такой открыто корыстолюбивой,

как в Англии. В догматах веры и в обрядах ничего не было изменено, просто вместо папы главой церкви стал король, потому что это было ему выгодно, и лютеранство преследовалось наравне с католицизмом.

Мор не сочувствовал ни такой реформации, ни лютеранству, ни усилению королевской власти. Он чувствовал, что необходимо положить конец самодержавию, и считал, что не обязан подчинять свои религиозные убеждения королю и при этом идти против большей части всего христианского мира.

Король старался перетянуть Мора на свою сторону, тем более что популярность его еще больше увеличилась. И коварный король назначил Мора в 1529 году лордом-канцлером (государственным канцлером). Мор был первым, занимавшим эту должность, не будучи ни духовным лицом, ни аристократом. Он принял ее против воли, потому что ему не оставалось выбора. При возведении в сан кардинала он сказал:

— Чем выше место, тем сильнее падение с него, как это видно по моему предшественнику. Если бы не милость короля, то я считал бы свое место столь же приятным, сколь Дамоклу нравился меч, висевший над его головой!

На своем посту он не мог быть нейтральным и в конце концов Мор отказался от него (1532 г.). Отказываться от службы королю в то время, когда ему как раз были нужны все его слуги, значило в глазах Генриха VIII становиться на сторону измены и мятежа. Однако Генрих во что бы то ни стало хотел расположить его к себе. Ни награды, ни почетные должности не соблазняли Мора. Тогда его стали запугивать. Король конфисковал его имения, и так как у Мора никогда не было денег, ему пришлось поселиться близ Лондона и жить очень скромно.

В 1533 году началось судебное дело одной монахини, которая предсказывала, что король умрет через месяц после женитьбы на Анне Болейн. Мора постарались впутать в этот процесс. Но уважение к нему было настолько велико, что лорды отказались признать преступление монахини, если из числа ее сообщников не будет вычеркнуто имя Мора. Король уступил, и Мор остался на свободе.

По этому поводу он грустно сказал своей дочери:

— Отложить дело еще не значит отменить его! — на столько он был уверен в том, что его ожидает.

В 1533 году парламент принял проект о признании короля главой английской церкви. Первый брак короля был признан недействительным, а второй брак (с Анной Бо-лейн) — законным. Дочь первой жены — Мария — была лишена права наследовать престол, а дочь Анны Болейн — Елизавета — была объявлена

законной наследницей короля. Присяга была предложена всем священникам и Мору. Но Мор отказался присягать. Его арестовали и засадили в Тоуэр — старинный дворец-крепость Лондона. Герцог Норфолькский — друг Мора — уговаривал его помириться с Генрихом VIII и присягнуть.

— Ведь гнев короля равносилен смерти! — говорил он.

На это Мор ответил:

— Тогда между мной и вами разница только в том, что я умру сегодня, а вы завтра!

На суде Мор не захотел объяснять причину своего отказа от присяги. Тогда воспользовались услугами подкупленного свидетеля, который доказывал, что Мор считал парламент неправомочным делать короля главой церкви. Мора обвинили в измене и приговорили к жестокой, мучительной, медленной казни, которую король заменил простым отсечением головы. Это объявили Мору как особую милость короля, и Мор воскликнул:

— Избави, боже, моих друзей от такой милости!

Мор шутил до самого конца. Даже когда всходил на эшафот и плохо сколоченные доски зашатались, Мор сказал сопровождающему его офицеру:

— Пожалуйста, помогите мне взойти! Вниз я уже как-нибудь сам сойду.

Затем он захотел сказать что-то народу, но ему не дали говорить.

Казнь произошла в Тауэре 6 июля 1535 года.

Так погиб человек, которого католическая церковь провозгласила мучеником за католическую веру и даже причислила к святым только потому, что он не сочувствовал проведенной в Англии реформации. Но Мор не был ни философом, ни святым. В религии он признавал свободу совести. В политике он искренне хотел устранить причины нищеты, но боялся народной активности, не верил в народные движения, не признавал насильственного ниспровержения существующего строя и считал, что коммунизм должен вводиться сверху просвещенным правительством.

«Утопия» Мора впервые дала картину бесклассового общества и связывает понятие примитивного коммунизма средних веков с научным коммунизмом XIX и XX века. Мор не понимал крестьянского движения, как и вообще народной борьбы, которая была ему страшна. Единственный подлинный носитель идей социализма и коммунизма, класс, способный воплотить их в жизнь, — пролетариат — только-только зарождался в те времена. Поэтому вплоть до рождения научного коммунизма «Утопия» Мора оставалась такой же красивой фантазией и бесплотной

мечтой, как и «Город Солнца» Кампанеллы.

Кампанелла — Город Солнца

Итальянский монах Томмазо Кампанелла был вторым великим утопистом. Его славное имя высечено в Москве на сером гранитном обелиске (рядом с Кремлевской стеной) среди других имен великих борцов за победу коммунизма.

Родился Кампанелла в 1568 году в местечке Стило в Калабрии, которая с конца XV века страдала под тяжким игом Испании. Он был сыном простого сапожника. Пятнадцати лет поступил в монашеский орден доминиканцев, прославившийся самыми образованными монахами. Этот орден гордился вышедшими из его среды учеными, философами и ораторами. Кампанелла был исключительно одаренным юношей и уже с тринадцати лет мог произносить экспромтом речь на любую заданную тему и прозой, и в стихах. Доминиканцы ценили талант молодого монаха и содействовали его стремлению к знаниям, надеясь в его лице найти достойного представителя ордена.

С конца XVI века слава доминиканцев начала меркнуть, так как ее стал затмевать возникший новый орден иезуитов, так называемое «Общество Иисуса». Это было нечто вроде отряда папских опричников. Они безоговорочно, не щадя своей жизни, служили папе в борьбе с протестантами, с ересями и церковниками, которые требовали ограничения папской власти. В булле (грамоте), утвердившей новый орден, папа Павел III подчеркивал, что они (иезуиты) «посвятили свою жизнь на вечное служение Христу, нам и преемникам нашим — римским первосвященникам».

У иезуитов не было своих монастырей, как в старых орденах, и они могли не носить ряс, как другие монахи. Иезуит мог ходить в светской одежде и, когда это требовалось, даже скрывать свою принадлежность к ордену. К XVI веку монахи всех орденов стяжали себе во всех странах недобрую славу как тунеядцы, обжоры и развратники, и для церкви, конечно, были нужнее такие «подвижники»-монахи, вымуштрованные солдаты, какими были иезуиты. Они отличались слепым повиновением папе, были рабски послушны, по-военному дисциплинированы. Они должны были отказаться от всякого личного суждения, беспрекословно повиноваться старшему, «отдать богу, кроме своей воли, свой разум».

В те времена монастыри часто организовывали споры на божественные схоластические темы и вызывали друг друга на соревнование.

На ораторские турниры, где выступали представители двух

монашеских орденов, допускалась и посторонняя публика. Блестящие выступления Кампанеллы вызывали злобу и зависть других духовных орденов, в особенности иезуитов. Кампанелла объявил иезуитам войну и в своих выступлениях требовал уничтожения их ордена. Он говорил, что иезуиты «искажают чистое евангельское учение, для того чтобы заставить его служить деспотизму властителей».

Кампанелле не было еще 20 лет, когда он опубликовал свою первую книгу. Знания Кампанеллы удивляли современников, и многие считали, что он просто продал свою душу дьяволу. Иезуиты объявили его еретиком и добились от папы запрещения выступлений Кампанеллы. Он поучил приказание вернуться в монастырь, но не подчинился и ездил из города в город под чужим именем, зарабатывая себе на жизнь уроками. Кампанелла много писал. Однажды тайные агенты инквизиции выкрали у него все рукописи, и Кампанелла был арестован по обвинению в ереси. Его отправили в римскую тюрьму в кандалах. В то время там томился Джордано Бруно.

После тюрьмы Кампанеллу сослали в монастырь на покаяние. А через несколько месяцев его снова арестовали и, продержав в тюрьме около года, предписали ему вернуться на родину.

Во время своих странствий Кампанелла видел, как страдает народ, и в нем созрело решение освободить Калабрию от испанского ига. С этой целью он организовал заговор и увлекся до того, что строил планы республиканской свободы и хотел ввести новые законы. Он старался превратить восстание в Калабрии в революцию, подобно тому как реформаторы к своей борьбе против религии присоединяли борьбу против общественного строя и высказывали комму-нгвстические идеи. Кампанелла тоже понимал, что все зло происходит от частной собственности.

Испанцы в Калабрии безжалостно притесняли и грабили население. Часто крестьянам ничего больше не оставалось, как бросать свое жалкое хозяйство и скрываться в горах от преследований. Кампанелла подговорил и убедил монахов своего монастыря воспользоваться случаем и свергнуть испанское иго. Он им внушил, что он, Кампанелла, призван богом, чтобы возглавить восстание. Кампанелла рассчитывал воспользоваться оружием многочисленных бандитов и изгнанников. С их помощью он собирался открыть тюрьмы и освободить заключенных, которые также примкнули бы к восстанию. Кроме того, он договорился с визирем, который командовал турецким флотом, стоявшим на якорях у берегов Италии. Сам визирь был уроженцем Калабрии; он покинул родину и перешел в

мусульманство, чтобы избежать испанского владычества.

Многие священники и более трехсот монахов примкнули к движению, распространяли идеи Кампанеллы и призывали население к восстанию. Один пастор проповедовал, что Кампанелла призван освободить народ от притеснений министров испанского короля, которые торгуют человеческой жизнью и мучают бедных и слабых. По стране разошлось около двухсот проповедников, чтобы раздувать пламя восстания; 1800 изгнанников были в боевой готовности, и население должно было поддержать восставших, к которым, как говорили современники, примкнули даже четыре епископа. Но когда все было готово, два изменника выдали заговор. Случилось это в конце 1599 года. Неаполитанский вице-король, под предлогом защиты берегов от турецкого флота, выслал войска, которые внезапно напали на заговорщиков, разбили их и большую часть отвезли морем в Неаполь. Несколько человек для устрашения других были повешены на реях. Кампанеллу нашли в хижине пастуха, арестовали и тоже отправили в Неаполь, где засадили в крепость Дель-Ово (1600 г.) как раз в то время, когда Джордано Бруно был сожжен на костре в Риме.

В предисловии к одной из своих книг Кампанелла писал, что он перебывал в заключении в пятидесяти различных тюрьмах и семь раз подвергался жесточайшим пыткам. В последний раз его мучения продолжались сорок часов: его душили туго затянутыми веревками, которые прорезали шею до костей, и затем, связав руки за спиной, повесили над острым колом, так что кровь текла ручьями. Через сорок часов, решив, что Кампанелла мертв, мучения его прекратили. Одни из присутствующих при пытке поносили его и, чтобы усилить мученья, дергали веревку, на которой он был подвешен, другие шепотом восхищались его мужеством. Ничто не могло поколебать Кампанеллу, и от него не добились ни одного слова. Когда Кампанелла выздоровел после пытки, его заперли в темнице. Пятнадцать раз представал он перед судом. В первый раз ему задали следующие вопросы:

— Как знаешь ты то, чему не учился?

— Имеешь ли ты в своем распоряжении демона?

Он отвечал:

— Чтобы изучить то, что я знаю, я истребил лампового масла больше, чем вы выпили вина!

Кампанеллу обвиняли в том, что он написал появившуюся еще до его рождения книгу, что он распространяет предосудительные мнения против учения церкви и ее устройства и что он еретик.

В общей сложности Кампанелла просидел в тюрьме около

тридцати трех лет. Большей частью он был закован в кандалы, иногда в его подземной камере на полу стояла гнилая вода. Тюремщики следили, чтобы он ничего не писал, но, несмотря на все эти тяжелые условия, Кампанелла умудрялся писать философские, математические и астрономические книги и сочинять стихи. В тюрьме он написал и свое знаменитое сочинение «Город Солнца».

Подобно Томасу Мору Кампанелла описал жизнь людей одной общей семьей, без частной собственности. Вся жизнь этого общества была подчинена разуму. Работали все одинаково, по четыре часа в день, и за работу получали от государства все, что было надо. В свободное время все учились, занимались наукой и спортом. Наука в этом государстве Солнца достигла невиданного расцвета. О воспитании и обучении детей заботилось общество, приучало их к труду. Силой своего образа жизни обитатели государства Солнца никому не навязывали, но были убеждены, что со временем все будут жить так же, как и они.

Кампанелла страстно увлекался своей идеей. Он смело призывал к восстанию, чтобы положить конец раздорам и нужде, чтобы водворить, наконец, на земле мир и счастье. Вся его долгая страдальческая жизнь была направлена к достижению лишь одной цели — к введению коммунизма, каким он его понимал.

Тридцати двух лет он организовал восстание для осуществления своей мечты. Заключенный в тюрьму, подвергнутый пытке, но не побежденный, он утешается тем, что создает свою утопию — «Город Солнца», и мечтает, что описание его республики увлечет все народы мира.

Из мрака тюремной камеры слава Кампанеллы разнеслась по всей Европе. Римские папы, английский король Яков I и другие власть имущие лица обращались к нему за советом, так как Кампанелла считался знающим астрологом. Ученые обменивались с ним в письмах мнениями по философским и научным вопросам. Герцог Оссинский, правящий Неаполем, покровительствовал ему и облегчил его жизнь в тюрьме. Герцог сопротивлялся введению инквизиции в Неаполитанском королевстве и этим навлек на себя гнев иезуитов. Они интриговали против герцога, но он, не дожидаясь своего смещения, провозгласил себя королем Неаполя и Калабрии и объявил свою независимость от Испании. Потом он признался, что к этому подстрекал его Кампанелла, который надеялся с помощью герцога совершить социальную революцию. Но план был раскрыт, герцога посадили в крепость, и строгость заключения для Кампанеллы снова была усилена.

Через два года умер папа Павел V, который всегда заступался

за Кампанеллу перед испанским королем. Узнав о смерти папы, Кампанелла будто бы воскликнул:

— Только когда я избавлюсь от жизни, избавлюсь я и от тюрьмы!

Но новый папа Урбан VIII стал хлопотать об освобождении узника и добился этого после пятилетних хлопот только потому, что обещал подвергнуть Кампанеллу суду инквизиции в Риме. Когда Кампанеллу привезли в Рим, папа его освободил. Но иезуиты преследовали его своей ненавистью и стали натравливать на него чернь. Они говорили:

— Какой смысл негодовать на Лютера, когда Рим питает из своих уст гораздо более страшную змею?!

Чтобы спастись от разгневанной черни, Кампанелла принял приглашение французского посла, переоделся в богатые одежды и в его парадной карете бежал из Рима (1634 г.). Он приехал в Марсель, где прожил месяц, а затем, по приглашению всемогущего французского кардинала Ришелье, отправился в Париж. Король Людовик XIII захотел видеть Кампанеллу и пригласил его в свой дворец. Когда Кампанелла вошел в приемный зал, король встал и пошел навстречу согбенному годами и страданьями старцу. Ришелье, как и Кампанелла, ненавидел испанцев. Во время войны Испании с Францией Кампанелла был даже приглашен в Королевский совет. Он снова вступил в доминиканский орден и жил спокойно в монастыре в Париже до самой смерти, занимаясь разными научными исследованиями. Умер Кампанелла в 1639 году.

Никакие испытания и преследования не могли разубедить этого удивительного человека в том, что путь человечества ведет к коммунизму. Недаром он писал в своей книге «Город Солнца», что весь мир придет к тому, чтобы жить по обычаям счастливых граждан созданного им в мечтах государства Солнца.

Стремления Томаса Мюнцера, Томаса Мора и Кампанеллы, хотя они и жили в разных странах и в разное время, были звеньями одной цепи непрерывных усилий человечества к достижению свободы и справедливого строя. К этой цепи принадлежал и Жан Мелье — первый коммунист XVIII века во Франции.

Объединяйтесь же, народы!

Маленькая сельская церковь в Шампани была переполнена. Женщины в черных платьях и платках прижимали к груди худые, загрубевшие от работы руки, и их губы шептали молитвы. Мужчины в праздничных блузах с загорелыми лицами хмуро глядели перед собой, стараясь сосредоточиться. Мерцали огни свечей, бросая отсветы на позолоту икон и подсвечников.

В церкви не было ни одного свободного места на скамьях для прихожан. Слова их молитв и вздохи, их дыхание и надежды, казалось, медленно плыли вверх с дымком свечей и ароматом ладана, и все это равнодушно вбирал в себя круглый купол церкви.

После обедни прихожане с напряжением ждали проповеди своего кюре Жана Мелье, но кафедра была еще пуста, а против нее, на двух темного дуба резных креслах с балдахином, сидели сеньор де Клери с супругой. Крестьяне не смотрели в его сторону, но все заметили его напряженную позу, хмурый профиль и бледность лица. На его высоком лбу даже выступили крупные капли пота, и лицо вдруг напряглось, когда из ризницы вышел Жан Мелье и поднялся на кафедру.

Это был сын ткача, родился он в Шампани в 1664 году. Мелье кончил духовную семинарию и 28 лет сделался сельским священником. Его с виду такая спокойная и однообразная жизнь была нарушена только один раз ссорой с сеньором де Клери. Этот сеньор однажды избил нескольких крестьян. Мелье, который всю свою жизнь посвятил служению этим несчастным и притесняемым людям, возмутился и на воскресной службе в церкви не пожелал произнести обычной молитвы о здравии благородного сеньора де Клери. Тогда сеньор пожаловался на священника архиепископу реймскому. Архиепископ потребовал, чтобы Мелье публично извинился перед де Клери и помянул в молитве сеньора.

Все знали, что архиепископ сердит на Мелье, и все с напряжением ждали, что он теперь скажет. Некоторое время священник стоял на кафедре молча, с опущенными глазами. Он всем сердцем жалел крестьян за то, что они всю жизнь смиренно трудились и затем, склонив головы, усердно молились с надеждой, что бог облегчит им жизнь. На мгновенье перед его мысленным взором возникли фигуры избитых крестьян, жалкие, спотыкающиеся, еле ползущие после наказания во дворе замка, где сеньор жестоко покарал их за какую-то ничтожную провинность. Он также вспомнил разгневанное лицо епископа, который не хотел его выслушать и грозил отлучением от церкви

за то, что он в прошлое воскресенье не помянул сеньора де Клери в своих молитвах.

Не отлученье было страшно, ведь Мелье не верил в бога, страшно было оставить без помощи своих прихожан.

Мгновенье кюре колебался, — ему так хотелось громко высказать все, что наболело у него на сердце. Но из его груди вырвался только тихий стон, и наконец взяв себя в-руки, он заговорил прерывающимся голосом:

— Мы все знаем, что епископы очень важные господа! Что они презирают бедных сельских священников и даже не хотят их выслушать. Их уши открыты только для богатых и знатных… Так попросим же у бога, чтобы он обратил нашего сеньора, чтобы впредь он не грабил и не обижал бедных!

Де Клери вскочил с места и схватился за рукоятку меча. Дерзость священника была неслыханной. Крестьяне в испуге склонили головы еще ниже и быстро зашептали молитвы, многие женщины стали всхлипывать. Всем казалось, что рухнут стены и своды, что сейчас наступит конец мира. Но сеньор ничего не сказал и ничего не сделал. Громко звеня шпорами, он в гневе вышел из церкви, сопровождаемый своими рыцарями. Священник неподвижно стоял на кафедре с побледневшим лицом. Пламя свечей вдруг заколыхалось, будто кто-то хотел их погасить, — это пронеслась волна тихих вздохов облегчения сотни людей, потом раздалось шарканье ног по плитам пола, и церковь опустела.

На священника последовала новая жалоба сеньора. На этот раз архиепископ вызвал Мелье к себе и обошелся с ним очень грубо, но священник не сдавался.

Его ссора с сеньором затянулась, и они жили как два врага. Архиепископ стал плохо относиться к Мелье, сеньор постоянно оскорблял и преследовал. Целый ряд унижений и обид, с которыми он не мог бороться, и сознание своего полного бессилия заставили наконец Жана Мелье покончить с собой. В деревне рассказывали, что он уморил себя голодом (1729 г.).

Для Мелье были характерны твердость и решимость, с которыми он выступил против сеньора, его неспособность идти на уступки и приспособляться к обстоятельствам, и это стоило ему жизни. Но чтобы спокойно умереть, ему нужно было сознание, что и после смерти он будет продолжать борьбу со своими врагами, — и он решил сказать открыто все, что думал о религии, о государстве и об общественном строе в своем предсмертном завещании.

Жизнь Мелье, хоть и казалась прихожанам тихой и спокойной, на самом деле была мучительной. Мелье — священник — не верил в бога, был атеистом, но его долгом и

обязанностью было проповедовать религию и величие божие. Мелье был коммунистом по своим убеждениям. Он ненавидел весь строй французского государства, ненавидел короля, дворянство и духовенство, но должен был каждое воскресенье молиться за них и призывать прихожан к подчинению власти, которая мучила и превращала их в рабов. Этот сельский священник был достаточно смел, чтобы в своем уме разрушить все, что другими почиталось, но у него не хватало храбрости объявить всему миру истину и перенести за это гонения. Но то, что он не сказал при жизни, он написал в «Завещании», которое оставил для людей всего мира. Это завещанье написано кровью его сердца. Остро и смело критикует он религию и государство, не оставляет камня на камне от этих твердынь и затем на очищенной уже почве создает для человека новое царство счастья. Мелье доказывал, что всякая религия противоречит разуму, и объяснял ее широкое распространение невежеством людей, самообманом и страхом перед непонятными явлениями. Все религии мира являются лишь измышлением людей, а то, чему они учат, есть ложь и шарлатанство, придуманное лицемерными плутами для обмана людей, чтобы держать их в страхе и повиновении. Понимая назначение всякой религии, Мелье писал: «Религия поддерживает даже самое дурное правительство, а правительство, в свою очередь, поддерживает даже самую нелепую, самую глупую религию».

Величайшие блага для людей — мир и справедливость. Это источники человеческого счастья. Самое ужасное в жизни — раздоры, злоба, ложь, несправедливость, лицемерие и тирания. Весь жизненный опыт показывает, что в мире царят ложь и несправедливость, а те, кто как будто поставлены для осуществления справедливости, — как раз и насаждают беззаконие и сами наиболее преступны.

Главной мыслью «Завещания» была ложность религии вообще и христианства в частности. В христианстве Мелье находил три роковых ошибки: во-первых, полное отрицание тела; во-вторых, то, что главной добродетелью человечества считается наслаждение страданиями и мученичеством, и, в-третьих, запрещение отвечать насилием на насилие и повеление любить своих врагов.

Мелье стремился подорвать веру в справедливость бога, в его любовь к людям. Он разбирал библейские рассказы, в которых восхвалялась неуместная жестокость бога, в которых проявлялось его пристрастие к одним народам в ущерб другим, которые им же созданы.

Мелье считал, что религиозные правила и предписания были

роковыми для судьбы народов. Религия освящала тиранию королей и сильных мира в ущерб народам, которые влачат жалкое существование под игом рабства. Всюду, куда ни взглянешь, писал Мелье, видишь чудовищную несправедливость: одни как будто родились для того, чтобы господствовать над другими и получать от жизни все наслаждения, другие же родятся только для того, чтобы быть всю жизнь жалкими, приниженными рабами и страдать от нищеты.

Первое зло в мире — это частная собственность и неправильное распределение благ между сословиями. Подобно тому как паразиты непрестанно беспокоят, пожирают и грызут тело тех, на ком они живут, так и короли, дворянство, духовенство, монахи, банкиры и откупщики только беспокоят, мучают, грызут и пожирают бедный народ.

«Я хотел бы, чтобы голос мой прозвучал с одного конца королевства до другого, с одного конца земли до другого! Я кричал бы изо всех сил: «Вы глупцы, о люди, вы глупцы, ибо позволяете вести себя на помочах и слепо верите такой бездне глупости!» Я показал бы людям их заблуждения и разоблачил бы их руководителей, которые являются обманщиками и кровопийцами! Я поставил бы людям в упрек их трусость за то, что они так долго позволяют жить тиранам и не сбрасывают ненавистного ига их тиранического правления!»

Мелье призывает все народы к объединению и к борьбе Против их угнетателей: «Объединяйтесь же, народы! Соединяйтесь, если у вас хватит мужества освободиться от вашей общей нищеты. Ободряйте друг друга в этом важном и благородном деле! Сообщайте друг другу тайно свои мысли и желанья, распространяйте всюду как можно искуснее летучие листки, выясняющие всему свету пустоту заблуждений и суеверий религии и возбуждающие повсюду ненависть против королей и правителей мира!» «Когда народы будут освобождены, а все порабощающий общественный строй будет уничтожен, тогда надо будет приступить к созданию нового общества».

Мелье сделал только набросок того, каким он представляет себе лучший строй общества: общность имущества, равная для всех обязанность трудиться, общественное воспитание детей. Мелье писал, что люди от природы совершенно равны и каждый человек имеет право жить и пользоваться своей свободой, своей долей в благах жизни, но для этого он должен выполнять полезный для общества труд. Частной собственности не должно быть. Все жители города или деревни объединятся в одну большую семью и будут спокойно вести совместную жизнь, одинаково питаться, одеваться и трудиться.

Религии в этом обществе не будет; вера в богов сделает людей снова несчастными, и без общности имущества религия опять привела бы к старому рабству. Только справедливость и братство научат людей трудиться для общественного блага и свободы. Только разум и научные знания, а не ханжество могут привести людей к нравственности. Невежество же делает людей порочными и злыми.

Жан Мелье, священник, считал, что христианская мораль служит только одной цели — порабощению добрых злыми. Своим прославлением страданий и признанием, что страдания — это добродетель, религия советует терпеливо сносить голод, холод, всякое угнетение и унижение. Религия внушает, что стремиться к благам жизни и бороться за них — это грех; а покоряться своей несчастной участи — добродетель. Но нет ничего хуже, как повеление любить своих врагов и делать им добро. Это религиозное правило противоречит здравому смыслу и рассудку. Только освободившись от религии, угнетенные поймут, что они имеют право не только желать, но и бороться за свое счастье на земле. Только борьба может освободить их. А первое условие успешной борьбы — это единодушие и солидарность. «Объединяйтесь же, народы!» — восклицает Мелье.

Всю свою жизнь он был священником не веря в бога и всю жизнь жалел, что не находится убийц для тиранов. Он терпеливо переносил жизнь, которая была сплошным издевательством над всеми его мыслями и чувствами. Он не понимал, как бог любви, «всевидящий и всемилостивый», мог сделать большинство людей такими несчастными. Священническая ряса всю жизнь жгла его огнем и превратила природную доброту и мягкость в жгучую горечь и ненависть. Единственный раз в жизни Мелье вступил в спор с сеньором, который избил крестьян, и уморил себя голодом, не найдя сил для открытой борьбы. Но сострадание к обездоленным внушило ему гневные слова против угнетателей и сокрушающую критику духовенства, короля и дворянства, а знание жизни привело к полному отрицанию религии.

Таким был Жан Мелье — первый утопист-коммунист из народа. Для него борьба была единственным возможным путем к свободе. Он не осуждал борьбы, как многие социалисты XVIII и XIX веков, — наоборот, он призывал к ней. Но время для борьбы, для революционного социализма тогда еще не настало, и борьба была невозможна.

Во время французской буржуазной революции 1789 года, в эпоху Конвента, один из демократов предложил поставить памятник Жану Мелье. Конвент принял это предложение, но Конвент ценил Мелье только как первого священника,

отказавшегося от религиозного заблуждения. Мы же его ценим как врага тирании, как смелого обличителя частной собственности, господства церкви и угнетателей народа — короля, помещиков, чиновников.

Вольтер. Здание обмана

Воинствующими противниками церкви и религии во Франции была группа философов-энциклопедистов, объединенная вокруг издания «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», которую называли тогда «осадной машиной против церкви и монархии».

Вольтер, живший в XVIII веке (1694–1778 гг.) ставил себе целью уничтожение старого, основанного в первые годы христианства «здания обмана», ту религию, которая своими когтями растерзала Францию, своими зубами пожирала людей, более десяти миллионов предала мучительной смерти.

Он считал, что глупость людей — это и есть источник религии. Поэтому церковь так усердно поддерживает невежество и борется против науки. Пользуясь легковерием и глупостью, плуты говорят с людьми от имени богов. Они это делают для того, чтобы установить свое господство над людьми, чтобы придать своим честолюбивым замыслам вид божественной воли, которую человек должен исполнять.

Религия, по мнению Вольтера, возникает, когда обманщик найдет достаточно глупого человека, который поверит, что он говорит от имени бога. Вольтер писал, что в основе христианской религии нет ничего, кроме сплетения самых пошлых обманов, «сочиненных подлейшей сзолочью, которая одна лишь и исповедовала христианство в течение первой сотни лет». «Отцы церкви фабрикуют фальшивые письма Иисуса Христа, письма Пилата, письма Сенеки, апостольские уставы, изречения сивилл, евангелия числом более сорока, деяния Варнавы, литургии Петра, Иакова, Матфея, Марка и т. д., и т. д.»

Вольтер подчеркивал, что церковь вредна для общества, потому что духовенство, само не работая, проповедует презрение к труду. А все благополучие и счастье человечества, говорил Вольтер, может быть основано только на труде. Церковники же требуют, чтобы люди молились, вместо того чтобы трудиться.

Самой вредной и опасной религией Вольтер считал христианство. Зло было не в искажении первоначального истинного учения Христа, а в том, что заложено в самой основе христианства. Ведь вся история церкви — это длинный ряд ссор, обманов, преступлений, мошенничеств, грабительства и убийств. Следовательно, все зло лежит в самой сущности христианства. Волк ведь тоже хищник по своей природе и вовсе не случайно набрасывается на овец.

Мы уже видели, что в продолжение многих веков римских пап избирали с оружием в руках, что эти «земные боги» то сами

отравляли и убивали, то их убивали и отравляли. А целые народы и государи были так тупы, что считали римского папу наместником бога на земле.

Пожалуй, одним из самых больших злодеяний католической церкви была «Варфоломеевская ночь» — ночь на 24 августа 1572 года, в канун праздника святого Варфоломея. В эту ночь в Париже банды убийц-католиков бросились к домам, в которых жили протестанты-гугеноты, не признававшие власти римского папы. Улицы Парижа и других городов были усеяны трупами, вода в Сене и многих реках окрасилась кровью. Истреблены были десятки тысяч невинных людей.

Когда папа получил известие о событиях той ночи, он приказал осветить Рим иллюминацией, выбить в честь этого события медаль и отправил в Париж кардинала с поздравлением «христианнейшего» короля Франции и его матери Екатерины Медичи. В Риме с крепости Святого Ангела стреляли пушки в честь доблестной победы над гугенотами. Папа приказал также устроить праздник для народа и сам торжественно посетил три храма, в которых благодарил бога за радостную весть о «великолепном всесожжении, устроенном французским королем во славу католической церкви».

Достаточно подсчитать всех тех, кого уничтожила христианская церковь во имя религии, чтобы уже не сомневаться в том, что религиозные идеи не всегда будут владеть миром. Сколько напрасно погибло людей во время кровавого безумия крестовых походов на Восток и во время крестовых походов рыцарей, опустошивших Балтийское побережье! А сколько было ненужных жертв во время резни альбигойцев и истребления других еретиков, всех этих десятков тысяч неповинных людей, которые были зарезаны или сожжены заживо во имя «всемилостивого» бога! А во время реформатских войн, когда «святые» папы, «святые» епископы, «святые» аббаты в течение двух столетий шагали по трупам! Если сосчитать все убийства, все головы священников и мирян, отрубленных палачом, тела сожженных на множестве костров во всех странах, кровь, пролитую от края и до края Европы, палачей, уставших от своих трудов во имя веры, жертвы Варфоломеевской ночи и тридцать гражданских войн из-за разногласий в правилах веры, то окажутся десятки миллионов человек, которые были зарезаны, утоплены, сожжены, колесованы, повешены во имя любви к христианскому богу! И в то время как эта страшная цепь убийств происходила в Европе, а в Америке были убиты, как дикие звери в охотничьем парке, несчастные индейцы, под предлогом, что они не хотели стать христианами, — в то самое время римские папы

наслаждались жизнью.

Римские папы затопили кровью невинных весь мир. Вольтер прекрасно видел, что вся история католической церкви состоит из войн, резни и пыток, и он не мог молчать. Духовенство постоянно следило за ним. Два раза Вольтер был заключен в Бастилию, а потом выезжал из Франции в Англию, Голландию или Швейцарию, подальше от французской полиции. Только в конце его жизнь стала спокойнее, когда он купил два поместья по обе стороны французско-швейцарской границы. От французской полиции он скрывался в Швейцарии, от преследований швейцарской полиции — в своем французском поместье.

Сочинения Вольтера имели большой успех в России, где появлялись в переводах на русский язык. Но во время французской буржуазной революции 1789 года они были запрещены Екатериной II, как «вредные и наполненные развращением». С тех пор всякий безбожник, свободомыслящий человек и «бунтовщик» назывался в России «вольтерьянцем».

Бог-то бог, да сам не будь плох!

Православная церковь в России была менее кровожадной, но давила народ и высасывала из него жизнь, как и католическая. Она всегда была беспощадной и неумолимой, как часть царевой машины, и не без помощи «святых» отцов над необъятной русской землей веками нависали нищета, произвол и холопство.

Запоротый помещиком и запуганный попом, мужик с трудом ковырял сохой постылую землю. Посадские люди, придавленные непосильными поборами, напрасно разбивали лбы в земных поклонах перед алтарями. Мелкое купечество, творя молитвы, разорялось. Именитые купцы и бояре делали богатые вклады в монастыри и в храмы, но кряхтели от непосильных поборов, а мелкопоместное дворянство худело и плакалось.

А царская казна пощады не знала. Каждый год объявлялись все новые пошлины и поборы — дорожные, мостовые, подушные, кормовые… назначались все новые дани да оброки. И все должен был платить помещик, а он с мужика больше одной шкуры не мог содрать. Уже по-волчьи стал скалить зубы крестьянин. Бог никому не помогал, и от тягот жизни бежал народ в леса, в степи, на Дон.

А оттуда ни грамотой, ни силой, ни страхом божьим никого не добудешь. И жили бояре да дворяне по-медвежьи, за крепкими воротами и высоким тыном.

Только царской власти служили «святые» отцы, они приносили присягу на верность, доносили обо всем крамольном, что узнавали на исповеди, внушали, что царская власть от бога, служили торжественные молебны о здравии царя в «царские» дни и проповедовали, ссылаясь на «священное писание», что рабство народное и нужда установлены богом и поэтому их надо терпеть и покоряться.

А царь за неподчинение церкви наказывал вплоть до смертной казни. Он был главой государства, патриарх — главой церкви, и в Кремле царские и патриаршие палаты помещались рядом. Царь был помазанником божьим, патриарх — наместником бога на земле. Но на самом деле все митрополиты (и с XVI века патриархи) получали свои пастырские жезлы из рук царя, и волей царя смещались все не угодные ему духовные пастыри. Поэтому духовенство беспрекословно подчинялось царской воле.

Иван IV (Грозный) говорил митрополиту Филиппу Колычеву, осмелившемуся заступаться за опальных и просить помилования осужденных на смертную казнь:

— Одно только говорю тебе, отче святой: молчи! Не

прекословь державе нашей… или сан свой остави!

В конце концов по приказу царя Малюта Скуратов задушил непокорного митрополита в келье монастыря. Зато следующие за ним митрополиты уже совсем не возражали царю и были прозваны «молчальниками».

При царе Алексее Михайловиче началась распря между патриархом Никоном и царем. Гордый и властный патриарх окружил себя почетом, присвоил себе различные титулы и проповедовал, что «не священство от царства приемлется, но от священства на царство помазуются», то есть что власть патриарха выше царской.

Никон внедрял в России взгляды римских пап, что глава церкви и царь на земле подобны Солнцу и Луне на небе. Патриарх — это Солнце, а государь, как Луна, светит только его отраженным светом. Властолюбивый, жадный и тщеславный Никон владел двадцатью пятью тысячами крепостных дворов, с крестьян драл три шкуры и народ его ненавидел.

Кончилось тем, что и царь невзлюбил Никона и дело дошло до суда. Был созван церковный собор. Духовные отцы не могли оправдать Никона, — они боялись царской опалы да и не хотели заступаться за патриарха, которого не любили за высокомерие. Никон был осужден и лишен патриаршества.

Петр I, чтобы раз и навсегда предотвратить такие столкновения, упразднил патриаршество и создал святейший синод — высшее церковное руководство. Синод состоял из 10 человек, и все они назначались и смещались царем. Члены синода обязывались быть послушными царю и царице «и доносить обо всем, что в ущерб его величества интересов». Чтобы следить за действиями синода, был назначен обер-прокурор — «око государя». Он и стал фактическим хозяином церковных дел. Часть огромных доходов духовенства стала поступать в казну, архиереям назначили жалованье, монахам ограничили содержание; часть монастырей Петр I закрыл. С презрением он называл монашество «гангреной», а монахов «тунеядцами». Сурово карались Петром I изготовления всяких «чудес», вроде плачущих икон, «мощей» и «святых реликвий».

Однажды из Иерусалима монахи привезли в дар царице Екатерине Алексеевне будто бы сорочку божьей матери, которая не горела в огне. Петр приказал ее исследовать, и оказалось, что сорочка соткана из асбестовых волокон. Затем появились мощи какой-то «святой» из Лифляндии. Один из современников писал, что кожа этих мощей была подобна натянутой свиной коже. Были и другие поддельные мощи, из слоновой кости, которые Петр велел поместить в основанной им Кунсткамере. Потом в одной

бедной церкви в Петербурге объявилась икона божьей матери, которая плакала настоящими слезами, предрекая великие бедствия и разорение новому городу, Санкт-Петербургу. Услышав об этом, Петр поехал в ту церковь, осмотрел икону и обнаружил наглый обман. Он снял серебряную, усыпанную драгоценными камнями ризу, потом отвинтил винтики, прикреплявшие к задней стороне иконы новую липовую дощечку. В середине этой дощечки была вставлена еще другая, меньшая дощечка. Она свободно ходила на пружинке и вдавливалась при самом легком нажиме. Сняв дощечки, царь обнаружил две лунки, или ямки, выдолбленные в дереве против глаз божьей матери. Маленькие губочки, напитанные водой, клались в эти лунки, и вода просачивалась сквозь едва заметные, просверленные в глазах дырочки, образуя капли. Петр надавил дощечку, и слезы потекли по щекам богоматери. Икона была отправлена в Кунсткамеру, а хитрых попов отправили на каторгу в Сибирь, предварительно вырвав им языки и ноздри. Так поступал Петр I и с другими священниками, которые обманывали народ.

Но все эти меры и реформы не затрагивали церкви как организации. Петр I сохранил за ней всю силу ее духовного воздействия, потому что не мог отказаться, как правитель, от услуг религии, чтобы держать в повиновении народ. Тесная связь между церковью и государством существовала с первых дней возникновения христианства в России на протяжении всей истории и еще более была укреплена Петром I. Церковь стала совершенно покорной светской власти. Духовенство боялось царя, трепетало перед ним и служило ему так же усердно, как и «царю небесному», хотя сам Петр не отличался набожностью и даже часто глумился над христианством, устраивая во время пиров пародии на религиозные церемонии.

Народ отлично понимал, что «бог далеко», а духовные отцы — царские слуги, и поэтому помощи от них ждать не приходится. Это трезвое отношение к религии и «отцам церкви» отразилось в пословицах и старинных русских былинах.

Когда русский богатырь Илья Муромец поссорился с киевским князем Владимиром, он обратил свой гнев против церкви, которая всегда поддерживала князя и была ему нужна:

«Он начал по Киеву похаживать.
На божьи церкви постреливать,
А с церквей-то он кресты повыломал,
Золоты он маковки повыстрелял,
С колоколов-то он языки повыдергал!»

Свое ироническое отношение к божьей помощи и к «святым отцам» народ выразил в пословицах:

«На бога надейся, а сам не плошай»
«Бог-то бог, да сам не будь плох!»
«И молебны петы, да пользы нету!»
«Молился, молился, а все гол, как родился!»
«Не кропилом маши, а землю паши!»
«Где люди завыли, попы тут как тут были»
«Богу слава, а попу — каравай и сало»
«Поп любит блин, да чтоб не один»
«У попов глаза завидущие, руки загребущие».
«Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги давай!»
«Мужик с сошкой, а поп с ложкой».
«Бога молить — лбом пол колотить».
«У бога для барина — телятина жарена, для мужика — хлеба краюха, да — в ухо!.»

«В огне спасешься!..»

Многие фанатики ненавидели царя-новатора, боролись с его реформами и считали антихристом. Особенно трудно было с раскольниками, или старообрядцами. По их мнению, принятое Древней Русью христианство и его культ должны были оставаться вечно неизменными. Однако в течение сотен лет произошли перемены: при переписке богослужебных книг малограмотные монахи делали ошибки. В книги вкралось много искажений, и часто их текст делался совершенно бессмысленным. Когда началось книгопечатанье, те же ошибки перешли и в печатные издания. Изменились поэтому и некоторые обряды. Когда приезжали греческие священники, они этому удивлялись. Особенно же им не нравился способ креститься двумя пальцами вместо трех, как было принято на всем православном Востоке.

За дело взялся патриарх Никон и стал очень круто проводить церковную реформу. Он снова ввел греческое троеперстие, изъял из употребления все иконы невизантийского письма. Приказал привезти из Греции церковные богослужебные книги и по ним исправить русские. Попы, знавшие наизусть многие тексты, не узнавали их в заново отпечатанных книгах. Начались протесты, реформу порицали, Никона прозвали «иконоборцем» и «вторым папой». Но Никон послал в ссылку своих самых ярых противников и продолжал свое дело. А ревнители старой веры не угомонились в ссылке и продолжали громить «никониан».

После низложения Никона многие ссыльные попы вернулись в Москву. К ним примкнула сельская и посадская беднота, протестуя, главным образом, против гнета и бесправия. Налоги и повинности беспрерывно росли. Постоянные войны, да еще чума, которая пронеслась по всей стране, довели народ до отчаянья, и с середины XVII века и до его конца одно восстание шло за другим.

Своеобразным видом борьбы за свободу и равенство служило и движение за старую веру. Это был протест народа против церкви как защитницы существующего строя, как прислужницы царя, бояр и помещиков.

На Соборе в 1666 году был низложен Никон, но его церковная реформа была признана правой и раскольники были преданы церковному проклятию—«анафеме». Всех, кто сопротивлялся церкви по делам веры, отлучали от церкви и привлекали к суду. Раскольники оказались вне закона, их хватали, пытали, стараясь вынудить раскаянье, и несдающихся сжигали на кострах. Но раскольники не покорялись и смотрели на свои страданья как на подвижничество. В некоторых местах вспыхнули восстания.

В Соловецком монастыре монахи, среди которых были ссыльные и разные опальные, укрывшись за крепостными монастырскими стенами, отказались перейти на новое, никоновское богослужение. После многих попыток заставить соловецких монахов подчиниться в монастырь были посланы царские войска. Тогда в дело вмешались бежавшие на север участники только что разгромленного восстания Степана Разина. Они оказали войскам вооруженное сопротивление и своим вмешательством придали этому вначале чисто религиозному движению политический характер.

Восемь лет длилась осада монастыря… Стены были высокие, каменные. Продовольствием осажденных снабжали поморы.

Когда начались повальные гонения, раскольники целыми семьями и селениями бежали в леса Чернораменские и Керженские, в степные просторы Поволжья, на Урал, в Сибирь и на Кубань.

Раскольники были убеждены, что в лице царя на землю сошел антихрист и что «спасутся лишь претерпевшие до конца». Протопоп Аввакум, ярый раскольник, призывал «принимать огненное крещение», то есть сжигать себя живьем, но не сдаваться.

От тяжелой жизни, от неправедных судей, от поборов и налогов, кроме раскольников, уходило много народу в дремучую глушь на восток и к северным рекам, чтобы не кормить больше своим горбом помещиков, воевод, дьяков и старост, бояр и дворян, попов и монахов, сосущих кровь народную без всякой жалости. Строили избы из вековых сосен, кормились от реки и от леса.

А когда случалось, что и до дремучей глуши добирались слуги царские, посланные искать непокорных и беглых, тогда покидали свои уже вновь обжитые избы мужики, бабы и дети, собирались во дворе у старца и, чтобы не даться в руки слуг антихристовых, чтобы снова не попасться в кабалу, сжигали себя в избе или в церкви с пением псалмов, с плачем и криками.

Писатель А. Н. Толстой в книге «Петр I» описал раскольничьего старца Нектария, который сжег в Палеостровском монастыре две с половиной тысячи людей. Они натащили в монастырскую церковь соломы, смолы, селитры и в ночь под рождество подожглись. Нектарий сумел уйти с несколькими мужиками и года через три в Пудожском погосте сжег еще полторы тысячи людей. А потом около Вол-озера в лесах опять в огне погибли люди, и все это было делом рук Нектария, к которому бежали московские, новгородские, вологодские, тверские оброчные, пашенные и кабальные. И всех этих людей

Нектарий обрекал на смерть в огне, оправдываясь тем, что зачем им зря грешить, не лучше ли прямым путем попадать в рай?

Эта смерть, хоть и бесстрашная, была лишена величия подвига, потому что выражала лишь слабый протест против существующих тягот жизни и вызывалась фанатической верой в награду на «том свете». В 1682 году был публично сожжен на костре протопоп Аввакум. Но раскольники еще долго продолжали свою бессмысленную и упрямую борьбу. Так погибло добровольно около 20 тысяч человек «бескровной» смертью во имя счастья в раю.

Раскольники принимали участие в восстаниях крестьян под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева. При последнем восстании, которое было самым крупным выступлением крестьян в истории России, царское правительство было так напугано, что духовенству было приказано усилить верноподданническую пропаганду среди населения. После казни Пугачева церковь в угоду властям предала его анафеме.

Стоглавая гидра

За ревностную службу царям, за доносы и наушничество нередко духовные отцы получали награды и ордена. Бывали случаи, что «святые отцы» настолько пресмыкались перед самодержавием, что приказывали на иконах в церквах писать портреты царей. Например, когда при Екатерине II делалась роспись вновь построенного собора в Могилеве, на иконе божьей матери была изображена царица, а вместо архангела Гавриила — ее любимец князь Потемкин. Православные отцы церкви, как и католические, запятнали себя самыми отвратительными преступлениями. И каждый раз, когда народ поднимался на борьбу с угнетением, церковь была на стороне сильных, то есть тех, кто ей больше платил.

В исступленной ненависти к прогрессу духовенство всех стран готово было испепелить, усеять трупами, предать огню всех, кто восставал против рабовладельческого, крепостнического, феодального и капиталистического строя.

Русское духовенство никогда не жалело и не защищало крепостных. Наоборот, оно внушало, что крепостное право от бога! Ведь это было выгодно и церкви, хотя бы потому, что сотни тысяч крестьян были крепостными монастырей и духовенства.

Тяжелым беспросветным рабством давило крепостничество на русскую землю. Крестьяне не только были обязаны работать на помещиков, на церковь и на царское правительство, они были рабами своего господина и телом и душой. В то время богатство человека измерялось числом душ, которыми он владел. «Души» означали крепостных мужчин, а женщины и дети в счет не шли. Богатым человеком считался помещик, владевший несколькими сотнями, а то и тысячами душ. Господин имел право наказывать плетью и даже убивать своих крестьян. Он мог обменивать их, как вещи, проигрывать в карты и продавать, причем разлучал жену с мужем, мать с детьми, жениха с невестой. Продавали и обменивали людей наравне с домашним скотом и вещами.

В газетах конца XVIII века ежедневно печатались объявления о продаже имущества:

> «1. Продается деревянный дом с садом… Тут же в доме можно купить кучера и голландскую корову.
>
> 2. За 180 рублей продается девка двадцати лет, которая чистит белье и отчасти готовит кушанье. О ней, как и продаже подержанной кареты и нового седла, спросить на почтовом дворе…

3. За излишеством продается пожилых лет прачка за 250 рублей.

4. Продается хороший лакей 57 лет, башмачник с женой, она шьет в тамбур и золотом, с сыном пяти лет, с грудной дочерью, которые поведения хорошего…

5. Продается каменный дом с мебелями, также пожилых лет мужчина и женщина, и холмогорская корова с теленком..

6. В Литейной части против Сергия продаются в церковном доме два человека — повар и кучер, годные в рекруты, да попугай».

Последнее объявление было помещено кем-то из духовных отцов, служащих в Сергиевском соборе и проживающих в церковном доме.

Жестокое, бесчеловечное отношение к своим крепостным было настолько в обычае, что никого не возмущало. Только передовые просветители России, как и во Франции, во второй половине XVIII века единым фронтом нападали на общего врага: на крепостничество, феодализм и религию.

В России против притязаний церкви и религии на науку выступал Ломоносов, доказывавший, что мир никем не создан, что он существовал и будет существовать вечно и развивается по своим законам. Ломоносов требовал от ученых выйти ив подчинения религии, потому что религия и наука несовместимы. Он боролся с духовенством как с душителями науки всеми доступными ему средствами. В своих произведениях он восставал против суеверий, религиозных обрядов и обычаев, против религиозных праздников.

Родоначальником революционных мыслей в России был продолжатель ломоносовских традиций — Александр Николаевич Радищев.

Всю свою жизнь он был защитником угнетенного крестьянства, и его взгляды складывались под влиянием борьбы народа против власти помещиков. Он протестовал против всякого порабощения и неравенства, боролся против религии, выступал против суеверий и религиозных предрассудков. Он отрицал бессмертие души и писал, что когда прерывается жизнь человека, то одновременно с телом умирает и дух. Радищев считал всякую религию и церковь защитницами самодержавия и крепостного права и называл церковь «стоглавой гидрой» с полными челюстями отравы и льстивой улыбкой на устах; он говорил, что церковь всюду сеет невежество и предрассудки, приучает человека к рабской покорности и призывает всех к слепой вере:

«..Призраки, тьму повсюду сеет, Обманывать и льстить умеет И слепо верить всем велит».

Изучив историю человечества, Радищев пришел к заключению, что религия и церковь заодно с царским правительством тиранит и эксплуатирует порабощенный народ, является врагом прогресса, науки и просвещения. Он писал, что священнослужители всегда были изобретателями оков, которыми отягчали в разные времена человеческий разум: они подстригали крылья разуму, чтобы преградить человеку путь к величию и свободе.

Радищев верил в народные творческие силы и в своем знаменитом сочинении «Путешествие из Петербурга в Москву» страстно призывал к борьбе, к насильственному свержению самодержавия, к организации демократической республики. Эту книгу Радищев отпечатал в собственной маленькой типографии, которую специально для этого создал. Издать книгу с призывом к борьбе за свободу было целью его жизни.

Уже целый месяц С волнением читали эту книгу в Петербурге, о ней много толковали; все сходились на том, что книга «предерзкая и возмутительная», но никто не знал, кто же ее автор. Наконец книга попала во дворец и дошла до императрицы Екатерины II. С первых же слов книга была оскорбительна: «Зимой ли я ехал, или летом, для вас, я думаю, все равно…» Этим автор пояснял, что во все времена года в стране творятся одинаковые насилия и позорный торг миллионами людей — крепостными. Властно заставлял Радищев читателя ехать за собой и показывал ему вопиющее зрелище правды: голод, нищету, разорение русской земли. Он показал настолько полный и потрясающий душу произвол одних людей над другими, что конец своим страданьям угнетенные могли найти только в смерти.

Но Радищеву мало было дать просто картину жестокой жизни. Силой своего слова он хотел заставить читателя быть заодно с крестьянами в их правом суде. Он хотел оправдать расправу крестьян над помещиками-извергами. Он писал: «Страшись, помещик жестокосердный, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение!»

Пламенный гнев и жестокая скорбь, безудержная, безрасчетная искренность автора были так стремительны, что нельзя было не подчиниться, не разделить его вдохновенья, говорившего о том, что общее благо выше личного, что служение общей пользе обязательно каждому, кто называет себя человеком. Нельзя быть счастливым, когда кругом рабы!

Эта книга карала крепостников, как ода «Вольность»,

написанная им раньше, карала царей. Приговор тем и другим был беспощаден. Самым страшным для Екатерины II было пророчество грядущей революции, второй «пугачевщины», которую только что с трудом удалось подавить. И Екатерина распорядилась, чтобы полиция немедля дозналась, кто автор этой злонамеренной книги, и книгу приказала сжечь.

Вскоре Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Императрица сказала судьям, что Радищев поступил «вопреки своей должности и присяге». Нарушение же присяги каралось смертью. Так царицей был подсказан приговор, и Радищева присудили к смертной казни отсечением головы. Приговор был заслушан в сенате и в государственном совете, а через несколько дней последовал именной указ Екатерины II сенату: «Ввиду мира со Швецией заменить казнь Радищеву десятилетней ссылкой в Илимский острог».

Радищева заковали в кандалы, надели на него нагольную шубу и под крепкой стражей отправили за тысячи верст в Восточную Сибирь. Он ехал спокойно. Дело его жизни было сделано, книга написана и вышла в свет, и сколько бы ее ни преследовали, ни уничтожали, потомство о ней все равно узнает и оценит. Радищев это чувствовал и предвидел, когда писал: «Потомство отомстит за меня!»

Пока его везли, люди глазели на него и удивлялись, что преступник обличием барин, а в кандалах, как убийца: «За что же его? Кто он?» И под мерную качку возка Радищев написал ответ в стихах:

«Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду? Я тот же, что и был и буду весь свой век: Не скот, не дерево, не раб, но человек!.»

Атеистические сочинения в России и в Западной Европе, разоблачая религию как врага разума, культуры и просвещения, быстро распространяли вольнодумство и расшатывали церковь, нанося ей сокрушительные удары.

Но Екатерине II в сочинениях Радищева было страшнее осуждение царей и помещиков, тем более, что во Франции как раз в это время началась великая французская революция 1789 года.

Свобода, равенство, братство

Когда народы разных стран Западной Европы в средние века и в эпоху Возрождения восставали против феодализма и церкви, человеческая мысль была еще настолько подавлена церковью, что всякий протест против бесправия и нищеты мог выражаться только в религиозных формах. Даже учение Мюнцера, проповедующее коммунизм, каким он мог быть в XVI веке, и явно носившее революционный характер, не порывало с религией.

Только революция 1789 года во Франции была первым революционным движением, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды.

Эта революция стремилась создать общее, неразделимое никакими границами отечество, общую духовную родину для всех людей. Она призывала все народы к свободе, которую стремилась завоевать для Франции. Демократы принялись за проповедь и пропаганду с таким же пылом, как проповедники нового вероучения, которое стремится стать всемирной религией. Они не признавали ни богослужений, ни загробного существования и стремились к счастью для всех людей только здесь, на земле.

Глубокие порывы человеческого сердца столкнули эту новую веру в свободу и в равенство, веру, полную юношеских устремлений и пыла, с закоснелой и устаревшей христианской религией. Революция отвергла церковь, которая делит всех людей на достойных и недостойных, защищает сильных и преследует слабых. Революция обвинила церковь в несправедливости, требовала равноправия и полного равенства между всеми перед людьми, не только перед богом.

Эта революция должна была вспыхнуть Именно во Франции. Ни в каком другом европейском государстве монархия не потерпела такого полного крушения, как в этой стране. И нигде, как во Франции, не питали такой глубокой и горячей ненависти к абсолютной власти короля и к феодальным порядкам. В народе кипело негодование против королевского произвола и наглого своеволия высших сословий, которые не переставали глумиться над ним, несмотря на свое политическое бессилие. Одни ненавидели угнетателей, другие приходили в отчаянье, третьи впадали в полное равнодушие ко всему окружающему. Народ еще кое-как терпел, но Франция от бесчисленных ран уже истекала кровью.

Русский царь Петр I, посетивший Версаль в 1717 году, говорил, что безумная расточительность высших сословий приведет к гибели прекрасную Францию. Монтескье не стесняясь

писал, что существующее положение невыносимо и что старый режим должен рухнуть. Жан Жак Руссо обращался с призывом: «Проснитесь! Ваша воля есть закон, будьте царями вместо рабов!» А король Людовик XV отделывался остротой: «На мой век хватит, я старик, а мой внук пусть побережется!» К несчастью для Франции, этим внуком был Людовик XVI, который умел любить, прощать, страдать, умирать, но не управлять.

В 1789 году, в первый год революции, был утвержден законопроект, признающий «право нации распоряжаться имуществом церкви». Духовенство оказало сопротивление. В одних местах священники отказывались освящать трехцветные знамена революции, называя их флагами мятежа, в других — не зачитывали с амвона декреты Учредительного собрания, в третьих — припрятывали зерно, чтобы вызвать искусственный голод в стране.

В Учредительном собрании «отцы церкви» заодно с аристократами сопротивлялись принятию «Декларации прав человека и гражданина», потому что она провозглашала равенство и свободу личности. А лозунг революции «свобода, равенство и братство», как несовместимый с духом религии, предавался анафеме. Многие епископы призывали верующих к неповиновению властям, революцию объявляли ниспровержением порядка, конституцию — посягательством на веру и порядок, религиозную терпимость — безбожием, свободу — мятежом.

Чтобы сорвать декрет о национализации церковного имущества, духовенство стало присваивать ценные бумаги, серебро и золото, продавать мебель, вырубать леса. После закрытия монастырей расхищение достигло таких размеров, что над Фландрией, например, нависла угроза остаться совсем без леса.

Церковники стали запугивать народ «божьей карой», а в августе 1789 года сфабриковали письмо Иисуса Христа, в котором было сказано: бог поразит бесплодием поля тех, кто откажется по-прежнему платить церковную десятину. Страна была наводнена разными посланиями с уговорами и угрозами, чтобы никто не смел приобретать церковного имущества. Верующих предупреждали о нищете, несчастьях и бедствиях, грозящих каждому, кто ослушается и завладеет имуществом церкви. В некоторых провинциях «духовные отцы» за это угрожали не чем иным, как скорым «светопреставлением», то есть концом мира. Печатно и устно священнослужители доказывали, что такое ограбление духовенства является «кражей у нищих».

Затем Учредительное собрание издало декрет о гражданском устройстве духовенства и о том, что «святые отцы» должны

присягнуть конституции. Тогда высшее духовенство, опасаясь, что часть священников присягнет, стало пугать сельских кюре нашествием миллионов дьяволов, будто бы вырывающих христианские души и сердца из тел отступников.

Печатались отрывки из подложной присяги, составленной «отцами церкви», в которой полностью отрицалась законность реформ. Священников призывали лучше умереть от голода, от нужды и нищеты, чем подчиняться революционной власти и присягать. В случае смещенья с должности рекомендовалось уходить в подполье.

Очень немногие из духовенства принесли присягу, и это явное сопротивление возмутило демократические круги. Одновременно высшее духовенство предложило присягнувшим священникам отказаться от присяги. Им предлагалось два выхода на выбор: либо взять обратно безрассудную и преступную присягу, либо погрузиться в раскол, отделиться от церкви и отказаться от надежды на вечное спасение. После этого отказ от присяги в провинции принял массовый характер.

Папа Пий VI осудил все революционные декреты, касающиеся церкви, а 13 апреля 1791 года издал приказ о том, что кардиналы, архиепископы, епископы, аббаты, викарии и священники, которые дали осужденную папой и преступную присягу, должны от нее отказаться в течение 40 дней… под страхом отрешения от духовного звания и предания анафеме. Все выборы новых священников объявлялись незаконными.

После этого во Франции говорили, что католическая церковь нужна папе, но папа католической церкви не нужен.

Дипломатические отношения Франции с Ватиканом были прерваны. Папа стал всеми способами поддерживать в духовенстве контрреволюционное настроения, и духовенство стало одной из главных сил сопротивления революции. Образовался центр, откуда низшее духовенство получало указания; центр был связан с дворянскими депутатами Учредительного собрания, сносился с королем и с папой. Вокруг церкви группировались все недовольные революцией. Присягнувших конституции священников часто преследовали, избивали, оскорбляли, угрожали расправой. Духовенство дошло до того, что стало призывать к восстановлению самодержавия и внушало народу, что с сотворения вселенной короли и монархи всегда были владыками мира и что люди не могут быть равны на земле, так как и на небе нет равенства между святыми. Кроме того, духовенство спекулировало на суеверии деревенского населения.

В революционных газетах писали: «Надо повесить всех

бывших епископов, архиепископов и всю черную банду, которая не признает трехцветного флага!» Появились настоящие атеистические памфлеты. Например, памфлет под названием «Катехизис кюре Мелье»:

«**Вопрос**: что такое бог?

Ответ: бог — это все то, чего хотят священники.

Вопрос: почему же говорят, что он дух?

Ответ: чтобы пугать всех тех, кто материален.

Вопрос: почему вечный?

Ответ: чтобы продлить власть церкви.

Вопрос: что представляют собой таинства?

Ответ: это суеверные религиозные обряды, установленные мошенниками для управления глупцами.

Вопрос: что такое месса (обедня)?

Ответ: это хлеб насущный для священников.

Вопрос: почему говорят в Священном писании о руках, ногах, кистях и ступнях бога?

Ответ: потому что человек создал бога по своему подобию! Если бы обезьяны создавали бога, они бы его сделали волосатым наподобие обезьян!»

Победить и остаться свободным

Осенью 1791 года нависла угроза войны с Пруссией и с Австрией, подписавших военное соглашение против Франции, а во Франции в это время церковь развила бурную деятельность, готовя народной французской армии враждебный тыл.

«Чудеса» в церквах участились, «плакали» статуи девы Марии во многих городах, а в Страсбурге неожиданно «заплакал» кровавыми слезами Христос на кресте. Но, когда это распятие перенесли в другую церковь, Христос плакать перестал. Возбужденные «чудесами» и подстрекаемые духовенством, суеверные крестьяне вооружились, нападали на Национальную гвардию или подписывали сочиненные священниками петиции, в которых говорилось о том, что они не признают конституции, требуют ликвидации якобинских клубов и подчинения законному королю.

20 апреля 1792 года началась война. Папа Пий VI Олагословлял этот крестовый поход против безбожной революции и писал австрийскому императору, испанскому королю, английскому королю и русской царице Екатерине II, уговаривая их выступить против Франции..

Духовенство оказывало явную помощь войскам интервентов. На юге Франции священники связались с эмигрантами и готовили мятежную армию.

Тем временем интервенты двинулись на Париж. Их главнокомандующий опубликовал манифест, в котором говорилось, что целью интервенции является прекращение анархии во Франции и желание остановить нападки на королевский трон и на религию.

Все знали, что интервенты имеют союзников в стране, — это были аристократы, духовенство и король. Поражения на фронте благодаря измене генералов и измена духовенства вызвали народное восстание десятого августа 1792 года, свергнувшее монархию. Король Людовик XVI — единомышленник эмигрантов, покровитель мятежного духовенства — был заключен в замок Гампль.

В это время самой передовой партией революции сделались якобинцы. Робеспьер, стоявший во главе их, исходя из государственных соображений, не одобрял политику, затрагивающую религиозные чувства народа, так как опасался, что это оттолкнет народ от революции. Ни сторонники Робеспьера, ни Дантон, тяготевший к буржуазии, ни разу не высказали непочтения к церкви. К тому же Робеспьер не был

атеистом. Он доказывал, что религия служит опорой нравственности и что недопустимо лишить народ священников, потому что тогда бедняки почувствуют всю тяжесть нужды и у них не будет даже надежды.

Обстановка была напряженной. Несмотря на декрет о высылке из Франции всего неприсягнувшего духовенства, большая часть его отказалась покинуть Францию и ушла в подполье. Часть скрывалась в лесах, часть, переодевшись пастухами и нищими, тайно исповедовала, причащала, крестила и хоронила верующих.

После казни короля церковь усилила свою деятельность, стремясь подорвать обороноспособность государства. Она препятствовала рекрутскому набору, возбуждала крестьян против войны, а в Вандее спровоцировала мятеж, как раз в то время, когда вся феодально-католическая Европа вторглась в пределы Франции. В Вандее вспыхнула гражданская война, которую церковь стала восхвалять как одну из самых блестящих страниц религиозной истории. Поводом к мятежу послужил набор в армию.

10 марта 1793 года в шестистах деревнях по сигналу ударили в набат. Среди вооруженных мятежников появился клич: «Да здравствует религия, король и старый режим! Смерть патриотам!» Во главе мятежников стояли аристократы, они создали Верховный совет, душой которого сделался аббат Бернье. Его целью было восстановление монархии и церковной власти. Это был жестокий фанатик, требовавший казни попавших в плен солдат республиканской армии, уничтожавший всех раненых и оставшихся на свободе республиканцев и сажавший в тюрьму их жен и детей.

Из Вандеи мятеж перекинулся в Бретань. Чтобы поддержать боевой дух среди восставших, церковь их нагло обманывала «чудесами». Чтобы доказать, что бог спасает всех восставших за веру, был инсценирован расстрел верующего, после которого он остался невредимым. Стреляли в него холостыми патронами, но это «чудо» произвело такое впечатление, что восставшие без оружия бросались в бой и были беспощадны к патриотам.

Уже более трех лет католическая церковь всеми силами сопротивлялась революции, подстрекала к мятежам, занималась предательством, а вся жизнь народа в то трудное время определялась только одним желаньем, одной мыслью — победить и остаться свободным! И все, что стояло на пути к этому, надо было устранять. Мешала церковь, духовенство стояло поперек дороги, следовательно, надо было их убрать.

Конвент установил новый календарь, который лишал церковь

авторитета; она вытеснялась из быта, а «святые» просто устранялись из жизни народа. Год делился на 12 месяцев, по 30 дней в каждом, месяц делился на 3 декады, дни декады получали названия растений и животных. Воскресный день был упразднен и введен праздник Свободы и Разума.

Культ разума и свободы. Конвент

Внутри огромного собора Парижской богоматери построили «величественный храм». На его фасаде была надпись «Философия», и у входа возвышались бюсты известных философов. В центре храма была построена искусственная скала, и на ее вершине горел факел — «светоч истины». В день праздника Свободы в храме оркестр исполнил специально сочиненный гимн на слова поэта Шенье.

Из храма народ вступил в зал заседания Конвента. Впереди шествия шли музыканты и молодые защитники отечества, певшие патриотический гимн. За ними в красных колпаках шли республиканцы. Затем — девушки в белых платьях с трехцветными лентами и венками. Они окружали женщину, олицетворяющую Разум. Она держала в руке пику и восседала на украшенном троне, который несли четверо мужчин.

При виде этого шествия в Конвенте всех охватил восторг. Трон богини Разума поставили напротив председательского кресла. Склонившись перед богиней, один из членов Конвента выступил с антихристианской речью и просил Конвент переименовать кафедральный собор в храм Разума, на что Конвент согласился. После этого пропели гимн Свободе.

Во всех церквах в Париже и в провинции отмечались такие же праздники. В Страсбурге над входом в собор была надпись: «Мрак отступает перед светом». Из собора была вынесена вся церковная утварь, внутри храма стояли статуи Природы и Свободы, по бокам которых помещались два Гения: один топтал разбитый королевский скипетр, другой держал пучок, связанный трехцветной лентой — символ союза департаментов Франции. Рядом стояло три чудовища, изображавших католического священника, протестантского пастора и еврейского раввина.

Через неделю после праздника Свободы и Разума в Конвенте была разыграна сцена «погребения религии». Несколько человек несли гроб, за которым шли «плакальщики».

В стране был запрещен колокольный звон, затем стали снимать колокола и на месте колоколов ставили статуи Свободы. Во многих городах и деревнях стали закрывать церкви. Но все эти принудительные меры не избавили народ от религиозного дурмана, и попытка ввести культ Разума не была борьбой с религией вообще, а только желанием ввести новую религию вместо существующей старой. И хотя католицизм был объявлен «ликвидированным», он в действительности продолжал существовать.

В Конвент поступали петиции из разных коммун с жалобами, что власти не спрашивали их мнения, перед тем как отменить религию, и что теперь они — коммуны — решили ее снова восстановить, потому что люди не могут отречься от того, что впитали с молоком матери, и бессмысленно хоронить католический культ: раз он живет в сердцах французов, — он все равно снова возродится.

В некоторых департаментах народ требовал открытия церквей. Рабочие жаловались, что с исчезновением христианских праздников не стало выходных дней.

Культ верховного существа. Робеспьер

Когда в Конвенте обсуждались вопросы борьбы с религией, Робеспьер молчал. Честный, стойкий и неподкупный вождь якобинцев, Робеспьер был последователем философа Руссо. Он не был атеистом и считал атеизм безнравственным, а религию необходимым элементом всякой государственной жизни. В этом Робеспьер слепо следовал взглядам Руссо, писавшего, что государству важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставила бы его любить свои обязанности.

Робеспьер относился отрицательно к антирелигиозной борьбе в стране, где большинство населения было верующими. Он не одобрял и культа Разума, но молчал.

В наступление же он перешел после получения в Комитете общественного спасения письма от одного комиссара, который писал, что приказал арестовать «отцов церкви», отмечавших церковные праздники, уничтожил кресты и распятия и собирается отправить в изгнание «тех черных зверей, которых называют священниками». Робеспьер же считал, что нельзя давать повод к нарушению свободы культов и показывать, что идет борьба против самой религии. Он порицал насильственные действия против самой религии, так как они возбуждали фанатиков против революции. Уже сотни вооруженных крестьян заявляли, что они хотят «восстановления католической церкви и чтобы не было якобинцев». В якобинском клубе Робеспьер решительно осудил антирелигиозную пропа-. ганду.

Робеспьер был прав в том отношении, что насильственная борьба с религией усилит контрреволюцию. Конвент это понял и издал манифест к народам Европы, составленный Робеспьером. В нем говорилось: «Ваши повелители обманывают вас, говоря, что французская нация преследует все религии, что мы заменили культ божества культом нескольких людей. Они рисуют нас в ваших глазах идолопоклонниками или безумцами. Это неправда. Французский народ и его представители уважают свободу всех культов и не подвергают гонению ни один из них». Робеспьер считал, что идея верховного существа и бессмертия души является постоянным напоминанием о справедливости, следовательно, эта идея носит республиканский и общественный характер. И Робеспьер стал проповедовать создание нового культа верховного существа, который был чем-то вроде очищенного христианства. На фронтонах храмов вместо надписи «Храм

разума» теперь стояли слова: «Французский народ признает существование верховного существа и бессмертие души». Новый культ был уступкой католицизму, и нелегальная церковь стала надеяться на близкое восстановление религии. В этом сказалась вся противоречивость религиозной политики того времени: поскольку атеизм был объявлен врагом республики, противопоставить ему можно было только религию, но, чтобы церковники не могли извлечь для себя выгоды из нового культа, было провозглашено, что новый культ не является религией и не нуждается в служителях.

К празднику верховного существа, который был установлен 20 мая, готовились с большой тщательностью. Оформление праздника было поручено известному художнику Давиду — якобинцу по убеждениям и ярому последователю Робеспьера. Этот праздник своими пышными церемониями должен был заменить народу католические обряды и в то же время как бы закрепить победу Робеспьера над его политическими противниками.

В день праздника Робеспьер был избран председателем Конвента, и тем самым ему отводилось первое место в празднике, которым должен был руководить Конвент.

Праздничная церемония открылась речью Робеспьера, восхвалявшей верховное существо, начертавшее «бессмертной рукой законы равенства и справедливости в человеческом сердце и тем вложившее в него смертный приговор тиранам». «Оно создало вселенную, — говорил Робеспьер, — чтобы проявить свое могущество… Оно вселяет в душе торжествующего угнетателя страх и раскаянье, а в душе невинно угнетенного — спокойствие и гордость; оно заставляет справедливого человека ненавидеть злодея, а злодея — уважать справедливого человека».

После речи Робеспьера под музыку была сожжена «гидра атеизма». Чучела, изображавшие атеизм, символы честолюбия, эгоизма и гордыни, были сожжены Робеспьером, как первосвященником, или жрецом, а на их месте появилось изображение Мудрости. Затем Робеспьер произнес вторую речь, на этот раз против атеизма, который «короли хотели утвердить во Франции». Заключительная часть речи была похожа на молитву, которую Робеспьер в роли первосвященника произносил перед творцом вселенной.

Этот пышный праздник был ошибкой Робеспьера. Его враги сочли, что Робеспьер перестал довольствоваться тем, что он глава политической власти, и стремился еще сделаться жрецом новой национальной церкви. Духовенство стало твердить, что верховное существо есть в конечном счете не что иное, как христианский

бог, и расценивало этот праздник как переходную ступень к прославлению Христа. К тому же день праздника верховного существа оказался днем троицы, и верующие шли на праздник с четками и молитвенниками в руках. Слушая речи Робеспьера, верующие молились Христу.

Не удивительно, что местами народ не видел никакой разницы между новым и старым культом божества.

После казни Робеспьера и контрреволюционного переворота 1794 года рухнул и культ верховного существа. Он не мог заменить верующим религии их отцов, и к тому же победившая буржуазия была заинтересована в укреплении католицизма среди трудящихся.

Заговор равных. Бабеф

Одним из ярых борцов за республику был Бабеф, который с первых дней революции принимал в ней горячее участие, а после смерти Робеспьера возглавил группу революционеров, разочарованных в буржуазной демократии. Они поставили перед собой задачу революционного преобразования в духе коммунизма, потому что буржуазная революция не принесла освобождения трудящимся.

Для Бабефа история человечества была борьбой между богатыми и бедными. Он сам испытал в своей жизни все невзгоды и ужасы нищеты и более чем кто-либо из выдающихся революционеров был призван отстаивать право угнетенного, обманутого народа.

С самого начала французской революции Бабеф выступал против буржуазии, стремясь больше всего помочь деревенской бедноте и рабочим. По ложному обвинению Бабефа арестовали и посадили в тюрьму. Ему удалось добиться оправдания, но выпустили его только в 1795 году, после казни Робеспьера, когда у власти была новая разбогатевшая буржуазия, равнодушная к нуждам народа.

Новое буржуазное правительство называлось Директорией. В противовес ему Бабеф создал «Тайную директорию», целью которой было свержение буржуазии и установление коммунистического строя.

Бабеф отлично понимал, что буржуазная революция только заменила одну группу насильников другой. Он считал совершенно необходимым, чтобы за этой революцией последовало восстание бедноты. Для подготовки восстания Бабеф организовал со своими друзьями клуб «Пантеон» и строго законспирированную организацию «Заговор во имя равенства», или «Заговор равных», которая имела своих агентов среди рабочих и солдат.

Кроме того, Бабеф начал издавать газету, в которой писал, что народ по-прежнему проливает свой пот и кровь, а кучка богачей по-прежнему собирает их в золотые сосуды.

Бабувисты (последователи Бабефа), считая себя представителями всех угнетенных, предполагали сразу же после захвата власти удовлетворить потребности бедноты, чтобы этим привлечь ее на свою сторону и найти в ней опору. Они выработали «Акт восстания», в котором были указаны все мероприятия, необходимые при захвате власти: народ возьмет в свои руки казначейство, почту, магазины со съестными

припасами, которые будут вынесены на улицы для раздачи народу. Булочные будут обязаны печь хлеб для бесплатной раздачи населению, а булочникам затем будет заплачено по предъявленным счетам. Вещи, заложенные в ломбарде, немедленно возвращаются народу бесплатно; имущество эмигрантов, заговорщиков и всех врагов народа будет безотлагательно распределено между защитниками отечества и бедными, которых поселят в домах заговорщиков и снабдят мебелью.

Коммунисты до французской революции не задумывались над решением практического вопроса, где и в ком найти опору в первые же дни после захвата власти. Бабувисты же впервые задумались над этим и указали, как это разрешить. Второй не менее важной задачей, которая также требовала быстрого решения, было обезвреживание своих врагов. Надо было, не теряя времени, «железной рукой подавить всех противников». Для этого рекомендовалось отобрать их имущество и немедленно предать суду народа.

Затем бабувисты разработали план организации республики трудящихся с явным преимуществом для лиц физического труда. В эту республику войдут все желающие работать сообща на коммунистических началах и сообща пользоваться плодами совместного труда. Эта коммунистическая община, или национальная коммуна, будет расти, развиваться и постепенно поглощать всех остальных людей, превращаясь понемногу в одно национальное целое.

А те, которые не войдут в эту коммуну и сохранят частное хозяйство, будут считаться иностранцами и останутся политически бесправными. Коммуне будут переданы все национальные и отобранные у врагов революции имущества, а также имущества тех, кто захочет добровольно отдать его коммуне. Люди, не вошедшие в коммуну, должны ей платить налог продуктами своего труда. Налог будет настолько тяжел, что это должно подталкивать собственников на отказ от своего имущества и на вступление в коммуну.

Бабеф говорил, что французская революция не доведена до конца, потому что ничего не сделано для обеспеченья народного счастья и сделано все, чтобы снова заставить народ проливать пот и кровь. Он считал, что революцию надо сделать народной, но еще не понимал борьбы классов, не говорил о буржуазии и пролетариате.

Бабувизм был первым коммунистическим учением практического характера, многие положения которого перешли по наследству к научному коммунизму.

Однако тщательно подготовленный план вооруженного восстания был сорван. Провокатор, проникший в ряды бабувистов, выдал его правительству. Все руководители заговора были арестованы в 1796 году. Их посадили в железные клетки и перевезли из Парижа в город Вандом, где несколько месяцев продолжался над ними суд.

Бабефа и его друга Дартэ приговорили к смертной казни. Накануне оба приговоренных пытались заколоть себя кинжалом, который сын Бабефа передал ему при свидании, но неудачно. Их казнили в мае 1797 года.

При Наполеоне I все оставшиеся в живых бабувисты и якобинцы были отправлены в ссылку на острова Индийского океана, где вскоре погибли от тропической лихорадки. Но идеи Бабефа продолжали жить. Один из его друзей написал книгу, в которой рассказал о взглядах и движении бабувистов. Эти взгляды стали распространяться среди французских рабочих. Бабеф не выделял рабочего класса, он говорил о бедноте вообще; в его время пролетариат еще был слаб и плохо организован, потому что не было крупной механизированной промышленности. Поэтому и некому было в то время возглавить движение за коммунизм. Но, во всяком случае, Бабеф был первым, кто говорил о необходимости революции для свержения буржуазии и о необходимости диктатуры бедноты, чтобы построить коммунизм.

Перед казнью Бабеф написал своей семье: «Добрый вечер, друзья мои! Я готов к тому, чтобы погрузиться в вечную ночь… Не думайте, что я сожалею о том, что пожертвовал собой во имя самого прекрасного дела!.. Приятно, по крайней мере, умирать с такой чистой совестью, как у меня…»

То, чего не может быть

Наполеон I, отстаивавший интересы буржуазии, прекрасно понял, что правящему классу полезна религия, если она является верой всего народа, и что Франции мог служить католицизм, освященный веками. В религии Наполеон видел залог социального порядка, потому что религия переносит на небо идею равенства, а это позволяет богатым жить, не опасаясь, что бедные их истребят. Он считал, что общество не может существовать без неравенства состояния, неравенство же состояния, когда один человек умирает с голоду, а рядом с ним другой утопает в роскоши, не может жить без религии, внушающей, что такова небесная воля и что на земле подобает быть бедным и богатым, но зато в «загробном мире» блага будут распределены иначе.

Договорившись с папой Пием VII, Наполеон объявил католическую церковь государственным учреждением, духовенство стало получать жалованье от правительства, церкви была возвращена часть ее еще не распроданного имущества. Духовенство назначалось правительством, и каждый священник был обязан присягать ему на верность. Так католицизм был приспособлен к нуждам нового буржуазного общества.

После свержения Наполеона I, когда во Франции воцарились короли из рода Бурбонов, началась реакция. Многие деятели как революционных лет, так и наполеоновского периода были убиты без суда. По всей стране прокатилась волна жестокого белого террора.

По-прежнему считая, что алтари являются опорой трона, правительство как бы заключило открытый союз с церковью. Сильное возмущение вызвал «закон о святотатстве», принятый во Франции в 1825 году. Этот закон грозил наказаньями вплоть до смертной казни «с отсечением кисти правой руки» за проступки против религии и церкви. Этот закон рассматривался как попытка отбросить Францию назад к самым мрачным временам средневековья.

Правда, в заржавленных замках Бастилии не скрипели больше ключи тюремщиков, которые стремились заточить в сырых казематах передовую мысль. Правда, победившая буржуазия заключившая союз с церковью, утверждала, что теперь наступил новый общественный строй; он отвечает будто бы требованиям разума и называется веком свободы, равенства и братства. Буржуазия уверяла, что этот строй несет с собой счастье человечеству, уставшему от феодализма. На самом же деле

обещанная свобода означала только свободу частного предпринимательства, а равенство — лишь право богатеть, которым ни рабочие, ни крестьяне не могли воспользоваться. Новый строй принес с собой только разорение трудящихся и нищету.

Капитализм делал свои первые шаги. В середине XVIII века были изобретены Иваном Ползуновым в России и Джемсом Уаттом в Англии паровые машины. Они во много раз ускорили и удешевили производство, и число фабрик быстро росло. Фабричные товары стали продаваться гораздо дешевле, чем товары, изготовленные ручным трудом, и от этого пострадали ремесленники. Им пришлось плохо, и они начали борьбу с новыми формами производства, борьбу упорную, отчаянную и безуспешную. Ручная прялка не могла соперничать с машиной. Мелкие мастерские стали закрываться, и разоренные ремесленники, наравне с прогнанными с помещичьих земель крестьянами, принуждены были продавать фабрикантам свои рабочие руки. Чем больше закрывалось мастерских, чем больше выбрасывалось на улицу оставшихся без заработка людей, тем быстрее на фабриках понижалась заработная плата.

Рабочий уже не мог прокормить свою семью; тогда его жена тоже пошла работать на фабрику; вслед за женщинами появились там и дети. Женский и детский труд, как более дешевый, фабрикантам был выгоден. И они даже стали покупать детей в приютах, где воспитывались на казенный счет круглые сироты, дети нищих и бродяг., Убив ручной труд, машины оставили без заработка сотни и тысячи людей. Вырвав из рук сытный кусок хлеба, они дали людям взамен семнадцатичасовой рабочий день и жизнь впроголодь, которые подтачивали здоровье рабочих и губили их силы.

Так развивался капиталистический строй, принеся с собой жестокую нищету для рабочих и богатство для фабрикантов и купцов. Росли города с роскошными особняками в центре и со страшными, зловонными трущобами на окраинах. Появилась безработица, и нищета стала уделом трудящихся.

Отталкивающие черты капиталистического строя (промышленные кризисы, власть денег, усиливающаяся эксплуатация человека человеком) так противоречили провозглашенным во время революции принципам свободы, равенства и братства, что многие передовые люди стали задумываться над тем, почему машины стали несчастьем для трудящихся. Верно ли, что мечты утопистов XVI и начала XVIII века о равенстве людей и уничтожении частной собственности никогда не сбудутся, как не сбылись и во время французской

революции?

На эти вопросы пытались дать ответ многие мыслители. Создавались разные теории социализма. Но в те времена при еще незрелом капиталистическом производстве эти теории были также незрелыми и неизбежно носили утопический характер.

Утопистов в Европе было много, но самыми известными во Франции были Сен-Симон и Фурье, а в Англии — Роберт Оуэн.

Сен-Симон родился в 1760 году в богатой феодальной семье и получил блестящее образование. Во время революции он добровольно отказался от графского титула, всех дворянских привилегий и занялся литературной деятельностью. Наиболее значительные из его работ были написаны в последние десять лет его жизни.

Сен-Симон считал, что каждый новый строй общества есть шаг вперед по сравнению с предыдущим; таким образом, он проповедовал в своем учении бесконечный прогресс в человеческом совершенствовании. Он признавал роль классовой борьбы в развитии общества и верил, что «золотой век» человечества — в будущем. В его учении преобладала истинная любовь к людям, и он проповедовал, что люди должны относиться друг к другу как братья.

Описывая созданный им в фантазии новый общественный строй, он говорил о необходимости создания политической партии промышленников, в которую войдут все лица, связанные с производством, — и рабочие, и капиталисты. Создание этой партии должно произойти мирным путем. При новом строе не будет паразитических элементов. Руководители будут выбираться по своим способностям, и совет этих промышленников будет руководить плановым хозяйством страны. Организовать новое общество надо не насилием, а мирным путем, только силой убеждения.

Сен-Симон был уверен, что результаты такой промышленной системы будут благодетельны для беднейшего класса, который должен оставаться всегда пассивным и предоставить защиту своих интересов своим руководителям — промышленникам. Мечтал Сен-Симон и о союзе промышленников с королем, то есть о промышленной монархии, где все производство должно быть подчинено единому плану. Труд обязателен для всех, потому что праздность противоречит природе, вредна для всех и для каждого человека в отдельности. Сен-Симон мечтал о всемирной ассоциации людей, где каждому дано по его способностям и о каждой способности будут судить по ее делам. Это будет новым правом человека, которое заменит собой право завоевания и право рожденья. Человек не будет больше эксплуатировать

человека, но, вступивший в товарищество с другими людьми, будет эксплуатировать природу, отданную в их власть. Другим крупным утопистом Франции был Шарль Фурье (1772–1837), сын торговца. Всю жизнь он служил в разных торговых заведениях — приказчиком, торговым агентом, биржевым маклером, и это дало ему возможность хорошо ознакомиться со всеми мошенническими проделками, махинациями и спекуляцией торговцев. Он пришел к заключению, что современный ему буржуазный строй порочен, и стал критиковать в печати капиталистическое общество.

Фурье писал, что все классы ненавидят друг друга, но он отрицательно относился к классовой борьбе, стремился примирить интересы капиталистов с интересами трудящихся и обращался к власть имущим, чтобы они организовали фалангу, о которой он писал.

Все общество, по Фурье, должно разделяться на фаланги, по 1600–2000 человек в каждой. В фалангах все люди работают по разным специальностям. Труд должен быть разнообразным, увлекательным и легким. Фаланга разделяется на отдельные группы, по 7–9 человек в каждой. Люди работают по 2 часа в каждой группе. Если человек сперва работает в группе садовников, то потом переходит в группу лесников. Затем идет в группу на фабрику и т. д. Профессии выбирают себе по желанию и поэтому работают с удовольствием, а это повышает производительность труда и тем самым доходы всей фаланги. Исчезнет гибельная конкуренция, и люди будут с увлечением соревноваться друг с другом. Исчезнет противоположность между городом и деревней. Жить будут все в прекрасных дворцах-фаланстерах, где будут библиотеки, зимние сады, театры, клубы, столовые, мастерские. Питаться будут в общественных столовых, таким образом женщины освободятся от домашнего труда.

Фурье мечтал, что в фаланги объединится население всего земного шара и что настанет общее счастье на земле. Он считал, что как только организуется несколько пробных фаланг, так все человечество через 5–6 лет последует этому примеру.

Тридцать лет Фурье писал письма и посылал свои книги разным богачам, убеждая их дать деньги на преобразование порочного буржуазного строя и на создание счастливой жизни для всего человечества. Каждый день в ответ на свои письма он ждал прихода богачей с деньгами, но так никого и не дождался. Он писал царям и королям, ученым и банкирам. Но все было тщетно.

Оуэн. Неисправимый мечтатель

В то же время в Англии с планом организации трудовых коммун выступал фабрикант Роберт Оуэн (1771–1858). Он с юности мечтал об улучшении жизни рабочих, и когда стал владельцем крупной фабрики в Нью-Лэнарке, он прежде всего принялся подробно изучать, почему фабрика приносила такие ничтожно малые доходы.

Он быстро увидел, что рабочие воплощают в себе все пороки, не обладая ни одной добродетелью. Воровство и сбыт краденого были их промыслом. Лень и пьянство — их привычками, обман и мошенничество — их нравами, а ссоры и драки — их развлечением. Прежний хозяин старался искоренить эти пороки строгими выговорами и штрафами, но это только озлобляло рабочих. Роберт Оуэн повел дело по-другому.

Он считал, что рабочие ленивы и плохо работают, потому что работа по 16–17 часов в сутки их чрезмерно утомляла. Чтобы вовремя попасть на работу, они вставали в 4 часа утра. В 12 часов был перерыв на обед, который продолжался один час, за это время рабочий должен был попасть домой, где съедал вареный картофель и иногда кусочек мяса. Затем он снова работал на фабрике до 9—10 часов вечера. После такого дня беспрерывной работы в душных, пропитанных пылью цехах, среди оглушительного грохота машин рабочие спешили в свои сырые, грязные и неуютные жилища. Не помня себя от усталости, бросались на жалкие постели, чтобы на другой день с тупой болью в голове снова подняться в 4 часа и начать такой же тяжелый трудовой день. И так в течение всей жизни!

Рабочие ненавидели работу, потому что она отнимала у них все силы и жизнь, не оставляя ни одного свободного часа для семьи. Они ненавидели ее, потому что все доходы от их работы попадали в карман к фабрикантам, а им самим она давала только кусок хлеба и несколько картофелин на обед и на ужин.

Почему рабочие пьянствовали? Потому что их организм, ослабленный продолжительной работой, скудным питанием и спертым воздухом на фабрике, чувствовал потребность в каком-то возбуждающем средстве. Водка не только возбуждала, но и была источником веселья — ведь других развлечений у них не было. Кроме того, водка заглушала сознание горькой нужды, давала забвение тяжелой жизни и подавляла страх за завтрашний день, когда по капризу хозяина их могли выбросить на улицу.

Почему рабочие были озлоблены? Потому что они никогда не забывали, что их хозяин, ради прибыли которого они

надрывались, наслаждался сытой и красивой жизнью в своем роскошном особняке. Потому что, наскоро проглатывая свой скудный обед, они знали, что в это же время в великолепных хоромах объедается тот, кто платит им гроши за их тяжелый труд. А ранним утром, когда еще на дворе совсем темно, поднимая от сна своих малолетних детей, чтобы погнать их на фабрику, они не забывали, что в это же самое время сладко спят дети того, кто ради своих выгод пользуется их бедственным положением.

Роберт Оуэн все это отлично понял и энергично приступил к изменению жизни рабочих. Прежде всего он отменил штрафы и вычеты и повысил заработную плату. Кроме того, он построил в Нью-Лэнарке большое здание с удобными светлыми квартирами для рабочих. Каждой квартире полагался небольшой участок земли с огородом для возделыванья овощей. Около здания были устроены площадки для детских игр. За эти квартиры была назначена самая дешевая плата, которая со временем должна была окупить расходы по постройке. Эта плата была меньше той, которую рабочие платили за свои жалкие лачуги.

Затем Оуэн постарался удешевить и улучшить питание рабочих. Обыкновенно они покупали продукты у лавочников, которые брали с них втридорога. Когда же у рабочих не было денег, они отпускали товары в долг, причем всегда их обмеривали и обсчитывали. Оуэн завел собственные склады и лавки, в которых продавал товары и продукты почти по себестоимости, и открыл рабочим широкий кредит.

Первое время рабочие держались настороже, не доверяя хозяину и ожидая от него всякого подвоха, — они были уверены, что в конце концов Оуэн набавит цены и на квартиры и на продукты и будет на них наживаться еще больше лавочников. Но проходили недели и месяцы, а цены не поднимались. К удивлению рабочих, у них на руках даже стала оставаться часть заработка. Тогда рабочие поверили, что Оуэн это делал не ради собственной выгоды, а для того чтобы жизнь обходилась рабочим дешевле и чтобы у них был уютный и чистый собственный угол.

Оуэн на этом не остановился. Постепенно он сократил рабочий день с 17 часов до 10, и у рабочих появился досуг. Чтобы его заполнить, Оуэн завел читальню, библиотеку и вечерние школы для взрослых. Для холостых рабочих он открыл общую столовую. Сытый и довольный рабочий перестал пить водку, и пьянство прекратилось настолько, что кабатчики закрыли свои кабаки и покинули Нью-Лэнарк, проклиная Оуэна. Вместе с пьянством прекратились драки, буйство и воровство. Здоровая пища и хорошее помещенье благотворно отразились на здоровье рабочих. Они полюбили свой труд, от которого теперь видели

выгоду не только для хозяина, но и для себя.

С самого начала главным врагом всех начинаний Оуэна был местный пастор. Как везде и всегда, духовенство старалось вредить любому хорошему делу. Почтенному пастору деятельность нового хозяина фабрики пришлась не по вкусу. Еще бы! Ведь Оуэн не расписывал блаженства загробной жизни и не проповедовал терпения и смирения на земле. Напротив, он старался в настоящей жизни дать рабочим часть благ, которыми пользуются богатые. Пьяным, грубым людям он стремился придать «образ и подобие бо-жие», заводя школы, просвещая их темный, невежественный ум. Пастор зорко следил за каждым шагом Оуэна и особенно негодовал на него и считал вероотступником за его широкую веротерпимость.

Рабочие Нью-Лэнарка принадлежали к различным вероисповеданиям. Здесь были католики и протестанты, приверженцы англиканской церкви, евреи и даже магометане. Они строго исполняли обряды своей веры, и каждый был убежден, что только его вера приведет к спасению на том свете, что она самая правильная, а все остальные веры никуда не годятся. Поэтому приверженцы одной веры презирали и ненавидели товарищей, которые придерживались других вероисповеданий, и в Нью-Лэнарке постоянно происходили из-за разности религий ссоры, неприятности, вражда.

Сам Оуэн был совершенно равнодушен к религиозным вопросам. Он еще в юности считал, что религия не может быть благом для людей, а в зрелом возрасте говорил, что религия есть зло, потому что поселяет между людьми не взаимную любовь, а ненависть. Своим рабочим Оуэн объявил, что каждый из них может молиться и верить согласно своему убеждению, что для него, Роберта Оуэна, все религии хороши, если они учат людей любви друг к другу, а не мертвой обрядности. Поэтому «закон божий» совсем не преподавался детям в школах Нью-Лэнарка.

Такое отношение к религии возмущало служителя церкви, и он всячески восстанавливал рабочих против хозяина. В первое время его слова имели успех. Но лишь только рабочие убедились в искренности намерений Оуэна, они перестали слушать своего «духовного отца». Они поняли, что в сердце их хозяина гораздо больше любви к людям, чем под шелковой сутаной служителя церкви.

Когда новая жизнь и работа наладились в Ныо-Лэнар-ке, Роберту Оуэну оставалось только воплотить в жизнь свою мечту, чтобы его фабрика послужила примером для других. И вот горячие слова вырываются из-под его пера. Он пишет газетные статьи, пишет в журналах, обращается ко всем людям! Он пишет

письма всем сильным мира сего, выступает на собраниях:

— Не жалейте затрат на улучшение быта трудящихся классов, эти затраты создадут всеобщее благополучие, благоденствие страны, счастье всего мира!

Пылкое воображение мечтателя рисовало ему картины всеобщего счастья, которое воцарится на земле, лишь только все богатые люди проникнутся его взглядами.

В то время в Англии всех занимали успехи промышленности и все интересовались фабричным делом. Не удивительно, что публичные выступления, статьи и очерки Оуэна, хорошо известного богатого фабриканта, имели большой успех не только в Англии, но и в других государствах Европы. Всем хотелось посмотреть на эту необыкновенную фабрику, о которой писал сам хозяин и где, по его словам, благоденствовали и рабочие, и фабрикант. Сотни и тысячи любопытных устремились в Нью-Лэнарк. Бывали дни, когда для осмотра фабрики, ее школ, столовых, библиотек и других учреждений собиралось до 70 человек. Кого тут только не было! И фабриканты, и крупные землевладельцы, и члены парламента, и ученые, и духовенство, и политические деятели Англии, и множество иностранцев из Европы и Америки, посланники, принцы, князья и разные туристы. Русский великий князь Николай Павлович (будущий царь Николай I), в бытность свою в Англии, в продолжение двух дней подробно осматривал фабрику и все учреждения в Нью-Лэнарке. И Роберт Оуэн, одержимый своей идеей, даже обратился к этому будущему царю-жандарму со своими проектами устроить в России фабрики наподобие нью-лэнаркской.

Все посетители с нескрываемым изумлением смотрели на хозяина фабрики, который откровенно рассказывал о своих мечтах и первых неудачах, восторженно показывал конторские книги и хвастался все возрастающими доходами. Люди, которые знали лишь корыстные расчеты, считали его изумительно ловким человеком, умеющим прекрасно устраивать свои дела. Некоторые принимали его за неисправимого и наивного добряка, который не может переносить чужих страданий. Но что бы ни думали посетители фабрики, все они одинаково удивлялись ее устройству, благосостоянию, довольству и образованности ее рабочих.

Слава Оуэна гремела во всем свете. На фабрику сыпались многочисленные заказы. Все считали за честь иметь дело с фабрикантом, у которого бывали принцы и князья, политики и министры, ученые и члены парламента и которому король Саксонский прислал золотую медаль. Доходы фабрики росли, но Оуэн добивался не этого. Как наивный мечтатель, он думал, что

стоит только увидеть благоденствие рабочих на его фабрике, как все остальные фабриканты последуют его примеру. Но проходили года, а положение рабочих нигде не менялось и фабриканты по-прежнему выжимали из них все соки, нисколько не думая об улучшении их положения.

Между тем наступил 1816 год, особенно тяжелый для рабочего населения Англии. В этот год окончилась война, которую Англия в течение нескольких лет вела против наполеоновской Франции. Война всегда была и есть народное бедствие. Расходы государства во время войны непомерно растут, делаются займы, повышаются налоги и вводятся пошлины на предметы первой необходимости. Все это прежде всего падало своей тяжестью на бедное рабочее население. В то же время в Англии сильно поднялись цены на хлеб и на пшеницу, а заработная плата быстро понижалась. Казалось бы, войну вели только армии и полководцы, однако средства для войны черпались из труда полуголодного рабочего, и тысячи семей бедствовали из-за того, что должны были дать средства государству для ведения войны.

Внезапное прекращение войны еще больше усилило бедственное положение рабочих, потому что повело к крушению многих фирм, вырабатывавших товары для военных нужд. Таким образом, громадное число рабочих, занятых в этих фирмах, было выброшено на улицу. К ним присоединились матросы и солдаты, распущенные после заключения мира и теперь слонявшиеся без дела. Вся эта армия безработных, голодная и озлобленная, требовала к себе внимания, даже угрожала и была страшна правительству. Рабочие с яростью разрушали и портили машины, считая их виновницами безработицы; поджоги фабрик стали повсеместным явлением. Вооруженная сила, которую по требованиям фабрикантов посылало на фабрики правительство, встречалась с упорным сопротивлением голодной, возбужденной и озлобленной толпы.

Что было делать? Что предпринять? Как умиротворить эту армию безработных? Почему бедность все возрастает? Какие выработать меры для борьбы с нею?.

Эти вопросы беспокоили правительство, и для их разрешения оно создало особую комиссию. В нее вошли известные люди Англии, политические деятели, ученые и многие практические дельцы. Был приглашен и Роберт Оуэн. Это приглашение в комиссию не застало его врасплох. На первом же заседании он представил на рассмотрение свой удивительный план. Он предложил все суммы, собранные в церковных приходах в виде налога в помощь бедным, не тратить на организацию рабочих

домов и приютов, а употребить на покупку пустующих земельных участков; на этих участках приходы должны организовать для своих бедных общины, или колонии, рассчитанные каждая на 1200–1500 человек.

Оуэн представил членам комиссии чертеж с планом построек колоний. Здесь был большой жилой дом, общественная кухня и столовая, детские сады, школы, библиотека и зал для чтения, — одним словом, все, что было и на его фабрике в Нью-Лэнарке. Деньги понадобятся приходу только на покупку земли, на первое обзаведение, а затем уже доходы ферм и мастерских колонии окупят остальные расходы. Эти фермы и мастерские дадут также средства для членов колонии к безбедному существованию. «Хозяина в этой общине, или колонии, не будет! — говорил Оуэн. — Все члены колонии сообща будут владеть и фермами и мастерскими. Не будет в общине ни наемных рабочих, ни наемного труда, ибо на фермах и в мастерских изготовлять продукты будут все члены общины и затем распределять их между собой. С работой будет связано их собственное благополучие: чем усерднее члены общины будут работать, тем обильнее будет их стол, тем лучше одежда, тем богаче библиотека… В общине не будет ни господ, ни слуг, ни хозяев, ни рабочих, ни богатых, ни бедных… Здесь будут только равноправные работники, трудящиеся не ради барышей какого-нибудь отдельного лица, а ради выгод, в которых они, как участники, сами заинтересованы!»

Так говорил Роберт Оуэн, а члены комиссии, слушая его восторженную речь, с тревогой думали: «Уж не хочет ли Оуэн перевернуть весь мир?» И ими начинали овладевать смутные опасения.

Они с удивлением глядели на этого странного человека, который был крупным собственником, владел одной из богатейших фабрик Англии и в то же время говорил о каких-то общинах без хозяина и без наемных рабочих. Членам комиссии казалось, что эти новые, неслыханные речи угрожали их собственному существованию, их спокойной и сытой жизни. Им чудилось, что здесь дело уже идет о переустройстве всего государственного строя, к которому они привыкли и который давал им столько выгод… И действительно, дальнейшая деятельность Роберта Оуэна показала, что они не ошиблись.

Оуэн не переставая стал горячо рекламировать пользу организации промышленно-земледельческих колоний, писал статьи, составлял проекты, разъезжал по всем городам Англии и выступал на митингах, чтобы распространять свои взгляды. Потом ему стало мало одной Англии, и он предпринял

путешествие по Европе, посетил выдающихся людей Франции, Германии, Швейцарии, заводил знакомства с учеными, педагогами, писателями… И всех горячо призывал бороться с бедностью при помощи промышленно-земледельческих колоний. Он убеждал, что введение машин, увеличившее в 12 раз промышленную производительность Англии, настолько обесценило труд, что скоро рабочее население лишится и самого жалкого заработка, и ему предстоит голодная смерть.

Если нельзя рассчитывать на то, что фабриканты добровольно введут на своих фабриках улучшения, подобные тем, какие имеются в Нью-Лэнарке, если нет надежды, что парламент путем фабричного законодательства облегчит участь рабочих, — то пусть исчезнут эти громадные фабрики с их жестокой эксплуатацией, тяжелым подневольным трудом, пусть их заменят промышленно-земледельческие колонии, в которых не будет наемного труда, не будет утопающих в роскоши хозяев и умирающих с голоду рабочих, а все будут равноправными работниками, трудящимися для процветания своей общины! Он, как наивный мечтатель, надеялся, что монархи и правительства, к которым он обращался, помогут ему нанести удар тому промышленному строю, от которого они получали столько выгод… Но все фабриканты, землевладельцы, духовенство, все богатые и влиятельные люди с нескрываемым страхом стали внимать, речам Роберта Оуэна. Если все устремятся в колонии, то и собственникам, которые привыкли жить чужим трудом, ничего больше не останется, как тоже идти в колонии и работать наравне с бедняками. Но богатые люди решительно не хотели работать, им было выгоднее оставаться при старых порядках, и все они дружно восстали против взглядов Оуэна. Особенно ополчилось против него духовенство, которое не могло простить, что Оуэн проповедовал полную религиозную независимость и все религии и поповские бредни открыто называл источником самого глубокого и ребяческого невежества. Кроме того, Оуэн обличал служителей церкви и «святых отцов» в том, что они всегда прислуживали сильным мира и, проповедуя христианскую любовь, ничего не делали, чтобы освободить массы трудящихся из-под гнета их притеснителей.

Новая гармония

Ни у кого не встречая сочувствия, Оуэн все же решил организовать колонию, все члены которой будут равноправными работниками, будут сообща владеть землей и машинами. В 1824 году он совершенно неожиданно получил деловое письмо из Америки, где его имя было хорошо известно. Ему предлагали купить земли, принадлежащие сектантам, захотевшим переселиться в другое место.

Оуэн тотчас же отправился в Америку и купил у сектантов десять тысяч десятин земли, чрезвычайно плодородной и находящейся на берегу судоходной реки в штате Индиана. Здесь были обжитые дома со всеми удобствами, распаханные и засеянные поля, прекрасные фруктовые сады и виноградники. На призыв Оуэна откликнулись тысяча человек, желавших стать членами новой колонии. Это были люди самых разнообразных взглядов, вкусов, привычек, стремлений. Были тут и выдающиеся ученые, и педагоги, и богатые филантропы, проникнувшиеся искренней любовью к страдающему человечеству. Пришли сюда и любопытные, которых прельщала новизна дела; приплелись бедняки, не знавшие, куда преклонить голову; явились и лентяи, хотевшие прожить счастливо без труда; и пройдохи, которые рассчитывали извлечь для себя выгоды из этой новой и необычной затеи.

Свою колонию Оуэн назвал «Новая Гармония». Все члены этой общины имели право на одинаковую пищу, одежду, на одинаковое жилище и воспитание детей и все получали право на одни и те же выгоды. Но дружелюбных отношений между членами общины не образовалось. Было много обид, жалоб и ссор. Члены колонии разбились на отдельные кружки. Более воспитанные и утонченные держались в стороне, не желая сближаться с более грубыми людьми. К труду многие относились с явным презрением, работая как бы поневоле. Добровольный труд не казался для всех членов общины привлекательным.

Оуэн говорил, что нужно с крайней терпимостью относиться к людям, одержимым болезненной ленью, что те, кто уклоняются от труда, заслуживают сожаления. Однако людей, страдающих болезненной ленью, в общине было очень много. Недаром же многие шли в колонию только затем, чтобы пожить сытой, довольной жизнью без труда и без забот. Люди, искренне проникнутые взглядами Оуэна, работали, но их стал тяготить труд: не затем они шли сюда, чтобы работать на бездельников. В этой общине «совершенного равенства» жизнь ничем не

отличалась от жизни окружающего их мира; здесь, как и там, были люди трудолюбивые и лентяи, и одни работали на других. Здесь царили те же недружелюбие, вражда и зависть, как в окружающем мире. Настоящего равенства не было, и, видимо, все члены колонии тяготились этой жизнью, основанной, казалось бы, на новых, разумных началах.

Наконец несогласия и ссоры между членами колонии привели к тому, что она окончательно распалась. «Новая Гармония» погибла. И погибла потому, что для жизни, основанной на новых началах, нужны и новые люди, не зараженные привычками и предрассудками старого мира, буржуазного общества. Таких людей неоткуда было взять. Колония погибла, потому что ее члены принесли с собой из окружающего мира все дурные наклонности, соперничество и дух вражды, нетерпимость и любовь к праздности.

Привычки и характеры людей создаются годами. Их нельзя, подобно старому изношенному платью, сбросить у преддверия новой жизни, как предполагал Роберт Оуэн. И он наконец должен был признать, что опыт ему не удался.

Оуэн вернулся в Англию. Здесь его ждал холодный прием со стороны крупных фабрикантов, лордов и других богатых и влиятельных людей. Они стали бояться этого неисправимого мечтателя, который истратил почти все состояние на свои безумные затеи. Но рабочие, получившие, наконец, в Англии право объединяться в союзы, встретили его с восторгом. Они могли теперь заявлять о своих требованиях, но еще смутно понимали, в чем должны заключаться эти требования. Забитые и голодные рабочие еще не знали, каким путем идти, чтобы добиться улучшения своей тяжелой жизни. Кто мог научить их? Кто, как не Роберт Оуэн, близко знакомый с положением трудящихся, мог. указать им выход из нищеты и горя? И везде, на всех митингах и собраниях, рабочие со страстной надеждой ждали его появления и жадно ловили каждое его слово.

Оуэн выступал с большим воодушевлением перед этой тысячной толпой трудящегося народа. Он горячо и страстно убеждал воздерживаться от каких бы то ни было насилий. Он говорил, что рай на земле наступит скорее, если все рабочие направят силы на организацию колоний на началах всеобщего равенства. Главной задачей было уничтожение частной собственности. Оуэн верил, что это время скоро наступит, что будет, наконец, понято преимущество системы с общественной собственностью, которая уничтожит все несправедливости в мире. Так проповедовал Оуэн идеи социализма, не зная настоящего пути к коренному преобразованию старого мира и отвергая

всякую борьбу и насилие в надежде на мирные реформы. Он не понимал значения классовой борьбы и был далек от понимания роли политической борьбы пролетариата и организации рабочего класса.

Оуэн внушал рабочим, что они не хотят никому зла и не должны насильно отнимать что-либо у богатых, потому что богатые добровольно и с радостью сами придут к ним на помощь. Так мирно, без борьбы совершится великий переворот, замена старого мира новым и прекрасным. Так незаметно наступит царство социализма, где все будут счастливы.

Но царство социализма не наступало. Наоборот, положение рабочих становилось все тяжелее, и постепенно между Оуэном и его слушателями стала расти невидимая преграда, которую воздвигала сама жизнь, учившая совсем другому, толкая трудящихся на путь борьбы.

Как же относилась католическая церковь к идеям и планам социалистов-утопистов?

Всеми силами стремились церковники ослабить влияние утопистов на умы людей. Они не просто отвергали все планы о лучшем устройстве жизни людей и благополучии человеческого общества, а пытались совместить их с религиозным учением. С этой целью церковь прибегала к хитрым уловкам. Например, в 1886 году, более чем через 400 лет после казни Томаса Мора, этого мыслителя и автора «Утопии» Ватикан причислил к лику святых католической церкви, на том основании, что он был против реформации церкви в Англии, предложенной королем Генрихом VIII. Точно так же Роберта Оуэна, который был убежденным атеистом и мечтал об обществе, свободном от всякой религии, церковники изображали верующим человеком. Он будто бы заботился о людях и боролся с человеческими пороками, опираясь на религиозное учение.

В то же время церковники пытались ослабить значение идей утопического социализма. Они лицемерно утверждали, что во взглядах утопистов нет ничего нового по сравнению с Евангелием и книгами так называемых отцов церкви, которые будто бы также призывали и к общности имущества и к осуждению богатства, заботились о бедняках и трудящихся людях.

Для борьбы с идеями утопического (да и не только утопического) социализма церковники специально подбирали доводы, с помощью которых объявляли невозможным осуществление коммунизма и социализма на земле.

Так, например, ссылаясь на Аристотеля — великого греческого мыслителя, учение которого церковники искажали и приспособляли к своим целям, — служители церкви утверждали,

что если не будет частной собственности и все будут равны, то никто не станет работать и все захотят жить за чужой счет.

Опираясь на учение «святого» Августина Блаженного, церковь выдвигала и другой довод против равенства людей: в обществе, в котором все будут равны, где все блага будут доступны каждому человеку, невозможна будет дружба между людьми и никто не будет оказывать помощи другому. Церковники считали, что дружба между людьми построена только на какой-то заинтересованности, на выгоде, и других отношений, например бескорыстной дружбы, они себе не представляли.

Ни перед чем не останавливались «отцы церкви» в своей вражде к великой мечте человечества. Но эта мечта, несмотря ни на что, упорно продолжала жить в сердцах людей.

Пять с половиной миллионов подписей

Начиная с 1837 года среди английских рабочих возникло новое движение. В Лондоне образовался союз рабочих, который составил петицию для подачи ее в парламент. Главным требованием этой петиции было всеобщее избирательное право — чтобы каждый англичанин, достигший двадцати одного года, независимо от своего имущественного положения, имел право выбирать депутатов в парламент.

Петиция была названа Народной Хартией, и люди, которые за нее боролись, стали называться «чартистами» (по-английски хартия называлась «чартер»). Это движение, имевшее целью добиться для всего английского народа политических прав, то есть участия в законодательстве и в управлении страной, быстро росло. Иметь право выбирать депутатов в парламент было лишь средством к достижению справедливого общественного порядка, лишь средством к улучшению жизни рабочих. Для многих из них Хартия была вопросом «ножа и вилки», надеждой на получение очага с топливом, хлеба с маслом и десятичасового рабочего дня.

Во всех городах стали возникать союзы чартистов. Они устраивали собрания и митинги. Их вожди произносили зажигательные речи, которые увлекали слушателей. И рабочим становилось все яснее, что для них первой и главной задачей является получение политических прав.

«Прежде всего избирательные права, права издавать законы! А с этим правом мы добьемся всего, что нам нужно!»— говорили чартисты.

Два раза парламент отклонял петицию под разными предлогами. Движение стало принимать страстный, боевой характер.

Чтобы попасть на митинги чартистов, рабочие нередко бросали работу на фабрике. С женами и детьми приходили они за несколько километров, чтобы послушать их пламенные речи. Число участников митинга иногда достигало двухсот тысяч человек.

Как не похожи были эти митинги на собрания, созываемые Оуэном! По большей части они устраивались ночью при свете факелов. Речи чартистов дышали враждой и ненавистью к угнетателям и призывали всех трудящихся к борьбе. На собраниях же Оуэна царил дух мира и любви, слышались призывы к единению и к мирному разрешению всех назревших вопросов.

Чартистское движение росло. Это была первая в мире рабочая партия, и господствующие классы трепетали перед ее грозной силой и делали все, чтобы заставить замолчать смелых защитников рабочих прав. Правительство объявляло «мятежные собрания» чартистов незаконными, посылало против них вооруженную силу, сажало в тюрьмы их вождей.

Но все было напрасно. Наиболее революционно настроенные чартисты продолжали стоять за раздел земли на мелкие участки и за принудительное изъятие ее у помещиков. Вся земля должна стать собственностью государства. Кое-кто из чартистов призывал к всеобщему восстанию для установления более справедливого общественного порядка. К 4 апреля 1848 года под петицией было собрано пять с половиной миллионов подписей. Листы бумаги, на которых стояли подписи, весили свыше 250 килограммов. Эту петицию погрузили на повозку, в которую запрягли пару лошадей, и повезли к парламенту при участии большого количества народа. Но в комиссии по проверке подписей заявили, что многие подписи фиктивные, и петицию снова отклонили. После этого 500 человек руководителей борьбы за Хартию было арестовано.

Так сама жизнь все настойчивее указывала рабочим, что им меньше всего можно рассчитывать на добрые чувства и благие пожелания господствующих классов. Однако правительство напрасно торжествовало: у рабочих нашлись новые вожди, которые вдохнули в пролетариат свежие силы для борьбы за свои права. В 1847 году вышел в свет «Манифест коммунистической партии», где Карл Маркс и Фридрих Энгельс говорили о борьбе классов и указывали рабочим те пути, которые приведут их к завоеванию политических прав. Рабочие пошли за новыми вождями.

… В 1848 году по странам Западной Европы пронеслась грозная революционная буря.

Призрак бродит по Европе. Маркс и Энгельс

— Читайте экстренное сообщение! Новая Рейнская газета! Революция в опасности! Экстренное сообщение! — выкрикивали газетчики, бегая по улицам старинного германского города Кёльна.

Эти выкрики врывались в открытые окна квартир, в магазины и доносились в редакцию «Новой Рейнской газеты» — первого печатного органа немецких коммунистов.

Это был 1848 год — самый бурный год XIX века в Западной Европе. Революционные выступления рабочих охватили почти все европейские страны. Центр революционного движения был во Франции, в Париже, в этом городе революций, баррикад и «Марсельезы»! На этот раз решающую роль в революционном восстании играли рабочие, и они составляли основную массу бойцов на баррикадах,

Король Луи Филипп, «король банкиров», как его прозвали в народе, не понимал того, что происходит. Он был настолько уверен в себе, что на его приближенных это производило впечатление, будто у короля помрачен рассудок.

Но вот загремели пушки. Два дня сражались королевские войска с рабочими на баррикадах, и наконец король был свергнут.

Королю пришлось бежать за границу, но власть осталась в руках буржуазии, и через четыре месяца рабочие снова стали возводить баррикады. Восставшие расклеивали прокламации: «Дело, которое мы защищаем, — это дело всего мира! Если Париж будет закован в цепи, то будет порабощена вся Европа!» Но трудящиеся Парижа еще не имели своей политической партии, и видные революционные деятели находились в тюрьме. Поэтому после упорных и жарких боев баррикады были снова разрушены, и июньское восстание, как и февральское, было жестоко подавлено.

В это время Карл Маркс был редактором «Новой Рейнской газеты» в Кёльне. Его ближайшим помощником был Фридрих Энгельс. В газетных статьях, на митингах — всюду они призывали рабочих к революционной борьбе. Маркс бесстрашно призывал к сопротивлению королевской власти, и рабочие требовали свержения короля. Войска были готовы открыть огонь по рабочим. Маркса и' Энгельса — редакторов «Новой Рейнской газеты» — ненавидели все чиновники, гражданские и военные.

Маркс получал угрожающие анонимные письма, в дом к нему врывались с угрозами офицеры королевских полков.

Когда Маркс узнал, что подписан приказ об аресте Энгельса, он заставил его скрываться, как и других своих сотрудников, и продолжал работу один. От первой до последней строки он один составлял весь номер газеты, чтобы газета могла выходить, пока скрывающиеся товарищи не найдут способа пересылать ему свои материалы.

Это не было пассивной обороной. Маркс нападал, он призывал народ не выплачивать налогов правительству, он провозглашал «революционный терроризм». Большинство акционеров отказалось содержать «мятежную» газету, и тогда Маркс принял на себя всю ответственность, принял на себя все долги и расходы по содержанию редакции, типографии и изданию «Новой Рейнской». Для этого он отдал не только все свои личные средства, но и большую часть средств своей жены.

В феврале 1849 года возвратился из Швейцарии Энгельс, и они вдвоем с Марксом стали призывать народ к боевой готовности. Им угрожали, их запугивали, часто вызывали к судебному следователю, но в редакции газеты имелось 8 ружей и запас патронов, — простым налетом полиция не могла их взять, и вся Германия продолжала удивляться дерзости этой газеты.

В мае революция в Германии была подавлена, и газете оставался один день жизни. Уже был подписан приказ о высылке Маркса и об аресте Энгельса, но газета вышла в свет. И этот последний номер «Новой Рейнской» был напечатан не черными, а красными буквами, и на первой странице в обращении к рабочим Маркс и Энгельс писали, что их последним словом всегда и повсюду будет: «Освобождение рабочего класса!»

Маркса выслали из Германии, и на некоторое время ему пришлось расстаться с Энгельсом. Но эти трудные дни борьбы их особенно сблизили, и дружба их только окрепла.

Всю свою жизнь Карл Маркс, не жалея себя, упорно работал над изучением условий, при которых усилия людей, стремящихся к освобождению угнетенных, могут и должны увенчаться успехом.

Поль Лафарг писал о нем: «Даже противники его вынуждены были признать его обширные и глубокие познания не только по его специальности — политической экономии, но также и по истории философии и по литературе всех стран. Хотя спать он ложился всегда очень поздно, но между восемью и девятью часами утра всегда бывал уже на ногах, пил черный кофе, читая газеты, и шел затем в свою рабочую комнату, где и работал до двух или до трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хемстед-Хис (холмистый парк в

Лондоне), если позволяла погода; днем час или два он спал на своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи. Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ней он часто забывал о еде. Нередко приходилось звать его к обеду по нескольку раз, пока он спускался, наконец, в столовую, и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже шел в свою комнату».

Маркс держался того взгляда, что любой ученый никогда не должен сидеть взаперти в своем кабинете или лаборатории, «вроде крысы, забравшейся в сыр», а должен непременно вмешиваться в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников. Ученый обязан отдавать свои знания на службу человечеству. Поль Лафарг писал: «Работать для человечества» — было одним из его любимых выражений. К коммунистическим убеждениям он пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии».

Гениальный мыслитель и ученый, Маркс впервые внес точную науку в представления людей об их общественной жизни. Он открыл в области истории человечества закономерности, подобные тем, что управляют природными процессами. Он раскрыл законы развития человеческого общества и научно доказал, что путь человечества неизбежно ведет к коммунизму через революционное насилие рабочего класса над буржуазией.

Глубоко изучив историю народов с самых древнейших времен, Маркс доказал, что развитие общества зависит прежде всего от улучшения способов добывания пищи, одежды, жилища, то есть всего, что необходимо для жизни человека. Чтобы это получить, человек должен трудиться. Но трудился он не один, а в сообществе с другими людьми. Отношения же между людьми всегда складывались в зависимости от того, кому принадлежат орудия труда и средства производства. Принадлежат ли они всем вместе или отдельным лицам — рабовладельцам, феодалам, капиталистам.

В первобытном обществе люди сообща охотились, ловили рыбу, поддерживали огонь в очаге, строили свои жилища. Они все были равны между собой и свободны. Постепенно положение менялось, орудия труда совершенствовались, и некоторые члены первобытной коммуны стали получать излишки сверх того, что им было необходимо. Появилось накопление, одни стали отбирать излишки у других, стали заставлять работать на себя должников, пленников, преступников. Образовались рабы, и

возникло рабовладельческое общество. Чтобы сохранить власть над рабами, господствующий класс завел армию, полицию, суд. Так появилось государство, вначале рабовладельческое, потом феодальное и, наконец, капиталистическое. Для этого последнего характерно бурное развитие техники и появление наемных рабочих — пролетариев, которые должны сплотить вокруг себя всех трудящихся.

Раскрыв законы общественного развития, Маркс тем самым дал возможность людям правильно понять историческое прошлое человечества, разбираться в его настоящем и предугадывать будущее. И дал возможность революционной партии в соответствии с этими законами построить свою политику и обеспечить себе в конечном итоге полную победу.

Маркс считал себя гражданином всего мира. «Я действую там, где нахожусь», — говорил он. И действительно, во всех странах, куда бы ни забрасывали его события и политические преследования — во Франции, в Бельгии, в Англии, — он везде принимал участие в революционных движениях.

Накануне революции 1848 года научный коммунизм, созданный Марксом, выступил на открытую арену общественной борьбы. В это время был создан «Союз коммунистов»; в 1848 году был опубликован «Манифест коммунистической партии», в котором впервые в истории человечества пламенный призыв ~ «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»— прозвучал на весь мир. В «Манифесте» Маркс и Энгельс изложили свое учение о коммунистической партии, показали коренное различие между научным коммунизмом и всеми системами утопического социализма, который не мог указать действительного выхода. Утописты не объясняли существа наемного труда при капитализме, они не нашли законов его развития и не открыли возможных творцов нового общества. Революции же, которые вспыхивали в Европе и способствовали падению феодализма, все яснее показывали, что движущей силой истории является борьба классов. Только теория Маркса показала действительное положение пролетариата и осветила его роль в истории.

Авторы «Манифеста» приняли некоторые идеи Бабефа и бабувистов. При создании научного коммунизма они использовали все ценное, что нашли у великих утопистов. Цель их учения была не в том, чтобы объяснить мир, но в том, чтобы его изменить.

В «Манифесте» были даны основные положения тактики выросшего пролетариата в борьбе против капиталистического строя и говорилось, что коммунистическое общество должно быть построено с помощью диктатуры пролетариата. Впервые в

манифесте марксизм выступил как единое, стройное мировоззрение. Он заканчивался гордыми словами: «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир!» Пролетариат пошел за своими вождями — Марксом и Энгельсом. Рабочее движение росло во всем мире. В 1848 году по всей Европе пронеслась грозная революционная буря. Франция, Германия, Австрия, Италия пережили страшные, кровавые дни, — везде пролетариат поднялся на защиту своих прав. Но уже в следующий, 1849 год революционный подъем сошел на нет.

В это время Маркс и Энгельс жили в изгнании в Англии. Найти работу Маркс не мог, — произведения эмигранта-революционера печатать нигде не хотели. Маркса преследовали подлой клеветой. Он же не мог защищаться, потому что вся пресса оказалась для него закрытой. Маркс с семьей терпел крайнюю нужду.

Только ради помощи нуждающимся, ради блага и во имя освобождения пролетариата Маркс взвалил на свои плечи титаническую работу над своим знаменитым трудом «Капитал».

Они оба в спорах с противниками никогда не шли ни на какие компромиссы, а в жизни никогда не знали пощады тем, кто мог отвлечь рабочих от борьбы с капиталистами. Они упорно и неизменно готовили пролетариат к борьбе за новое, социалистическое общество. Вся их жизнь имела одну только цель: помочь пролетариям объединиться и победить. Все свои работы Маркс и Энгельс посвятили освобождению человечества от ига капитализма и, несмотря на опасности и тяжелые испытания, отважно организовывали коммунистов и руководили борьбой пролетариев.

В 1864 году Маркс и Энгельс создали Первый Интернационал — Международное товарищество рабочих. Подлинным руководителем Интернационала был Карл Маркс.

Началась не только борьба между пролетариатом и буржуазией, но с новой силой разгорелась борьба между двумя противоположными, непримиримыми учениями, между религией и коммунизмом. История человечества тем самым подошла к новому периоду, о начале которого возвестил грохот пушек в Париже, на Монмартрском холме, 18 марта 1871 года.

Первая победа

В тот день над зданием парижской ратуши взвилось красное знамя. Глава правительства Тьер в смертельном страхе бежал из города в Версаль.

— Скорее! Скорее! — хрипло кричал он кучеру, выглядывая в окно закрытой кареты. За ним следовало все правительство. Париж был в руках восставших, на улицах спешно строились баррикады. Каждый день на Париж могли напасть версальцы в союзе с немцами, уже окружившими город.

За полгода до этого, 2 сентября 1870 года, пал Седан, и почти стотысячная французская армия вместе с императором Наполеоном III была взята в плен. Узнав об этом, поднялось все население Парижа. Народ силой ворвался в Бурбонский дворец, где в это время шло заседание Законодательного корпуса, потребовал низложения Наполеона III и объявления республики. Так рухнула империя и образовалась Третья республика, третья после Великой французской революции 1789 года. Во главе республики стояло Временное правительство, в которое вошли буржуазные республиканцы — враги рабочего класса и демократии. И тогда же поняли многие рабочие, что снова надо начинать борьбу за настоящую республику и что это будет борьба нелегкая. После падения Седана дорога на Париж была открыта врагу, и 18 сентября немцы начали его осаду.

В октябре в осажденном Париже начался голод. Вскоре вместо 300 граммов хлеба в день стали выдавать всего по 30 граммов хлеба, состоявшего из смеси соломы и чечевицы.

Одна луковица на рынке стоила 5 франков, а национальный гвардеец получал всего полтора франка в день. Осенью в городе были съедены все кошки, собаки, вороны и даже крысы. Потом начались страдания от холода. Население сжигало мебель, кровати, все, что могло гореть, чтоб только согреться. Но, несмотря на голод и холод, Париж не сдавался. Про Национальную гвардию писали в английской газете «Тайме»: «Это львы, но управляют ими ослы!» Ослы, то есть Временное правительство.

В конце декабря немцы стали из пушек бомбардировать Париж, а в январе 1871 года ко всем мучениям парижан прибавилось еще одно: вспыхнула эпидемия оспы.

Не только рабочие, но мелкая и средняя буржуазия убеждались в том, что пора свергнуть правительство.

— Нам нужна коммуна! — говорили на различных собраниях.

— Коммуна вернет нам 1789 год! Коммуна выметет реакцию,

как выметают сор из помещения!

Четыре с половиной месяца удерживал Париж под своими стенами германскую армию. Но треть Франции была занята неприятелем, и в Париже больше не было хлеба. Бисмарк согласился на перемирие. Подписать мирный договор должно было Национальное собрание, которое, по приказу Бисмарка, надлежало избрать в двухнедельный срок. Оно начало заседать 13 февраля в Бордо. Но кто представлял в нем Францию? Какие-то трактирщики и священники, кулаки и помещики, торговцы, церковные старосты и принцы крови. Из 750 депутатов 450 были монархистами.

Это Национальное собрание торопилось заключить мир с немцами, чтобы потом расправиться с революционным Парижем. Главой правительства собрание назначило бывшего министра Тьера, про которого Карл Маркс говорил: «Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции».

Когда Тьер в феврале 1871 года стал во главе правительства, он решил прежде всего обезоружить рабочих Парижа. Но ему это не удалось, — национальные гвардейцы разобрали свои пушки по частям и переправили их в рабочие предместья.

В конце февраля был заключен мир между Францией и Германией, и Тьер стал уговаривать Бисмарка помочь ему сломить в стране нарастающие силы революции. А рабочий класс Парижа в это же время провозглашал новую идею: «Да здравствует всемирная республика труда!» На красном знамени рабочие написали белой краской: «Владыкой мира будет труд! Нет прав без обязанностей! Нет обязанностей без прав!»

В середине февраля в Париже был избран Центральный Комитет, состоящий из 40 человек. Вокруг Комитета объединилось все революционное население Парижа. Но для версальского правительства все члены Комитета были неизвестны. Кто они? Коммунисты или бонапартисты? А может быть, часть из них — немецкие агенты и шпионы? И Тьер просто приказал:

— Арестовать этот комитет преступников!

Но полицейские боялись показываться на улицах революционного Парижа, да и за Комитетом стояла вся Национальная гвардия. Положение было напряженным. Национальная гвардия, состоявшая из рабочих, вооруженных пушками, грозно глядящими с высоты холмов на аристократические кварталы Парижа, была бельмом на глазу у Тьера, и он решил захватить пушки, разоружить рабочие батальоны и потом распустить Комитет, арестовав всех его членов.

Пушки решено было украсть внезапно и тайна — ночью с 17 на 18 марта, когда все парижане крепко спали. Как воры, пробрались солдаты Тьера в рабочие кварталы. Уже несколько пушек они стаскивали с Монмартрского холма, когда неожиданно на улицах появились женщины. Они стали стыдить солдат и так громко кричать на них, что разбудили все население соседних домов. Появились их мужья — рабочие и ремесленники. Выбежали дети, и все кинулись к солдатам. Женщины цеплялись за солдат, дети — за пушечные колеса. Ударили в набат. Пушки с Монмартра дали артиллерийский залп как сигнал тревоги. Военное начальство приказало солдатам стрелять в народ, но солдаты не послушались, схватили своего генерала и чуть не расстреляли его тут же на месте. Началось братание, и к утру рабочие не только одержали полную победу, но и сохранили все свои пушки. Вот тогда-то Тьер и бежал из Парижа в Версаль, как подлый трус и вор, а над ратушей взвилось красное знамя и на улицах зазвучала ликующая и гордая «Марсельеза».

Революция 18 марта впервые в истории выдвинула на; первый план рабочих как выразителей национальных интересов. Карл Маркс писал: «Это не была революция с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой, это была революция с целью разбить всю эту страшную машину классового господства».

26 марта, в воскресенье, был выбран Совет Коммуны — первое в мире рабочее правительство.

По улицам с пением «Марсельезы» маршировала Национальная гвардия. На штыках и ружьях развевались красные ленты. Тысячная толпа кричала в восторге: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует свобода!» На перекрестках улиц мальчики-газетчики продавали вновь вышедшую и запрещенную Тьером газету «Крик народа». В ней было напечатано: «Что за день! Ласковое яркое солнце золотит жерла пушек. Благоухают цветы, шелестят знамена… Точно синяя река, рокочет и разливается революция, величавая и прекрасная. Этот трепет, этот свет, звуки медных труб, блеск бронзы, вспышки надежд, аромат славы — все это пьянит и переполняет гордостью и радостью победоносную армию республиканцев. О великий Париж!

Как малодушны мы были, когда хотели покинуть тебя, уйти из твоих предместий, казавшихся нам мертвыми.

Прости, родина чести, город свободы, аванпост революции!

Что бы ни случилось — пусть завтра, снова побежденные, мы умрем, — у нашего поколения все же есть чем утешиться. Мы получили реванш за двадцать лет поражений и страданий.

Горнисты, трубите к выступлению! Барабаны, бейте в поход!

Обними меня, товарищ! В твоих волосах седина, как и у меня! И ты, малыш, играющий за баррикадой, дай я поцелую тебя.

День 18 марта раскрыл перед тобой прекрасное будущее, мой мальчик. Ты мог бы, подобно нам, расти во мраке, топтаться в грязи, барахтаться в крови, сгорать от стыда, переносить несказанные муки бесчестия. С этим покончено!

Мы пролили за тебя кровь и слезы. Ты воспользуешься нашим наследием. Сын отчаявшихся, ты будешь свободным человеком!»

К Коммуне, к рабочему классу, примкнула интеллигенция Франции, мелкая и средняя буржуазия, и Маркс замечал, что Коммуна была «истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества» и «была поэтому действительно национальным правительством».

Перед Коммуной стояли трудные задачи. Надо было прежде всего создать новый государственный аппарат из людей, преданных Коммуне. Надо было облегчить жизнь трудовому народу, улучшить жилищные условия бедноты, найти жилища для бездомных. Надо было обеспечить для всех работу. Коммуна твердо знала, что надо уничтожить все старое и построить всю жизнь заново. Армию заменить Национальной гвардией; полицию —вооруженными рабочими; чиновников — избранными народными служащими. А католическая церковь? Это была большая враждебная сила, которая всему противилась и стояла на стороне правительства. Коммуна решила с ней покончить, освободить, наконец, народ от религии, от отупляющего влияния суеверий и невежества. И Коммуна прежде всего отделила церковь от государства и перестала брать налоги на содержание культа. Все церковное имущество было объявлено национальной собственностью.

В церквах начались систематические обыски, и церковные помещения занимались под клубы. Ненависть трудящихся к церкви, к попам и монахам была так велика, что они требовали еще более решительных мер. Ведь ненавистное духовенство пыталось всегда держать в руках все мысли и чувства народа, как тайная полиция. Оно действовало через проповеди и исповедь, через монахинь-сиделок в больницах, через обучение в школах.

Весь Париж праздновал тот день, когда церковь святой Женевьевы (ныне Пантеон) была отобрана Коммуной для усыпальниц великих людей и на куполе взвился красный флаг.

В клубе одной церкви люди с удовлетворением говорили, что теперь нет ни религии, ни попов, ни бога, и предлагали петь вместо молитв «Марсельезу» и революционную песнь «Са ира». В разных клубах-церквах раздавались требования об аресте и даже

об истреблении всего духовенства.

Коммуна отстранила церковь от школы, от народного образования, которое должно было стать всеобщим, бесплатным и обязательным для всех. Из школьных программ были выкинуты такие предметы, как «закон божий» и «катехизис». Вместо преподавателей монахов и монахинь учить детей должны народные учителя. Коммуна удвоила их заработную плату как для мужчин, так и для женщин. Жалованье учительниц приравнивалось жалованью учителей.

Так вводился новый принцип о равенстве труда мужского и женского.

Весь конец марта 1871 года Париж был спокоен и наслаждался завоеванной свободой. Ряд французских городов последовал его примеру, и Париж узнал, что на целом ряде митингов в Лондоне, в городах Италии, Испании и в Петербурге раздавались призывы к поддержке Парижской коммуны. Иностранные рабочие жадно следили за ее успехами. Карл Маркс писал: «Всякое дуновение ветра в Париже вызывает больше интереса… чем провозглашение Германской империи».

Париж… забывал о людоедах

Маркс горячо интересовался всем, что происходило во Франции, и помогал коммунарам своими советами и разъяснениями «как участник массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне», — писал про него В. И. Ленин. Маркс добивался все время сплоченности рабочего класса Франции ради дальнейшей борьбы за социализм. Но в Париже у Маркса было мало сторонников, целиком разделявших его взгляды, и поэтому ему приходилось действовать через немногих знакомых ему коммунаров.

Маркс старался, чтобы весь мир узнал правду о Парижской коммуне, и говорил, что «рабочий класс был за коммуну с самого ее возникновения».

Но штаб контрреволюции расположился всего в 19 километрах от Парижа — в Версале. И пока Париж наслаждался своей победой и мирно проводил в жизнь декреты Коммуны, Версаль энергично готовился к нападению.

В письме к Кугельману (12 апреля 1871 года) Маркс писал: «Если они (коммунары — Е. А.) окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их великодушие. Надо было сейчас же идти на Версаль… Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный Комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности!» Позднее Маркс писал в книге «Гражданская война во Франции»: «Центральный комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером ночной экспедицией против Монмартра, сделал роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещичьей палаты».

В Коммуне обсуждался вопрос о необходимости наступления на Версаль и подавлении его вооруженных сил, которые пока еще были достаточно слабы. Однако многие члены Коммуны колебались, не решаясь первыми начинать гражданскую войну. Но версальцы на это решились, и в праздник пасхи (2 апреля) над Парижем неожиданно грянул артиллерийский залп. Многие парижане решили, что это салют. Но когда залпы слились в общий грохот обстрела, население города поняло, что это неприятельский обстрел.

Коммуна не была готова к войне. У Национальной гвардии не хватало патронов и не было опытных командиров. Версальцы же были хорошо вооружены, их было во много раз больше, и командовали ими опытные полководцы. По договору Тьера с Бисмарком германцы вернули Тьеру 100 тысяч военнопленных, взятых немецкой армией под Седаном.

Началась ожесточенная война. Под обстрелом врага Париж постепенно превращался в развалины. Но парижане стойко защищались. Старики, дети и женщины Парижа сражались наравне с мужчинами. Порядок в городе был образцовый. Одна из республиканских газет писала, что несмотря на то, что больше месяца 200 тысяч рабочих были хозяевами Парижа, они не только не разграбили ни одного особняка, не сделали ни одного богача жертвой своей мести, не совершили ни одной жестокости, но и не сломали в буквальном смысле ни одной ветки дерева, не сорвали ни одного цветка в общественных садах, порученных их охране.

Несмотря на то, что силы версальцев были несравненно больше, чем силы Коммуны, Национальная гвардия сдерживала версальскую армию под стенами Парижа почти целый месяц. В конце апреля Бисмарк потерял, наконец, терпенье и стал торопить Тьера: — Кончайте скорее!

В это время в Коммуне произошел раскол. Меньшинство членов Коммуны считало, что в минуту опасности Коммуна напрасно передала диктатуру в руки Комитета общественного спасения, и объявило о своем уходе из Коммуны, Но по настоянию Интернационала все 15 человек «меньшинства» опять заняли свои места в Коммуне. Карл Маркс, который внимательно следил за всеми событиями в Париже, написал членам Коммуны Франкелю и Варлену: «Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты. По-видимому, наряду с влиянием ра-'бочих, есть и другие влияния. Однако это не имело бы значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время». В том же письме Маркс предостерегает о грозящей опасности со стороны Тьера, заключившего сделку с Бисмарком за огромную взятку. Маркс пишет: «Так как предварительным условием осуществления их договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже».

Не прошло и пяти дней с момента возвращения «меньшинства» в Коммуну, как версальцы вторглись в предместья Парижа. Произошло это 21 мая. Несмотря на свое «отчаянное

положение, коммунары не отступали. Тьер создал целую сеть шпионажа в Париже и среди национальных гвардейцев. И когда Национальная гвардия отступила от (форта Исси, совершенно разрушенного версальской артиллерией, один из шпионов Тьера взобрался на развалины и поднял белый флаг. Версальцы заняли форт Исси и быстро шроникли в город. Тогда начались ожесточенные бои на «баррикадах в каждой улице. 23 мая Карл Маркс говорил на Генеральном совета Интернационала: «Парижскую коммуну подавляют с помощью пруссаков, которые действуют в качестве жандармов Тьера… пруссаки выполняли полицейскую работу…»

В залитом кровью и пламенем Париже 28 мая пала последняя баррикада. Начались массовые расстрелы коммунаров. Они умирали бесстрашно, с гордо поднятой головой.

Буржуазия торжествовала. В некоторых местах еще дымились развалины, «стены, разбитые ядрами, обваливались, раскрытая внутренность комнат представляла каменные раны, сломанная мебель тлела, куски разбитых зеркал мерцали… А где же хозяева, жильцы? Об них никто и не думал… местами посыпали песком, но кровь все-таки выступала… К Пантеону, разбитому ядрами, не допускали, по бульварам стояли палатки, лошади глодали береженые деревья Елисейских полей…» — так писал Герцен, живший в то время в Париже.

Коммуна потерпела поражение, потому что совершила ряд ошибок, о которых предупреждал Маркс. Во-первых, не было единой рабочей партии, которая могла бы привести к победе, и в Совете Коммуны были представители различных партий. Во-вторых, Коммуна должна была сразу же после своей победы 18 марта начать наступление на Версаль, который тогда еще был слаб. В-третьих, Парижская коммуна не была связана с крестьянством, которое могло ее поддержать. Маркс говорил, что Версаль добивался полной блокады Парижа именно для того, чтобы помешать укреплению связей Коммуны с крестьянством: «Помещики знают, что три месяца господства республики во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне! Еще больше, чем даже освобождения городского пролетариата, они боятся освобождения крестьян. Крестьяне очень скоро провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом».

Коммуна допускала выход враждебных газет в Париже и слабо боролась с агентами Тьера. Маркс подчеркивал, что одной из крупных ошибок Коммуны было то, что она не захватила Государственного банка. Версальцы, удирая 18 марта из Парижа,

не успели увезти из банка все ценности. А Коммуна не устранила директора банка и послала туда лишь своего представителя. И в то время как Тьер получал из банка без ограничения все необходимые средства для борьбы с Коммуной, требования коммунаров постоянно урезывались. Коммуна очень скупо расходовала средства, берегла каждый франк, но не подумала о том, чтобы захватить банк и тем самым лишить версальцев средств, питавших контрреволюцию.

После поражения Коммуны Карл Маркс помогал коммунарам укрыться от полиции и уехать из Франции за границу. Он доставал им паспорта, посылал деньги, привлекал к этому секции Интернационала, добывал явки на квартиры. В Лондоне, где жил Маркс, собралось около 90 человек беженцев-коммунаров. 25 августа 1871 года Маркс писал в одном из своих писем: «Генеральный совет до сих пор делал все, чтобы спасти их от гибели, но наши денежные ресурсы за последние две недели настолько иссякли… что положение последних (то есть коммунаров. — Е. А.) становится поистине ужасным».

После Парижской коммуны имя Карла Маркса стало всемирно известным. Он был признан крупнейшим теоретиком научного коммунизма и организатором первого движения рабочих всех стран.

Парижская коммуна дала Марксу и Энгельсу богатый материал для характеристики этого нового пролетарского государства — диктатуры пролетариата. Маркс отмечает, что поголовное вооружение народа — это основная черта пролетарской диктатуры и что первое ее условие — создание пролетарской армии. Парижские рабочие не только захватили власть, но и показали, как надо строить рабочее государство. До Коммуны ни одна революция ни в одной стране не могла этого сделать, не могла разрушить старую государственную буржуазную машину и создать новую, пролетарскую. «Парижская коммуна сделала первый всемирно-исторический шаг по этому пути, Советская власть — второй», — писал В. И. Ленин.

Христианский социализм

После Парижской коммуны союз буржуазии с католической церковью стал еще более тесным. Тьер — палач французских коммунаров — заявил, что надо выбирать между социализмом и иезуитами. И конечно, он вместе с буржуазией без всякого колебания выбрал иезуитов, церковь и папство.„Религия победила коммунизм, и оскорбленное Коммуной духовенство приняло горячее участие в расправе с коммунарами.

Еще до Парижской коммуны отцы католической церкви решили применить более гибкие методы с целью раскола рабочего движения. Для этого они организовали новое «движение» христианских (католических) социалистов, чтобы, входя в эту организацию, трудящиеся уводились в сторону от рабочего движения.

В «Манифесте коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали: «Нет ничего легче как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство?» На основании этого нетрудно было убедить некоторых легковерных людей в христианском социализме.

Когда католическая церковь стала слугой капитализма, христианские социалисты и христианские демократы стали преследовать только одну цель — отвлечение рабочего класса от классовой борьбы, от революционного движения. Разоблачение Марксом и Энгельсом христианского социализма было необходимо в непримиримой борьбе коммунизма с религией. Надо было прекратить все попытки протащить религию в революционное рабочее движение.

Изречение Маркса, что «религия есть опиум народа», В. И. Ленин назвал краеугольным камнем отношения марксизма к религии. Маркс считал, что религия — это иллюзия счастья у народа, счастья в будущей жизни. Что упразднить религию — это значит дать действительное счастье здесь, на земле; это значит отказаться от того несчастного положения, которое принуждает человека искать забвения в религии, в ее иллюзиях.

Маркс подчеркивал, что человек сам создал религию и что в религии всегда воплощаются отношения, которые господствуют среди людей, в человеческом обществе. Религия — это продукт жизни людей, и поэтому каждому общественному строю соответствует определенная форма религиозного сознания.

Религия всегда оправдывает господство сильных, учит угнетенные народы терпению и примирению с кучкой угнетателей. Но борьбу с религией Маркс и Энгельс подчиняли борьбе за победу социализма. Они всегда были против уничтожения религии простым ее запрещением в социалистическом обществе, считая, что таким образом можно принести только вред в борьбе с религиозными предрассудками.

Однако прекратить совсем попытки протащить религию в рабочее движение не удавалось. Христианские социалисты из Франции перекочевали в Англию. Здесь католическое духовенство старалось усмирить национально-освободительное движение ирландских рабочих, провозглашая, что «будущее принадлежит народу, и прежде всего рабочему народу». К католическому духовенству в Англии примкнули и отцы англиканской церкви, стремившиеся также всеми силами отвлечь рабочих от потрясавшего Англию революционного движения чартистов. Христианские социалисты проповедовали, что рабочим не нужна и бесполезна политическая борьба, и этим играли на руку английской буржуазии.

В конце XIX века христианский социализм распространился по всем европейским странам и в Соединенных Штатах Америки. А глава католической церкви папа Лев XIII официально высказался в пользу организации союзов католических рабочих и признал необходимым введение рабочего законодательства, призывая к сотрудничеству хозяев и рабочих. Он утверждал, что труд не может существовать без капитала, как и капитал без труда, и что частная собственность «составляет главное отличие человека от животного мира». Лев XIII убеждал рабочих: «Храните свои души в мире, полагаясь на тех хозяев-христиан, которые с такой мудростью руководят вашими трудовыми буднями… любите ваших хозяев… не наносите вреда их собственности, не оскорбляйте предпринимателей».

По предписаниям этого папы задачей католических рабочих организаций должно быть сотрудничество рабочих и капиталистов.

В 1931 году папа Пий XI издал документ, в котором подтверждается учение «католического социализма» о том, что частная собственность капиталистов и помещиков и их право на прибыль являются даром божества и природы. По мнению папы, бесклассовое общество противоестественно и существовать не может, а классовые и сословные различия не могут исчезнуть, пока существует жизнь на Земле. Поэтому бессмысленна и бесплодна классовая борьба, и папа призвал рабочих отказаться «от зависти и ненависти» к капиталистам и «не проявлять

эгоизма». А папа Пий XII заявил в 1939 году: «История всех времен учит нас, что всегда были богатые и бедные, что всегда будут богатые и бедные… Бог, превосходно распоряжающийся нашими судьбами, установил, чтобы в мире были богатые и бедные для лучшего испытания наших человеческих достоинств».

В марте 1950 года римский папа устроил специальный «день покаяния» и, выступая по этому поводу, проклял рабочее движение и учение Карла Маркса и высказался против «антихристианского стремления исключить из земной жизни всякого рода страдания». Все католические деятели выступают как отъявленные враги коммунизма. Но в листовках, на митингах и в книжечках «для народа» наряду с обещаниями загробного воздаяния за земные страдания и отпущения грехов, даются обещания в далеком будущем путем договоренности с капиталистами улучшить положение рабочего класса и путем медленного выкупа вернуть крестьянам отнятую капиталистами землю. Все эти нелепые обещания христианских социалистов делаются только с одной целью: отвлечь трудящихся от классовой борьбы и подменить ее невозможным «классовым миром».

Русские безбожники

Первым революционным движением против самодержавия и крепостного права в России было восстание декабристов в 1825 году. Они были знакомы с учением утописта Сен-Симона, а декабрист Лунин знал его лично, когда жил в Париже. К его учению тяготел в 30-х годах и А. И. Герцен со своими друзьями.

Декабристы сочувствовали страданиям порабощенного крестьянства, боролись против царизма и крепостного права и стремились к революционному преобразованию родины. У некоторых декабристов борьба против царизма и.; крепостничества сливалась с борьбой против религии и;; церкви. Например, декабрист В. Ф. Раевский, разоблачая религию, называл ее «уздой для черни суеверной перед помазанной главой», «стальным щитом царей», который «смиряет разум дерзновенный». Декабристы И. Д. Якушкин, П. К. Пестель и другие отрицали существование бога и других сверхъестественных сил, отрицали сотворение мира и человека богом.

Поэт-декабрист А. П. Барятинский писал, что «религия и есть колыбель заблуждений мира». «Разобьем же алтарь, которого он (бог) не заслужил: хоть он и благ, но не всемогущ, или всемогущ, но не благ! Присмотритесь к природе, спросите историю, и вы поймете тогда, что в мире такое обилие зла, что для собственной славы творца, если бы он и существовал, следовало бы его отвергнуть!»

Основным средством борьбы против религии эти немногие декабристы-безбожники считали просвещение, но не могли дать научной критики религии и церкви. Они считали, что миром управляет человеческий разум, который может установить справедливые порядки. Общей ошибкой декабристов было то, что они признавали не народ движущей силой истории, а только отдельные выдающиеся личности и пытались совершить революцию без участия народа. Поэтому они и потерпели поражение.

В. И. Ленин писал в статье «Памяти Герцена»: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действующие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеко они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями

«Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».

В борьбе с декабристами духовенство приняло деятельное участие. В день восстания митрополит Серафим с крестом в руках обходил Сенатскую площадь и уговаривал восставшие войска повиноваться царю. Казнь декабристов церковь благословила. В день казни везде служили торжественные молебны и возносили благодарения богу за победу над врагами царя и отечества. Многие священники были награждены царем за раскрытие участников восстания, за доносы и шпионаж среди декабристов.

Поток свободной мысли и протеста все разрастался. А. И. Герцен писал, что победу царя над пятью казненными декабристами праздновали торжественными молебствиями во всех церквах Москвы, и пушки гремели с кремлевских стен. Мальчиком четырнадцати лет присутствовал Герцен на этом молебствии и, потрясенный до глубины души, он тут же в толпе поклялся отомстить за казненных и обрек себя на борьбу с этим тираном-царем, с этим алтарем и с этими пушками.

После восстания декабристов классовая борьба обострилась. Количество крестьянских восстаний росло с каждым годом. В 1826–1834 годах их было 145, а с 1845 по 1854 год их насчитывалось уже 348. Недовольство проявлялось и в царской армии, волновалась учащаяся молодежь, городские низы, передовая интеллигенция. Началось рабочее движение. Гнилость самодержавия и крепостнического строя, низкий уровень промышленности, отсталость в вооружении армии, плохие средства сообщения — все это проявилось во время Крымской войны 1853–1856 годов. И война, несмотря на храбрость и стойкость русских солдат, была проиграна.

Внутри страны совершалась великая работа — работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная; всюду росло недовольство; народ еще держался вдали от политической жизни, но со злобой и ненавистью смотрел на своих господ и иногда мстил им жестоко.

Рабочий класс только еще создавался. Обыкновенно помещики продавали своих крепостных фабрикантам или отдавали их в кабалу. Таким образом они обрекали своих крепостных на голод и непосильный труд в течение 14–16 часов в сутки. Кабальные рабочие восставали, но царское правительство подавляло и жестоко наказывало эти попытки протеста.

Не было еще в России сил, готовых повести народ на организованную революционную борьбу. Но борьба эта шла стихийно, и она вызывала страх у правящего класса. Поэтому уничтожение крепостного права произошло путем реформы,

проведенной помещиками и царем в 1861 году. Во время реформы церковь положила все свои силы на то, чтобы не произошло раскрепощения крестьян. Митрополиту Филарету, про которого Герцен говорил, что он совмещает белый клобук и жандармские аксельбанты, ярому противнику освобождения крестьян, было поручено составление царского манифеста. Филарет решительно выступал против того, чтобы крестьянам дали землю. Он боялся, что помещики будут стеснены в своем праве собственности, что это помешает их хозяйству и подействует на их усердие к правительству. Филарет не только отстаивал полную зависимость крестьян от помещиков, но и сохранение телесных наказаний для крестьян, уверяя, что христианство такие строгости не осуждает.

Реформа обманула ожидания крестьян, потому что изменилась только форма их угнетения. Начались массовые волнения. В бывшей Казанской губернии крестьянское восстание не могли усмирить больше месяца. Когда, наконец, жандармы его подавили и расстреляли массу безоружных людей, Герцен писал в журнале «Колокол», который издавал в Лондоне с 1857 по 1868 год: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. Если б до тебя дошел мой голос, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем. Ты их не знаешь, ты обманут их облачением, ты смущен их евангельским словом, — пора их вывести на свежую воду! Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав! Но веришь еще в царя и в архиерея… Не верь им! Царь с ними, и они его».

Когда после реформы в России стал развиваться капитализм, церковь перешла на службу капиталистам. Поэтому русские революционные демократы соединяли с революционной борьбой и борьбу против религии. Они считали поповщину средством духовного угнетения народа. Герцен писал: «Религия — это какие-то колоссальных размеров ширмы, которые препятствуют народу ясно видеть, что творится на земле, заставляя поднимать взоры к небесам».

А писатель-сатирик Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» показал, что религия настолько принижает людей и лишает их чувства собственного достоинства, что они благословляют свое рабство. Горничная Аннушка без ропота несла свое рабство, считая, что так установлено богом на земле. Она настолько была одурманена религией, что, умирая, говорила: «Слава богу, не оставил меня царь небесный своей милостью! Родилась рабой, жизнь прожила рабой у господ, а теперь, ежели

сподобит всевышний батюшка умереть, — на веки-вечные останусь… божьей рабой!»

В. Г. Белинский (1811–1848) был близок по своим взглядам с Герценом. Их сближали революционные убеждения и борьба против крепостничества. Белинский был знаменем новых растущих сил революционной демократии, и его вместе с Герценом и Чернышевским высоко ценил В. И. Ленин, называя предшественником российской социал-демократии.

В религии Белинский видел врага свободы. Он постоянно выступал против религиозных суеверий, церковных обрядов, высмеивал невежество и лицемерие духовенства.

Белинский с восторгом говорил о Вольтере и других французских энциклопедистах и так же, как они, считал, что религия и церковь всегда были врагами науки и справедливости.

Н. А. Добролюбов, ближайший сотрудник Н. Г. Чернышевского, в передовом журнале «Современник» возглавлял критический отдел. За свою короткую жизнь Добролюбов написал не менее трехсот статей, рецензий, рассказов и сатирических стихотворений. Его произведения будили сознание читателей и призывали к борьбе за справедливость. Он считал, что человеку нужно во что бы то ни стало добиться своего счастья на земле, а для этого необходима революционная борьба. Рабство поддерживается религией, и в одном из своих стихотворений Добролюбов писал, что рабство нашло «себе защитников в попах».

«Покорны будьте и терпите, — Поп в церкви с кафедры гласил, — Молиться богу приходите, Давайте нам по мере сил!»

И еще:

«Религия прощать врагов нас учит — Молчать, когда нас царь гнетет и мучит».

Резко критиковал религию и Д. И. Писарев — этот выдающийся литературный критик, борец против самодержавного строя и крепостничества, страстный пропагандист науки, погибший в возрасте 28 лет. Он считал, что всякая религия является «вредным тормозом умственного и общественного движения, охраняет с старческим упорством огромные запасы мифических преданий, магических церемоний, бесполезных обычаев и уродливых учреждений».

Сын священника, Николай Гаврилович Чернышевский после окончания семинарии в Саратове поступил в Петербургский университет. Это было в 1846 году. Будучи студентом, Чернышевский внимательно следил за революционным движением 1848 года в Европе и сделался, как он сам говорил, «партизаном социалистов и коммунистов, и крайних республиканцев». Он уже тогда готовился к беспощадной борьбе

против царизма и надеялся поднять на эту борьбу весь народ.

С 1853 года он руководил передовым журналом «Современник», вокруг Которого группировались наиболее революционные силы страны. Чернышевский защитил магистерскую диссертацию в университете, много писал и вскоре сделался идейным вдохновителем русской общественной мысли и вождем назревавшей в 60-х годах народной революции. Карл Маркс читал произведения Чернышевского, называл его великим русским ученым и говорил, что труды Чернышевского делают честь России и доказывают, что она начинает тоже принимать участие в общем движении эпохи.

После реформы раскрепощения крестьян гнев обманутого народа готов был вылиться в широкое революционное движение против помещиков. Чернышевский начал организацию революционного подполья, создал тайное общество «Земля и воля», писал прокламации и умело проводил в своих художественных произведениях идею крестьянской революции. В 1862 году его арестовали и заключили в Петропавловскую крепость, где он пробыл около двух лет, а затем был отправлен в Сибирь на каторжные работы. Около двадцати лет томился он в Сибири, после чего, под именем «секретного преступника № 5», его вывезли из Вилюйска и разрешили жить в Астрахани, а затем и на его родине — в Саратове.

Чернышевский написал целый ряд работ. Он понимал, что буржуазная республика не может создать полного равенства между людьми. Разоблачая монархию, он считал, что царь душой и телом принадлежит к аристократии; «это все равно, что вершина конуса аристократии», и дело не в монархе, а в том классе, на который он опирается и интересам которого служит. Он пришел к убеждению, что вся история человечества развивается в непримиримой борьбе классов. Кто не борется за власть, тот не может спастись от угнетения и нищеты. Этим отличаются взгляды Чернышевского от взглядов социалистов-утопистов Запада. Но 'его крестьянский революционный социализм был все же 'одной из форм утопического социализма, потому что возможность достижения социализма он связывал с русской крестьянской общиной, не понимая роли пролетариата и не зная законов развития общества. В Петропавловской крепости, будучи заключенным, Чернышевский написал свой знаменитый роман «Что делать?». Ленин считал, что этот роман дает заряд на всю жизнь и что в лице героя Рахметова автор показал, каким должен быть революционер… В «Что делать?» Чернышевский дал яркую картину будущего строя общества. Он описал земледельческий труд на полях, коллективную трапезу и отдых,

превращение пустынь в цветущие сады, изменение всего лика Земли.

Чернышевский понимал, что религия нужна самодержавию, является его главной опорой и глубоко критиковал ее. Он требовал освободить школу от какой бы то ни было религии, которую считал врагом науки и прогресса. Священное писание, христианское и иудейское, Чернышевский называл лжеучением и изуверским учением, а о Коране говорил, что в нем все или глупость или мерзость.

Прямо высказывать свои антирелигиозные идеи в условиях царизма было невозможно, и русские революционные демократы, в том числе и Чернышевский, подвергали беспощадной критике деятельность католической церкви и папства, что было одним из средств пропаганды идей просвещения и свободы, одной из форм борьбы против русского крепостничества и самодержавия.

Русское духовенство, как и католическое, всегда выступало против людей труда в защиту сильных. Поэтому не случайно лучшие умы человечества боролись с церковью, разоблачая ее антинародную политику.

Но для борьбы с таким вольнодумством царское правительство организовало вначале XIX века объединенное министерство Духовных дел и Народного просвещения. Святейший синод был включен в состав этого министерства. Задачей его было привести к спасительному согласию науку, веру и власть. Отметалось все противоречащее религии, хотя и твердо установленное наукой, например вращение Земли вокруг Солнца.

Царизм широко использовал духовенство для борьбы с прогрессивными идеями, для проповеди и внушения народу терпения и покорности. Средние школы и университеты следили за тем, чтобы преподаваемые предметы не расходились с учением религии. В 1835 году устав университета был составлен так, чтобы изгнать «дух гражданственности». Психология, логика и богословие преподавалось духовенством. В средних школах были обязательными уроки «закона божия» и «катехизис». Молодежи внушалось, что православие, самодержавие и крепостное право — нерушимые устои русской жизни.

Все издаваемые книги, статьи, очерки должны были проходить цензуру политическую и духовную, которая свирепо расправлялась с наукой и старалась насаждать мракобесие. Например, когда в XIX веке вышла книга известного русского физиолога И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», петербургский митрополит потребовал у правительства, чтобы «господина профессора Сеченова сослали для смирения и исправления» в Соловецкий монастырь за «предерзостное,

душепагубное и вредоносное учение». Цензура дала заключение, что книга Сеченова вредна и направлена против христианства, потому что отвергает свободу воли и бессмертие души. Цензура и духовенство вели упорную борьбу против ученых материалистов, против мыслителей, писателей и против всех нововведений.

Известный русский новатор сельскохозяйственного производства И. В. Мичурин писал, что он встречал сильное противодействие не только со стороны царских чиновников, но и со стороны церковников: «До революции мой слух всегда оскорблялся невежественным суждением о ненужности моих работ, о том, что все мои работы — это «затеи» и «чепуха». Чиновники из департамента кричали на меня: «Не сметь!» Казенные ученые объявляли мои гибриды «незаконнорожденными». Попы грозили: «Не кощунствуй. Не превращай божьего сада в дом терпимости!» — так характеризовалась гибридизация».

Кровавое воскресенье

При последнем русском царе Николае II, когда усилилась социалистическая пропаганда среди рабочих, церковь поняла, что революционное движение пролетариата несет с собой угрозу самодержавию и духовному рабству народа. И церковь стала особенно активно бороться, стала тайной агентурой полиции. Духовенство шпионило в армии, в школах, в цензуре, в учреждениях. Обер-прокурор синода Победоносцев видел в церкви главную опору в борьбе с крамолой, и духовенство верно служило царизму в подавлении рабочего движения.

Обыкновенно рабочие-революционеры увольнялись с фабрик, их арестовывали и ссылали в Сибирь на каторжные работы, демонстрации разгонялись солдатами, забастовки жестоко подавлялись. Но в последние годы перед революцией 1905 года полиция стала действовать еще и обходными методами.

По предложению начальника московской охранки полковника Зубатова были созданы рабочие организации, разрешенные правительством, потому что ими тайно руководили люди, служащие в охранке. Чтобы обмануть рабочих, эти организации выдвигали иногда очень скромные требования, главным же образом старались отвлечь рабочих от политики разными культурно-просветительными мероприятиями. Во главе таких «зубатовских организаций» часто стояли священники, которые особенно старались повлиять религиозной пропагандой на рабочих, еще не совсем освободившихся от веры и бога.

Здесь духовенство действовало в полном контакте с жандармами, и В. И. Ленин, разоблачая их, писал: «.. интересная картина: генералы и попы, зубатовские шпионы и верные полицейскому духу писатели собрались «помогать» рабочему выбиваться из-под влияния социалистического учения! — а кстати также помогать вылавливать неосторожных рабочих, которые пойдут на удочку».

Весной 1903 года в Петербурге священник Георгий Га-пон по предложению царской охранки создал по образцу зубатовских организаций общество, которое называлось «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». Министерство внутренних дел утвердило устав этого общества, и Гапон был назначен его ответственным руководителем. Эта гапоновская организация распространяла религиозную и черносотенную литературу, организовывала духовные хоры и популярные лекции на одобренные полицией темы.

Агенты охранки внушали рабочим мысли, что незачем

устраивать революцию, потому что царское правительство само готово помочь рабочим.

В 1903 году гапоновская организация имела уже 11 отделений и состояла из 9 тысяч членов. Революционный подъем все нарастал. На собраниях, вопреки желаниям Гапона, часто поднимались жгучие политические вопросы.

В декабре 1904 года на Путиловском заводе администрация несправедливо уволила четырех рабочих. Это вызвало возмущение, и рабочие завода требовали их восстановления на работу. А когда администрация отказала, Путиловский завод забастовал, и к 8 января 1905 года бастовали уже все крупные заводы Петербурга.

Тогда Гапон, по заданию полиции, предложил рабочим составить прошение на имя царя, в котором будут изложены все их беды и нужды, и пойти мирной демонстрацией к Зимнему дворцу, где прошение будет передано в руки царя. Это прошение обсуждалось на рабочих митингах. Большевики выступали с предупреждениями, они старались убедить легковерных рабочих, что это провокация. Петербургский комитет большевиков выпускал листовки, в которых писал, что у царя не надо ни просить, ни требовать и не надо унижаться перед ним, потому что царь — это заклятый враг рабочих. Надо сбросить его с престола и вместе с ним выгнать всю его шайку, — только так можно завоевать свободу.

Но многие рабочие еще верили царю, и 9 января 1905 года сто сорок тысяч человек двинулось к Зимнему дворцу из различных районов города. С рабочими шли женщины, дети и старики. Они несли с собой иконы, царские портреты, хоругви из церквей и пели молитвы. Огромная толпа собралась перед Зимним дворцом у Адмиралтейства и Дворцового моста. Дворец был окружен частями Преображенского полка. Царское правительство еще накануне приготовилось к расправе над рабочими, и в помощь городскому гарнизону были вызваны войска из Пскова, Нарвы, Ревеля, Петергофа.

Солдаты с ружьями наперевес, одни верхом, другие пешие, стояли лицом к лицу с рабочими. Многие мужчины в толпе, уже предчувствуя недоброе, стали подталкивать женщин и детей назад, чтобы спрятать их за своими спинами. Одни из рабочих в недоумении молчали затаив дыхание, другие были словно пристыжены, а третьи стали ругаться вполголоса. Над площадью стоял гул, то нарастая, то спадая, будто налетали порывы ветра, хотя никто громко не разговаривал. «В чем дело? Зачем солдаты? Мы пришли мирно с просьбой к царю!»

И вдруг раздался ружейный залп, за ним второй и третий.

Солдаты стреляли в безоружных людей, и на землю упали сотни убитых и раненых. А звуки залпов, словно обойдя весь мир и повсюду предупреждая трудящихся, отозвались далеким эхом и, наконец, обессиленные, замерли вдали.

Гапон шел с шествием рабочих Нарвского района. Кавалерийские части атаковали демонстрацию у Нарвских ворот, и пехота начала стрелять. Люди падали, кричали, бежали, захлебываясь в крови. И никто не видел, как и где скрылся Гапон.

К вечеру того же дня рабочие начали строить баррикады. Так началась первая русская революция.

В это воскресенье — 9 января, — прозванное «кровавым», самодержавие вместе с расстрелом мирных рабочих расстреляло и их наивную веру в царя и в «божью помощь». Гапон бежал за границу. Владимир Ильич Ленин несколько раз встречался с ним, и ему стало ясно, что Гапон использовал свою священническую рясу и религиозную проповедь для обмана рабочих. Надежда Константиновна Крупская писала, что Гапон был «хитрым попом, шедшим на какие угодно компромиссы». Вернувшись в Россию, Гапон снова работал в охранке, но весной 1906 года рабочие его повесили в Озерках (пригороде Петербурга), когда окончательно убедились, что он провокатор.

Духовенство принимало активное участие в подавлении революционных восстаний и даже придумало особую молитву против революции, которая читалась в церквах. Всячески пытаясь уговорить рабочих прекратить борьбу, священники в то же время прятали на колокольнях церквей и монастырей вооруженных полицейских.

Эта первая русская революция многим открыла глаза на то, что представляет собой религия и духовенство. Рабочие текстильной фабрики Саввы Морозова в Москве сочинили даже новую «Камаринскую», кончавшуюся припевом:

«Эх, наставники духовные, Проповедники церковные! 'С виду божий угодники, Втихомолку греховодники! У вас брюхи слишком пухлые, Ваши речи слишком тухлые. Эх, ребятушки, живей, живей, Соберем колокола со всех церквей. Из них пушку мы большую отольем, Духовенством эту пушку мы набьем, Знатно выпалим попами в небеса, Уж посыплются нам с неба чудеса… На купцов, да на попов, да на царей Поднимайтёся, ребятушки, скорей, скорей!»

После революционного подъема вера среди населения настолько ослабела, что правительство и церковь широким потоком стали распространять религиозно-нравственную литературу с клеветой против рабочего движения и злобой против науки. В журнале, издаваемом церковью, с горечью

отмечалось, что «в наши дни оскудело народное благочестие, даже в селах храмы пустуют, исчезают давние привычки и обычаи религиозно-патриархального быта».

Величайшего русского писателя Льва Николаевича Толстого духовенство отлучило от церкви и предало анафеме. Правительство вместе с духовенством организовало контрреволюционные союзы — «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела» — для травли передовых людей, для борьбы с рабочим движением, для проведения еврейских погромов, этого несмываемого позора XX века. Духовенство оправдывало массовые казни революционеров, проповедовало в церквах, что Христос был врагом социализма, что царская власть и капитализм освящены богом. И когда 11 декабря 1910 года 75 врачей, окончивших Томский университет, выразили протест против смертных казней, святейший синод осудил их и предписал духовенству следить за тем, чтобы никого из этих врачей не брали на службу в учреждения православного вероисповедания.

Лицом к лицу

Бурный голос Октябрьской революции прокатился из конца в конец по необъятной стране и, отдаваясь как эхо, все нарастал и множился. Народ в исступлении и ярости, обливаясь собственной кровью, забыв бога, боролся за мечту о справедливости, любви и братстве…

Старое житье, бесправное, придушенное, задурманенное религией, кончилось. Прошло то время, когда придавленный человек едва дышал, надеясь на бога, когда культура служила не добру и счастью, а только злу и истреблению, когда даже человеческий гений подчинялся тяжкой силе несправедливого и жестокого закона.

Трусливое духовенство не захотело, да и не могло покориться новой власти. Ведь в этой борьбе религия и коммунизм столкнулись лицом к лицу, не на жизнь, а на смерть! Стиснув зубы, отцы церкви стали подбивать народ на сопротивление. И кто думал тогда, в эти горячие и радостные для России дни, о всероссийском церковном соборе, о том, что он восстановит в стране и воскресит из мрака веков высшую духовную власть — патриаршество?

А духовенство выбрало патриархом епископа Тихона, который при самодержавии был председателем «Союза русского народа» в Курске и оправдывал еврейские погромы. Духовенство объясняло, что церкви необходим патриарх, «чтобы в новой войне дать церкви вождя». Но в какой войне? Конечно, в войне с коммунизмом, в войне против коммунистов-безбожников. И Тихон, став патриархом, прежде всего предал анафеме советскую власть и обратился к народу с посланием, в котором объявил Октябрьскую революцию «делом сатаны».

В 1918 году советской властью был издан декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот декрет вызвал со стороны духовенства призывы к христианам всего мира о помощи против гонений на церковь в Советском Союзе. И тогда коммунизм и коммунистов, советскую власть и Советский Союз стали проклинать служители всех церквей и религий: патриарх Тихон и папа римский, пасторы и ксендзы, попы и муллы, раввины и ламы.

Под предлогом защиты религии, на самом же деле против социализма, империалисты собрались в поход на Россию. Еще не кончилась гражданская война, как началась интервенция.

В 1921–1922 годах Советская страна переживала тяжелое бедствие — голод охватил все Поволжье, и голодало около 14

миллионов человек. В те годы была засуха. Месяцами не было ни капли дождя, земля покрылась трещинами. На полях вместо зеленых сочных всходов росли чахлые редкие былинки. От жары горели леса, на кустах ссыхались ягоды. Сохли водоемы, погибала рыба. После бесплодного лета наступила еще более страшная зима. Люди вместо хлеба ели солому с крыш, березовую кору, белую глину, и ежедневно печальные процессии направлялись к кладбищам. Попы хоронили умерших и проповедовали, что это бедствие послано богом за грехи людей, за то, что они допустили к власти коммунистов-безбожников.

Кроме засухи, в голоде был повинен и упадок сельского хозяйства после первой мировой и после гражданской войны. В феврале 1922 года Советское правительство издало декрет об изъятии церковных ценностей, чтобы на эти деньги купить за границей хлеб для помощи голодающим. Тогда духовенство открыто стало призывать народ к борьбе с советской властью, которая «осмеливается» «нарушить вековую неприкосновенность «божьего достояния». Патриарх Тихон опубликовал воззвание против изъятия церковных ценностей, и духовенство так сопротивлялось, что во многих местах дело доходило до кровавых столкновений. В этой антисоветской борьбе принимали участие также католические ксендзы, протестантские пасторы, еврейские раввины и магоментанские муллы.

Победа над интервентами, ликвидация голода, укрепление советской власти заставили, наконец, церковников частично изменить свою политику. Духовенство сделало попытку приспособить церковь к новой обстановке и признало «справедливость социальной революции».

Патриарх Тихон, привлеченный к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, подал Верховному Суду в июне 1923 года заявление с выражением раскаяния, обещанием не сноситься с белогвардейцами и эмигрантами, и с просьбой об освобождении, что и было сделано. — Перед своей смертью, в 1925 году, Тихон составил завещание, в котором призывал верующих подчиниться советской власти и полностью ее признать.

Особенно сильно антисоветская деятельность духовенства сказалась при борьбе с кулачеством и во время коллективизации. Религия настраивала людей против социализма, против колхозов. Религиозные организации фабриковали и распространяли так называемые письма с неба, в которых от имени бога грозили несчастьями для тех, кто вступит в колхоз.

В бога не верю, и вам не советую…

Величайшая эпоха в истории человечества — эпоха перехода от классового общества к бесклассовому, от капитализма к социализму — навеки связана с именем Владимира Ильича Ленина.

Чуткий, отзывчивый, справедливый и энергичный Владимир Ильич с детства выделялся среди сверстников своими способностями и развитием. Среди родных и близких Владимиру Ильичу людей не было верующих, и уже с детства Володе Ульянову была чужда обычная в те времена детская набожность. Г. М. Кржижановский писал про Владимира Ильича, что «он говорил мне, что уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор».

Произошло это, видимо, после такого случая: к отцу Володи Ульянова приехал из Петербурга чиновник из Ведомства народного образования. Илья Николаевич рассказывал ему, что дети не любят ходить в церковь, на что гость, глядя на Владимира Ильича, сказал: «Сечь, сечь надо!» Ленин выбежал во двор, сорвал с шеи крест, который еще носил, и бросил его на землю.

Товарищ Володи Ульянова по гимназии Д. М. Андреев писал в своих воспоминаниях о прогулке с Володей Ульяновым по улицам Симбирска: «Дойдя до высоких белых стен Спасского женского монастыря, Володя вдруг остановился и стал рассматривать залитую лунным светом обитель.

— Вот куда люди сами бегут от жизни и хоронят себя заживо! Хороша, верно, их доля, если они в этой тюрьме находят утешенье!»

А один из знакомых Ленина А. А. Беляков описал поездку Владимира Ильича с товарищами (среди которых был и Беляков) по Волге и реке Усе. «Ему давно хотелось познакомиться с крестьянином Василием Князевым и сектантами Амосом из Старого Буяна и Ерфилычем из села Кобельмы. Самым наболевшим вопросом для Амоса и Ерфилыча, самым острым их желанием уже давно было «придумать такую простую веру, без всякого обмана, которая бы сразу всех людей сплотила в единую братскую семью и тем уничтожила всю неправду и народила бы рай на земле, всю бы жизнь перекроила». Вопрос о такой вере был основным делом для обоих друзей, Амоса и Ерфилыча, неустанных пропагандистов против обманов церкви и неправды житейской. Владимир Ильич очень популярно, весьма убедительно и чрезвычайно просто разъяснил, что «веру нельзя придумать, сочинить. А если веру придумать, и даже очень

хорошо, как это сделал граф Толстой, то эта вера не изменит человеческих отношений, а, наоборот, человеческие отношения, вернее хозяйственные нужды, хозяйственные отношения могут изменить всякую веру, приспособить ее для нужд хозяйства без всякого труда. Владимир Ильич так удачно иллюстрировал свои мысли рядом ярких и простых примеров, что оба сектанта, всю жизнь исходившие в своих рассуждениях из Библии и Евангелия и придумывавшие веру, как-то сразу молниеносно просияли. Они поняли, что вера, как и бог, сотворены людьми.

«А мы-то, дураки, целую жизнь ухлопали на то, чтобы верой жизнь перекроить. А оно, действительно, совсем просто, наоборот?»

Провожая Владимира Ильича с товарищами, Амос все время твердил про себя: «Эх, в рот тебе ситного пирога с горохом, в одночасье веру псу под хвост, всю душу переворотили..»

Ленин еще в юности понял, что религия возникает не сама по себе, а при определенных условиях жизни. Если веру придумать, то она все равно будет бессильна, ведь жизнь течет и развивается по своим законам; хозяйственные нужды, а не религия меняют человеческие отношения. Условия жизни определяют сознание человека, поэтому тяжелая жизнь людей делает их восприимчивыми к вере в бога. Иными словами, — где страдания, там и религия.

Когда Ленин жил в Петербурге (1894–1897 гг.), он руководил «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и сетью рабочих кружков и воскресных школ; Н. К. Крупская тоже принимала самое активное участие в этой работе.

В воспоминаниях о В. И. Ленине она писала об одном рабочем, который «только на страстной неделе узнал… что бога нет, и так легко стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим, — тут тебе податься некуда, рабом человеческим легче быть, — тут борьба возможна…» Пожилой рабочий толковал, что никак он из церковных старост уйти не может, «потому что больно попы народ обдувают и их надо на чистую воду выводить, а церкви он совсем даже не привержен и насчет фаз развития понимает хорошо».

В этих высказываниях рабочих отношение к религии стоит в связи с вопросами общественной борьбы. Именно так эти вопросы всегда ставились и решались Лениным.

В дни революции и гражданской войны Ленин часто сталкивался с влиянием религии на народ и с ее ролью в классовой борьбе. Ленин, как народный вождь и как глава государства, руководивший борьбой двух мировоззрений — коммунистическим и религиозным, в то же время нередко сам

принимал участие в пропаганде антирелигиозных убеждений, стараясь помочь темному народу избавиться от религиозного дурмана.

Летом 1917 года Ленин довольно часто выступал на митингах рабочих и солдат с балкона дворца Кшесинской на Петроградской стороне в Ленинграде. В этом дворце помещался тогда Центральный Комитет партии.

Тысячами стекался народ к дворцу Кшесинской, и все жадно ловили каждое слово Ленина, впиваясь в него напряженными взорами. Его страстная убежденность покоряла сердца людей. Он говорил с характерными для него жестами, говорил глубоко продуманные слова, с железной логикой развертывая перед слушателями причину происходящих событий, и всем делалось ясно, что другого пути к победе пролетариата нет и не может быть, кроме указанного им — Лениным.

И вот во время одной из страстных речей Ленина из толпы вдруг раздался голос:

— А в бога-то ты веруешь, антихрист?

Это крикнул разгневанный священник, и Ленин тут же ему ответил с насмешкой:

— Бога бойся, царя чти, не так ли, батюшка?.. Но я царя не чту и бога не боюсь! Вот послушайте, товарищи, почему и отчего я не верю… — И в ярких выражениях

товарищ Ленин разоблачил всю «небесную механику». При общем смехе разбитый в пух и прах попик поспешил скрыться. А рабочие еще долго обсуждали слова Ильича и решили:

— Царь и бог — одного поля ягодки. Оба для обирания и порабощения нашего. Долой религиозный обман!

Позднее, во время гражданской войны, на прием к Ленину в Кремль пришла группа крестьян-ходоков. После окончания беседы, собираясь уходить, крестьяне задержались у порога. Ленин заметил, что они нерешительно мнутся и, видимо, хотят задать какой-то вопрос. Он обратился к ним:

— Что еще, товарищи? Говорите смело.

— Вот спросить хотели, — ответил один из них, — не обессудь только! Говорят, что ты в бога не веруешь и не молишься никогда. Правда это?

Ленин улыбнулся и ответил:

— Грешен, — в бога не- верую и драгоценное время на поповские молитвы не трачу. Да и вам не советую! А по чему так —садитесь, разъясню.

Ильич усадил опять стариков, запер двери, чтобы не мешали беседе, подсел поближе к крестьянам и повел речь.

Через полтора часа, не раньше, вышли мужики от Ильича.

Словно подменили людей! Лица светятся какой-тс новой мыслью, удивлением и благоговением.

— Да, ловко нас богом опутывали! — произнес один из них. Теперь прозрели.

Всю жизнь Ленин боролся против всех форм угнетения, в том числе и против духовного угнетения народа. При нем борьба коммунизма с религией стала насущной задачей борьбы за лучшую жизнь.

Ленин считал, что идея бога всегда усыпляла и притупляла человека, делала его пассивным, терпеливым ко всем невзгодам жизни. Идея бога — это идея рабства. Понятие народных масс о боге, говорил Ленин, «это тупость, темнота, забитость, совершенно так же, как народное представление о царе, о лешем, о таскании жен за волосы».

Ленин считал религию фантастическим мировоззрением, следовательно, антинаучным и по содержанию своему ложным. Он впервые раскрыл ее источники и корни — экономические и исторические.

Ленин отрицал, что религия держится исключительно на невежестве людей и доказывал, что прежде всего религия коренится в условиях их жизни. Произошла она от бессилия первобытного человека перед силами природы, а держится благодаря кажущейся полной беспомощности трудящихся масс перед силами капитализма, «который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войны, землетрясений и т. д. — вот в чем самый глубокий современный корень религии», — писал В. И. Ленин.

Страх перед слепой силой капитала, перед возможным ухудшением жизни, безработицей, голодом и нищенством, заставляет уповать на бога. Маркс и Энгельс красочно назвали религию «вздохом угнетенной твари». Этот страх перед возможным еще большим ухудшением положения с сознанием своего бессилия «неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»

Но Ленин говорил только об относительном бессилии. И дикарь боролся по мере своих сил с природой, и только благодаря этой борьбе он выжил. Трудящееся человечество также боролось против угнетателей и могло идти вперед только благодаря классовой борьбе.

Маркс назвал религию опиумом для народа. Настоящий опиум действительно усыпляет человека, заглушает боль,

навевает сладкие сны, дурманит сознание так, что человёк забывает о действительности. Религия утешает верующих, они в молитве забывают свою тяжкую долю и отдыхают в мечтах о «загробной жизни», где будут счастливы. Ленин называл религию негодным продуктом негодного общественного строя и родом духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь. А «кто утешает раба, вместо того чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам», что и делает религия.

В борьбе за коммунизм, считал Ленин, религия постепенно преодолевается и отмирает совсем в коммунистическом обществе. Борьба же против религии способствует успешности борьбы за коммунизм. Поэтому необходима антирелигиозная пропаганда и борьба против религии, но с условием, что она будет только составной частью общей борьбы и будет подчинена общим задачам классовой борьбы пролетариата за коммунизм.

Марксизм и коммунизм есть материализм, поэтому он беспощадно враждебен религии. Отсюда следует, писал Ленин, что «мы должны бороться с религией» и что «это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма». Духовенство приспосабливается к обстоятельствам. Оно уже не проповедует, что труд — это божье проклятье и что на земле нельзя достичь счастья; оно даже согласно, что надо строить коммунизм. Церковь готова отказаться и от библейской сказки о сотворении мира богом в шесть дней, чтобы доказать, что религия не противоречит науке, но всеми силами отстаивает превосходство религиозной морали. В новых для себя современных условиях церковь, чтобы добиться отклика в душах верующих, умело воздействует на их эстетические чувства торжественными богослужениями, обрядами, праздниками, старается удовлетворить их потребность в красоте стройным хоровым пением и внешним благолепием Многие верующие как бы загипнотизированы религией, и этот гипноз тормозит пробуждение их сознания. А некоторые священники до сих пор упорно продолжают внушать, что всякое умствование «от сатаны», повторяя старинное церковное правило: «Не чти много книг, да не впадеши в ересь». Но эти старания духовенства бессильны, наука быстрыми шагами идет вперед. И по мере продвижения к коммунизму, как и предсказывал Ленин, религиозность среди населения падает.

Карликовое государство. Ватикан создал Муссолини

В середине XIX века все силы реакции объединились для борьбы с коммунизмом. Одной из этих реакционных сил был Ватикан, с папой Пием IX во главе. Папа требовал применения против рабочих в католических странах самых жестоких мер. Он выпустил послание, в котором проклинал рабочих, демократию, науку, искусство и коммунизм. Он писал: «Долг каждого власть имущего оказывать решительное противодействие всем революционным течениям. Если один из господствующих делает некоторое облегчение массам, то этим он подрывает не только свои собственные права, но и права других господствующих».

Мы уже видели, что католическая церковь во главе с папством всегда была врагом прогрессивной мысли и даже идей утопического социализма. Томмазо Компанелла за свои идеи просидел десятки лет в тюрьме, преследуемый монахами. Томаса Мюнцера жестоко травило духовенство. Жан Мелье — первый коммунист и утопист XVIII века — покончил жизнь самоубийством, затравленный католической церковью. Учение же Карла Маркса и Фридриха Энгельса, создавших теорию научного коммунизма и доказавших неизбежность социалистической революции, вызвало жгучую ненависть и злобу римского папы и всех церковников. Но когда в 1848 году по всей Европе прокатилась волна революций и рабочие показали себя могучей революционной силой, тогда восстали и подданные папы в Папской области.

Они требовали конституции и удаления от власти иезуитов. «Святейший» папа испугался не на шутку и даже бежал из Рима. Вернулся он лишь через год, в 1850 году, под защитой французских войск Наполеона III.

Его авторитет сильно пошатнулся, но только через 20 лет, в 1870 году, на Ватиканском соборе был поставлен вопрос о принятии догмата о «непогрешимости» пап. Об этом римские папы мечтали чуть ли не с XI века, но этому всегда сопротивлялись и короли, и герцоги, и сеньоры, и крупное духовенство.

И когда этот вопрос обсуждали на соборе, с протестом выступил хорватский епископ Штроссмайер, говоря, что всей воды реки Тибра не хватит, чтобы смыть позорные пятна со страниц истории папства. Но, несмотря на подобные выступления, догмат «о непогрешимости» был принят.

В Риме началось восстание, и когда французские войска ушли из Италии, народ во главе с Гарибальди сверг папскую власть. Пий IX был бессилен. Он проклял народ, лишивший его власти, а потом объявил себя «ватиканским узником» и поклялся, что ни он, ни его преемники не выйдут за стены Ватикана, пока власть папы не будет восстановлена. Так называемое пленение пап продолжалось 59 лет. Только в 1929 году фашистский диктатор Италии Муссолини выделил часть Рима, назвал ее «государством Ватикан» и признал папу независимым главой этого государства.

Для католиков всех стран как прежде, так и теперь «все дороги ведут в Рим». Каждый католик обязан прежде всего любить Рим. Он может не подчиняться правительству своей страны, но Рим — его первое отечество, и он, если понадобится, должен отдать свою жизнь, пролить свою кровь за римского папу, за Ватикан, за свою веру. Хотя надо сказать, что теперь уже многие католики освобождаются от духовного гнета пап и начинают понимать, что никакое благоденствие невозможно «в аду живых».

Папа и Ватикан по-прежнему называют себя «рабами рабов божьих». И, как Огромная давящая сила, до сих пор стоит папское государство — Ватикан — над всеми католическими нациями.

Ватикан — это единственная на земном шаре абсолютная монархия, где римскому папе принадлежит огромная власть: законодательная, судебная и исполнительная. Эту власть символизирует тройная папская: иара (корона). Ватикан — самое маленькое государство в мире. Оно имеет всего около 1000 человек подданных, но у него есть своя армия (115 человек), своя полиция (100 человек) и две почетных гвардии — аристократическая (100 человек) и буржуазия (500 человек).

Ватикан — церковное государство, и нет в нем ни рабочих, ни крестьян, ни промышленности, ни сельского хозяйства. Но зато оно имеет свою электростанцию и свою железную дорогу. Длина этой железной дороги всего несколько сот метров, но она соединяется с сетью итальянских железных дорог.

Территория этого крохотного государства равна только 44 гектарам, но оно имеет свои денежные знаки, свои почтовые марки и свою ежедневную газету «Римский наблюдатель». В этом государстве есть одна средняя школа для детей, одна тюрьма и только одна радиостанция, но зато ее передачи ежедневно разносятся по всему миру на разных иностранных языках.

Это карликовое государство помещается на правом берегу Тибра на холме Ватикан и состоит из папских дворцов, садов, трех десятков домов, собора «Святого Петра» и площади перед ним.

Более тридцати буржуазных капиталистических государств из уважения к католической церкви имеют в Ватикане своих послов. Это удобная нейтральная территория, где представители различных стран могут свободно встречаться для переговоров, заключения политических сделок и получения сведений. Это международный центр политических интриг, и все, что здесь делается, можно всегда оправдать интересами религии, «защитой христианства» и тому подобными благочестивыми выдумками.

Ватикан имеет во всех странах свою разведку. В газете «Нью-Йорк Тайме» (12/V 1940 года) американский епископ Райен писал, что для Ватикана «тысячи хорошо образованных официальных и неофициальных лиц и дипломатов непрерывно собирают сведения относительно общественного мнения, каждый работая в своей области…» и что «ватиканская разведка. — лучшая в мире. Ее разведчики — это представители католического духовенства, находящиеся в соприкосновении во всех странах мира с людьми разных социальных слоев». Они не брезгуют и тем, чтобы на исповеди выведывать у верующих различные политические и экономические сведения.

Всем управляет папа, и все учреждения Ватикана, которые в совокупности называются «римской курией», подчиняются ему. Римская курия состоит из 12 постоянных комиссий (конгрегации), ведающих различными областями деятельности (подобие министерств в миниатюре), трех трибуналов и шести канцелярий. Все они возглавляются кардиналами. Но «священная канцелярия» или «верховная конгрегация инквизиции» и «конгрегация по делам восточной церкви» — возглавляются самим папой.

Инквизиция 20 века. Галан

Как ни дико это звучит, но инквизиция существует и в XX веке. Последний костер инквизиции, на котором сожгли живого человека, был зажжен в Испании в 1826 году, и через 70 лет папа Лев XIII еще воспевал в печати «благословенное пламя костров» и «выделяющегося разумностью своей ревности» жестокого фанатика Торквемаду. А теперь, хотя чад инквизиторских костров ушел в далекое прошлое, инквизиторский дух остался, и деятельность «священной конгрегации», как и раньше, состоит в «очищении» церкви от «еретиков».

Всех подозреваемых в ереси судят судом конгрегации и отлучают от церкви. «Опасные» книги осуждают и запрещают, прогрессивных деятелей всячески преследуют. Особенно же Ватикан не терпит социалистов и коммунистов. 1 июля 1949 года современная инквизиция опубликовала декрет об отлучении от церкви коммунистов, а также всех сочувствующих и помогающих коммунистическим партиям и даже всех читающих их газеты. Принимая этот декрет, кардиналы заявили, что это делается в интересах веры и нравственности. Инквизиция же приказала итальянскому священнику Андреа Гаджеро не принимать участия в борьбе в защиту мира, а когда он отказался выполнить приказ церкви, его лишили духовного сана.

По мере надобности современные инквизиторы в образе миссионеров и монахов применяют иногда убийства «без пролития крови».

Бывают случаи убийства и с пролитием крови. Например, в Советском Союзе в городе Львове в 1949 году произошло убийство писателя Ярослава Александровича Галана. Родился он и вырос в Галиции, Октябрьская революция застала его на Дону, а в 1918 году он вернулся в родные края. Молодой писатель стал выступать против угнетения украинского народа в панской Польше. Гневные памфлеты, острые сатиры и обличительные статьи писал Галан против папы и Ватикана после освобождения Западной Украины. 13 июля 1949 года папа Пий XII отлучил Галана от церкви. В ответ на это Галан написал памфлет «Я и папа».

«Пастырю пастырей не оставалось ничего другого, как отлучить меня от церкви», — писал Галан. — «Единственное мое утешение в том, что я не одинок: вместе со мной папа отлучил по меньшей мере триста миллионов человек, и вместе с ними я еще раз в полный голос заявляю: «Плюю на папу!»

24 октября 1949 года во Львове на квартиру писателя,

депутата Верховного Совета СССР Ярослава Галана пришли два «студента» с просьбой помочь им перейти в другой вуз. Галан сидел за своим письменным столом. Во время разговора один из студентов неожиданно ударил писателя топором по голове. На столе лежала незаконченная рукопись, которую Галан посвящал 10-летию воссоединения украинских земель. Кровь брызнула на листы рукописи. Галан был убит. Рукопись хранится теперь в Музее истории религии и атеизма Академии наук СССР в Ленинграде.

На судебном процессе выяснилось, что под видом студентов к Галану проникли нанятые Ватиканом бандиты: Стахур и Лукашевич — сын священника Дениса Лукашевича. На вопрос прокурора:

— Кто вами руководил?

Они ответили:

— Высшие чины церкви.

— А еще выше?

— Ватикан.

На вопрос, почему они убили именно писателя Ярослава Галана, обвиняемый Лукашевич ответил:

— Галана нужно было убить, потому что он выступал против Ватикана.

А убийца Стахур сказал:

— Мы получили задание убить Галана, потому что он был страшен Ватикану.

Следовательно, в XX веке, как и в средние века, папа римский и католическая церковь пользуются инквизицией, чтобы убирать с пути неугодных им людей.

Деятельность «Конгрегации по делам восточной церкви» носит чисто политический характер. Она была создана в 1917 году с целью распространения католичества в восточных странах. Но с первого же дня своего существования она стала центром интриг против Советского Союза. Декреты, принятые Совнаркомом, об отделении церкви от государства и школы от церкви вызвали лютую ненависть Ватикана, и он поставил перед собой задачу во чтобы то ни стало отстоять капитализм, который пошатнулся под ударами революционного рабочего движения.

С 1918 года епископ Ратти, посланный папой в Польшу, по его указанию начал активную деятельность для подчинения православной церкви Ватикану — в Польше, Прибалтике и на Балканах… С той же целью в Западной Украине митрополит Шептицкий организовывал всевозможные антисоветские заговоры и провокации. Для заключения унии с грузинской церковью папа послал своих людей в Грузию и всячески поддерживал в СССР

белогвардейцев и интервентов во время гражданской войны.

В 1923 году папа обещал отпущение грехов всем верующим, которые будут триста дней молиться за спасение России от коммунистов. А когда в Италии появился фашист Муссолини, папа объявил, что он является человеком, ниспосланным божественным провидением, и проповедовал, что ни один верный католик не может быть социалистом.

В 1928 году была учреждена в Ватикане коллегия Руссикум, целью которой было создание и обучение шпионов и диверсантов для посылки в Советский Союз. Набирались они из бежавших за границу белогвардейцев и эмигрантов. В сентябре 1951 года сообщалось, что для практических занятий учеников Руссикума иезуиты завладели одним из аэродромов на Аляске, чтобы там, вдали от посторонних глаз, проводить свои отнюдь не духовные «учения». В римской газете «Джорнале делла сера» был передан разговор с директором Руссикума, иезуитом-профессором Густавом Веттером, под заглавием «В коллегии Руссикум отважные учатся падать с неба». В этом разговоре иезуит объяснял, что воспитанники Руссикума, как миссионеры, понесут слово божие в Россию и для этого обучаются прыжкам с парашютами.

В 1930 году папа призывал весь капиталистический мир к «крестовому походу» против коммунизма. Следующий папа, чтобы приглушить революционное брожение в Европе, опубликовал в 1931 году послание, с попыткой доказать, что труд без капитала бессилен, и поэтому должно существовать тесное содружество между трудом и капиталом, между рабочими и капиталистами.

Всеми средствами папа старался помешать приему Советского Союза в Лигу наций, а с 1936 года все католическое духовенство призывало верующих во чтобы то ни стало поддерживать Гитлера, и папа Пий XI в послании против коммунизма провозгласил «божественность капитализма». Накануне второй мировой войны папа Пий XII делал все, чтобы натравить на Советский Союз фашистов и развязать войну в форме крестового похода против коммунистов. Во время войны Ватикан приказал ксендзам всего мира оказывать Гитлеру моральную поддержку и никогда не выступал против зверств гитлеровцев на оккупированных территориях. После поражения фашистов Ватикан выступил против суда над военными преступниками и призывал к милосердию и снисходительному обращению с ними.

Союз Ватикана с империалистами в их общей борьбе против стран демократии не случаен. Ведь Ватикан является одним из

крупнейших мировых банкиров. Его капиталы в размере сотен миллиардов долларов вложены в банки всех капиталистических стран. Только в банки и в предприятия США вложено 35 миллиардов. Жадность римских пап и Ватикана так же безгранична, как и в средние века. Им мало доходов, которые они получают в виде процентов с капитала, поступающих со всех концов света, и они по-прежнему организуют грабительские поборы со всех верующих католиков. Знаменитый «петров грош» — пожертвование, собираемое в церквах с прихожан в помощь папскому престолу, — дает в год многие сотни тысяч лир. Так же продажа индульгенций, вернее, продажа прав на преступления с портретом папы на грамоте, тоже до сих пор является не последней статьей дохода, тем более, что их можно купить не только для себя, но и для всех родных до третьего поколения включительно.

Интересно, что когда в Польше в 1946 году был приговорен к смерти бывший гитлеровский наместник Грейзер, посылавший на смерть десятки тысяч невинных людей, папа римский прислал ему грамоту с «отпущением грехов». А в 1951 году такую же грамоту получил Освальд Поль, всэсовский генерал, по приказу которого строились крематории в лагерях смерти — Бухенвальде и Дахау. Освальд Поль собственноручно истязал беспомощных узников и сотнями посылал юношей, мужчин и женщин в вечно пылающие крематории. Характерно, что папа Пий XII взял этого преступника под свою защиту и отпустил ему грехи. В папской грамоте было написано: «Святой отец, движимый отеческой любовью, шлет Освальду Полю просимое апостольское благословение как знак небесного утешения».

Большие доходы приносит и празднование «святого года». 1950 год был тоже объявлен «святым». В ожидании большого притока в Рим кающихся грешников, здесь были выстроены специальные гостиницы, создано туристское учреждение, под названием «Святой год», организованы юбилейные торжества и продажа всяких реликвий — все для выколачиванья денег у верующих. Но на этот раз доходы были меньше, чем ожидал Ватикан.

Разум — враг веры

Сотни пап в течение девятнадцати столетий в Риме сменяли друг друга. Поддерживаемые огромной армией епископов, кардиналов, аббатов, монахов, они все это время пользовались невежеством народов для достижения своих целей и сами сеяли невежество. На протяжении всей истории они были против науки, против образования и даже против распространения грамотности, потому что грамотному, образованному человеку труднее внушить веру в бога, в их собственную святость и в церковные «чудеса».

Но теперь, чтобы не отстать от века, в Ватикане с 1936 года имеется собственная Академия наук. В ней трудятся любовно взращенные церковью ученые, которые стараются все новые открытия и достижения науки объяснить в интересах религии. Когда была открыта атомная энергия, опровергнуть ее существование было невозможно. Пришлось признать ее и католическим ученым, назвавшим ее «божественной эманацией», то есть излучением божества. Этим самым они благословили и атомную бомбу, которая создана для уничтожения тысяч людей.

Так Ватикан всячески старается доказать союз науки и религии. Открыто выступать в настоящее время против науки было бы смешно, и еще в 1939 году папа Пий XI заявил, что вера — это друг разума, а церковь — друг науки; церковь уважает свободу науки, ее методы и принципы и вмешивается только для того, чтобы спасти ее от ошибок против веры. Такими ошибками церковь считает «безбожный материализм» и «заблуждения» коммунистического учения. Поэтому основной задачей церкви в настоящее время является борьба с этими антихристианскими силами.

Еще в 1950 году папа Пий XII издал послание «О происхождении человека», в котором объявлял, что эволюционное учение Дарвина о развитии животного мира и происхождении человека является выдумкой; религия же обязывает верить в непосредственное создание живых существ богом. Папа повторяет библейскую сказку о том, что бог вылепил Адама из глины и вдохнул в него жизнь, и доказывает, что все страданья и несчастья, которые испытывают трудящиеся в капиталистических странах, вполне закономерны, потому что этим люди искупают «первородный грех» своего прародителя Адама. Этой библейской сказкой католическая церковь старалась оправдать и защитить все зло капитализма.

Но уже несколько лет спустя папа и Ватикан стали допускать

эволюционное учение Дарвина. Они признали, что тело человека могло произойти путем эволюционного развития животного мира на Земле, но настаивают на том, что в это тело душу вдохнул бог. У животных же души нет. Однако в США до сих пор в двенадцати штатах официально запрещено преподавание учения Дарвина.

Надо сказать, что, кроме католицизма, все остальные религии — протестантство, православие, ислам, буддизм, иудаизм — также твердо стоят на том, что душа человеку дана богом.

Ватикан всячески поддерживает империалистов, следит, чтобы в литературу, в газеты и журналы не проникала коммунистическая пропаганда, издает целые списки запрещенных книг, преследует коммунистов и играет роль полицейского на идеологическом фронте борьбы.

Под контролем Ватикана находятся 782 радиостанции, расположенные в разных странах. Кроме радио, Ватикан контролирует кино и пользуется его услугами. Для этого был организован католический центр кинематографии, который стремится устроить кино в церквах, монастырях и духовных школах для пропаганды религиозных идей. В выпускаемых им картинах воспеваются «деяния» иезуитов, испанских колониальных завоевателей и инквизиторов — этих «кротких агнцев», — восхваляется Ватикан и, конечно, папа. Например, был фильм, прославляющий папу Пия XII как «ангельского пастыря».

Во многих странах католическая церковь добилась права цензуры кинофильмов. В Италии сам папа является главным цензором кино. В апреле 1953 года папа Пий XII говорил итальянским артистам: «Артисты должны быть передатчиками бесконечного совершенства бога, передавать не только человеческое, естественное, но идеальное. В артисте должна жить религия. Цель артиста — воспитывать склонность и веру в нематериальность души, искать бога в человеке и природе, не пытаться показывать человека без бога и природу без творца. В этом правда искусства».

Телевидение используется Ватиканом с той же целью, что и кино: не только для пропаганды, но и для приманки людей в лоно церкви, потому что, несмотря на все усилия духовенства, религиозность среди католиков падает. Например, чтобы привлечь в церковь прихожан, католический епископ в Чикаго Бернард Шил распорядился установить в церквах телевизоры и вести там передачу футбольных матчей.

В Риме в марте 1961 года католическая организация «Прочивитате кристиана» объявила конкурс на создание 16 песен религиозного содержания, они должны быть проникнуты христианским духом и вдохновлены Евангелием, но форма их

исполнения должна быть ультрасовременной. Их ритм может быть любым — от чарльстона до рок-н-ролла, — лишь бы привлечь молодежь.

С той же целью «святые отцы» в Англии разрешают молодежи кривляться и танцевать модные танцы в приходских помещениях, играть там в пинг-понг и бадмингтон. И все же количество прихожан сокращается.

Английская молодежь любит петь и танцевать, но во многих дансинг-холлах надо платить за вход, в церквах же на танцы вход бесплатный, за это надо только посещать воскресные богослужения. Сами епископы не отстают от моды и вместе с молодежью танцуют рок-н-ролл и твист. Епископ Гилдфорда Рейндорп с радостной улыбкой танцует твист на устроенной им вечеринке, как пишет газета «Дейли экспресс», чтобы набрать добровольцев для ремонта церкви.

Чтобы Библия читалась как живая книга, а не представляла собой ненужное и отжившее прошлое, в Англии было решено ее обновить. С этой целью над ней 13 лет трудились переводчики, стараясь вдохнуть жизнь в то, что никакие силы уже не могут возродить. Библию издали в изящных пестрых переплетах, и она заполнила книжные полки английских магазинов. Но никто ее не покупал: стоило только снять покровы непонятности и загадочности, как в ней ничего не осталось.

Слабо действуют и другие методы укрепления веры — привлечение современных художников к украшению храмов и современная пропаганда закона божьего. Например, в соборе в Кардифе продавались «Книжки-малышки», красочно изданные, с прекрасными иллюстрациями. На первой странице толстый буржуй спрашивает: «Куда ты стремишься? К богатству?» Дальше забавный карлик задает вопрос: «Стремишься ли ты к славе?» И после многих философических раздумий — концовка: «Если ты стремишься к богу, — тогда ты спасен!»

Но желающих спастись делается все меньше и меньше! В США религиозное учение настолько рьяно насаждается в высших учебных заведениях, что даже президент одного из лучших колледжей Америки—Уитона — преподобный Виктор Эдман заявил: «Иисус не счел нужным говорить с нами по вопросам науки». А в американской печати мы не найдем ни одной статьи, обсуждающей преимущества молитв перед медициной или религиозных предрассудков перед новейшими данными науки.

Никому и в голову не придет проверить умственные способности человека, который, выступая по радио перед многомиллионной аудиторией, серьезно рассуждает о внешнем облике дьявола или о том, могут ли ангелы жениться.

Утром 12 февраля 1961 года по всем Соединенным Штатам Америки транслировалась мощной радиостанцией лекция одного из американских просветителей: «Небеса превыше звезд, и поэтому они расположены за пределами вселенной. Ангелы, путешествующие с неба на землю, должны пролетать мимо бесчисленных небесных тел… Останавливаются ли они на других планетах? Живут ли они на них? Это интересные вопросы, хотя мы не можем на них ответить. Ясно одно: ангелы могут передвигаться со скоростью, превышающей скорость света… Ангелы не вездесущи. В одно и то же время они могут быть только в одном месте. Даже дьявол не вездесущ».

Можно только удивляться, что в наш век электроники и атомной энергии американские «просветители» сохранили в такой первобытной чистоте мировоззрение средневековых схоластов.

Привлечь к религии стараются в учебных заведениях, по телевидению, в кино и по радио, потому что в наше время в сердцах и в умах людей все больше начинают побеждать коммунистические идеи. В мире сейчас стоят лицом к лицу два непримиримых мировоззрения — коммунистическое и религиозное. Одно обещает народам счастье на земле, другое—на небе; одно призывает к борьбе, другое — к покорности и терпенью, одно толкает народы вперед, другое — тянет человечество назад. Примирить эти два учения невозможно. И победит в этой борьбе, конечно, более прогрессивное, то есть коммунизм.

Теперь наша православная церковь допускает возможность строительства коммунизма, но, как и католическая, защищая религию, проповедует, что без веры в бога, без страха перед его наказаньем за грехи не будет нравственности, потому что правила морали, правила поведения человека в среде себе подобных даны богом, внушены религией, и без нее люди превратятся в преступников.

Правильно ли это?

Что такое нравственность

На разных стадиях культуры человек имел разные правила нравственности. В средние века человек ценился по своей родословной, в странах капиталистических — по количеству денег. А в социалистических государствах человек имеет цену только как человек.

Такое различие происходит оттого, что нравственность, или мораль, человека не дана свыше богом раз и навсегда, как проповедует религия, а изменяется и развивается соответственно с историческим развитием народов.

Провозглашенная именем бога, религиозная мораль не может подлежать критике, потому что она от бога, следовательно, «священна». Основой всякой религиозной морали (иудейской, христианской, мусульманской, буддийской) является стремление к личному спасению в «загробной жизни», только пути к этому спасению в разных религиях не одинаковы. Если в иудейской религии для этого надо строго соблюдать «субботний покой», то в христианской — надо праздновать воскресенье, в мусульманской — пятницу.

Также расходятся предписания религий относительно постов, правил богослужения, состава молитв и т. д.

Во всех четырех религиях, которые называются мировыми религиями, проповедуется покорность и смирение перед богом и властями земными. И требуется это только для того, чтобы в награду за терпенье и покорность в земной жизни получить «на том свете» покой, счастье, высокие титулы и неограниченную власть. Христос обещает кротким, что «они наследуют землю», а изгнанным за правду — царствие небесное. Буддисты обещают в загробном мире власть и знатность, каждому праведнику будут подвластны по две тысячи миров. А у мусульман аллах говорит Магомету: «Мы вас испытываем страхом и голодом, потерями в ваших благах, в ваших людях, в ваших жатвах. Но ты, о Магомет, возвести счастливые новости тем, которые терпят1»

Иудейся религия на много веков древнее христианства и мусульманства, и основные положения иудейской религии входят и в христианство, и в мусульманство. В вероучении иудеев насчитывается 248 велений, в которых говорится о том, что надо делать, и 365 запрещений, в которых говорится о том, что запрещается делать. Все они свидетельствуют, что в эпоху их составления, в глубокой древности, у иудеев существовало рабство и все несправедливые рабовладельческие законы объявлялись от имени бога.

Еврейские раввины и христианские священники, считая себя учителями нравственности, обыкновенно ссылаются на 10 заповедей, которые будто бы были даны богом Моисею на Синайской горе. Между тем все законы, и в данном случае Моисеево законодательство, то есть «заповеди», возникли из существующих обычаев и принятых порядков среди народов того времени. Так заповеди: 5-я «Почитай отца и матерь твою..», 6-я «Не убий», 7-я «Не прелюбо-сотвори», 8-я «Не укради», 9-я «Не произноси ложного свидетельства» и 10-я «Не желай дома ближнего твоего…» были повторением уже сложившихся правил поведения людей в древних государствах. По жестоким законам Моисея за неисполнение некоторых предписаний полагалось телесное наказание или смертная казнь. Например, с современной точки зрения совершенно бессмысленное предписание: «Берегись восходить на гору (Синай) и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, будет предан смерти». Или: «Кто злословит отца своего или мать свою, того должно предать смерти». Или: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Это было узаконение обычая кровной мести, сложившегося еще в первобытном родовом обществе, которое никак не может считаться нравственным правилом поведения людей. Этот кровавый обычай только разжигал вражду между отдельными семьями и родами.

По христианской религии, первичная мораль была дана богом первым людям Адаму и Еве, когда бог запретил им «вкушать плоды от древа познания добра и зла, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».

Этим предписанием церковь всегда оправдывала свое враждебное отношение ко всякому знанию, к науке и просвещению.

По Библии Авраам был рабовладельцем, следовательно, «священное писание» не находило в рабстве ничего предосудительного, и многоженство тоже считалось нравственным. Интересно, что православная церковь с одной стороны признает эту староиудейскую мораль истинно богом данною, а с другой — противопоставляет себя иудейству и всем другим вероучениям.

Христианская мораль основывается на том, что человек состоит из двух начал: 1) физического, греховного, смертного и 2) духовного, бессмертного — души; затем — на существовании «загробной жизни», на том, что будет «страшный суд», после которого осужденные будут вечно мучаться в аду, а праведники

наслаждаться в раю; и на том, что когда-нибудь вся вселенная исчезнет — наступит «конец света». Многие отцы церкви понимали всю фантастичность этих положений и поучали, что стремление к знанию надо подавлять стремлением к спасению души, что постичь догматы веры силой разума невозможно. Таким образом, первым правилом христианской морали является предписание, что надо верить во все, что проповедуется религией, и не рассуждать.

Второе правило предписывает: надо быть смиренным и покорным земным властям. Итак, религия внушает, что вера превыше всего, выше разума, что вечная загробная жизнь превыше скоропреходящей земной жизни. А чтобы достичь вечного блаженства после смерти, надо исполнять христианские нравственные предписания. Как ни странно, но среди этих предписаний больше всего имеется указаний на питание человека. Например, если человек питается только хлебом и водой, то это угодно богу и человек спасет свою душу. Если он ничего не ест целыми неделями, то это уже нравственный подвиг. Моисей голодал 40 дней, перед тем как получить закон от бога на горе Синай. Христос голодал каждый раз перед своей беседой с богом.

Одним из главных показателей нравственности считалось соблюдение всех предписанных христианством многодневных и однодневных постов. Основной особенностью христианской морали является самоистязание и аскетизм, то есть подавление всех желаний и добровольное мученичество. Одни подвижники носят вериги, другие голодают, третьи бичуют свое тело веревками и даже железными прутьями, четвертые спят в деревянных гробах или молятся по двадцать часов в сутки. Все это считается подвигом благочестия, и многие аскеты зачислены церковью в «святые».

Христианство проповедует и коллективное подвижничество в монастырях. Но всем давно известно, во что превратилась монастырская жизнь и как разбогатели монастыри. Конечно, ни о каком подвижничестве и богоугодном образе жизни в монастыре не может быть и речи.

Особенно возмутительна «святая» мораль ордена иезуитов, которым разрешается всякое преступление, если оно сделано «во славу божию». Их мораль оправдывает убийства, кражи, любой обман, потому что «цель оправдывает средства». Недаром теперь слово «иезуит» является нарицательным прозвищем всякого лживого, хитрого и фальшивого человека. А папа римский в конце прошлого века объявил, что с деятельностью иезуитов связаны все интересы католической церкви.

В лютеранстве, в котором упрощен католический культ, где духовенство не обладает никакой особой благодатью и ничем не стоит выше мирян, считается, что человека спасает только вера, без добрых дел. Следовательно, если человек верит в бога, то он может безнаказанно угнетать и истязать другого, не помогать своим ближним и все равно «спасен будет».

Карл Маркс очень метко определил сущность лютеранства: «Лютер победил рабство по набожности только тем, что поставил на его место рабство по убеждению. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов».

Если по мнению православной церкви мораль заключается в подавлении своего тела, то по мнению лютеран это неверно. Тело ни при чем, спастись можно только верой. Если христианская церковь считает, что любовь к ближнему — это основа морали, то иезуиты, наоборот, проповедуют, что все дозволено во славу божию: и убийство, и обман, и ненависть, и месть. Тогда в чем же состоит общая христианская мораль?

Приверженец каждой веры толкует ее по-своему. В мусульманстве, основанном также на вере в загробную жизнь и бессмертии души, на блаженстве праведников в раю и мучении грешников в аду, особенностью морали является высокомерное отношение к женщине, разрешение многоженства и ненавистное отношение к людям других религий, особенно к евреям и к христианам.

Буддизм, как и другие религии, исходит из веры в существование сверхъестественного мира. Жизнь на земле есть страдание, и всякое разумное существо должно стремиться к выходу из этого мира страданий в мир покоя. Для этого надо разумом подавить в себе желание жить, то есть обратиться к созерцанию, к отшельничеству. Во всем живом имеется единое духовное начало, которое никогда не умирает, но меняет формы своего существования. Таким образом, жизнь есть бесконечный круговорот возрождений и перевоплощений. Иными словами — души животных и людей после смерти переселяются в другое существо по определенному правилу. Например, человек праведной жизни возрождается после смерти более высоким существом. И, наоборот, если, например, человек много лгал в жизни, он после смерти возродится в животном.

Из веры в перевоплощение душ вытекает оправдание неравенства людей. Человек в своей жизни несет наказание за то, что в предыдущем воплощении его душа была несправедливой и злой. Если человек богат, то только потому, что до него кто-то, в ком была его душа, жил праведно. Если человек вынужден

работать на хозяина, то, значит, до него кто-то жил неправедно. Поэтому все обездоленные и угнетенные не имеют никакого основания быть недовольными, не имеют права бороться за улучшение своей жизни.

Таким образом, во всех мировых религиях — иудаизме, христианстве, мусульманстве и буддизме — разумный и свободный человек должен превратиться в физического и духовного раба, единственной радостью которого является надежда на лучшую жизнь «за гробом», на «том свете». И только одна коммунистическая мораль требует от человека активной деятельности и борьбы за радостную и счастливую жизнь для всех здесь, на земле.

Религиозные люди говорят, что вера в бога делает людей нравственными, потому что они боятся бога как незримого свидетеля и боятся наказания в «загробном мире». Однако не вера в бога делает людей нравственными; гораздо большее значение имеет общественное мнение и страх наказания людьми здесь, на земле. Христианская религия проповедует, что если ты покаешься в своих грехах, — они тебе простятся. Таинства покаяния и причащения отпускают все грехи, смягчают угрызения совести: не согрешишь— не покаешься, а не покаешься — не спасешься! Иными словами, чтобы спастись, надо каяться, а чтобы каяться, надо грешить. Выходит, что религиозная нравственность — безнравственна. И к тому же она вредна для человечества, потому что заставляет думать только о спасении своей «души» на «том свете».

Эгоистическое стремление к личному спасению, к блаженству в «загробной жизни» составляет основу религиозной морали. Она отвлекает этим людей от земных дел и интересов, делает их пассивными в земной жизни, внушает равнодушие к семье, к труду, к обществу. Если бы человечество следовало всегда внушениям религиозной морали, у нас не было бы ни искусства, ни знаний, ни замечательных достижений науки, потому что и искусство, и наука могут развиваться только благодаря энергии и активности людей.

Французский мыслитель-материалист XVIII века Гольбах писал, что религиозная мораль — это мораль бездельников-монахов и попов, паразитирующих на чужом труде. А французский материалист Гельвеции предлагал сравнить религиозную мораль с моралью природы, которой она всегда противоречит. Природа внушает любовь к жизни. Религия же приказывает любить только бога, питать отвращение к себе и презирать земную жизнь. Природа заставляет человека считаться с разумом и искать истину; религия же внушает, что разум

ошибается, что не надо ничего изучать и исследовать. Гельвеции правильно утверждал, что любовь к ближнему в христианстве является сплошным лицемерием. Это доказывает вся история церкви: крестовые походы, религиозные войны, костры инквизиции, Варфоломеевская ночь.

Лицемерной и вредной религиозной морали коммунисты противопоставляют мораль, требующую деятельности в интересах народа, борьбы за радостную и счастливую жизнь на земле. Коммунизм утверждает, что смысл жизни состоит в свободном и творческом труде человека. Коммунистическое общество — это общество свободных людей, которые трудятся для себя и для общего блага, которые уважают и доверяют друг другу. Для свободного человека труд будет естественной необходимостью, и каждый будет трудиться в меру своих способностей. Один будет художником, другой инженером, третий землепашцем и все будут получать по своим потребностям.

Коммунистическая мораль не признает личной корысти, жажды наживы, вражды и конкуренции, она характеризуется идеей «человек человеку — друг и товарищ», тогда как мораль буржуазного общества отвечает формуле «человек человеку — волк».

Религиозная мораль признает неравенство людей, угнетение слабых сильными, признает национальную и расовую вражду, тогда как мораль коммунистическая призывает советских людей к борьбе с этими пережитками капитализма в сознании людей.

Религиозная нравственность провозглашает священной и неприкосновенной частную собственность и тем самым поддерживает самую существенную основу угнетения и подавления слабых сильными. Коммунисты же учат, что надо развивать и укреплять общественную собственность, которая лежит в основе социалистического государства.

В то время как религия объявляет себя «истинной» и сеет ненависть к людям, которые или придерживаются другой религии, или отвергают всякое религиозное мировоззрение, коммунистическая мораль призывает всех людей к дружбе, к взаимопомощи трудящихся разных наций, к братскому отношению к мирному сотрудничеству народов разных стран. И в то время как религиозная мораль оправдывает захватнические войны тем, что они совершаются «во имя бога» или за «веру», коммунистическая мораль решительно осуждает все несправедливые войны и борется за мир. Коммунистическая мораль предписывает честность и скромность, любовь к родине и к труду, нетерпимость к тунеядцам и карьеристам.

Человек будущего — сегодня

«Сейчас, когда наш народ сооружает величественное здание коммунизма, — говорил Никита Сергеевич Хрущев на XIII съезде ВЛКСМ, — мы не можем не думать о том, какие строители придут нам на смену завтра, чтобы завершить это строительство».

Поэтому партия заботится о воспитании в советском человеке не только честности, но и щедрости в любви к товарищам, к детям, родителям, к семье, не только идейной закаленности, но и жизнерадостности, смелости и любви к труду на благо общества.

Более чем сорокалетняя борьба за эти принципы объединила все усилия партии, школы, литературы, искусства, семьи, каждого человека. Борьба была острая, напряженная, и шла она, да и теперь еще продолжается, с живучими и вскормленными тысячелетиями мещанством, корыстолюбием, собственничеством, эгоизмом.

Мы ничем так не гордимся — ни новыми городами, ни каналами и морями, возникшими в пустынях, ни цветущими садами на суровом дальнем Севере, — ничем так не горда страна, как человеком, все это создавшим. Советским человеком, ставшим для всего мира примером мужества, доброты и честности.

Человек! Его настоящее и будущее, его жизнь и душевный мир — это то самое важное, что стоит в центре всех начинаний партии и социалистического государства. И мы знаем, что он будет самым прекрасным и величественным завоеванием коммунизма. Мы и сейчас уже можем увидеть его так же ясно, как ясно видит рабочий свой завод через двадцать лет, как видит строитель город будущего.

Стоит только повнимательней вглядеться в лица людей, вникнуть в их дела и помыслы, чтобы заметить в наших современниках все качества строителя коммунизма с его светлыми нравственными чертами. Высокие общечеловеческие принципы и то прекрасное в мыслях, в душе и в облике человека, без чего нет и не может быть на земле радости и счастья, предстает перед нами как закон нашей жизни.

Нельзя представить себе человека завтрашнего дня, не видя его прообраз сегодня. Примеры из жизни ярко очерчивают качества современного советского человека, и по этим примерам мы можем судить о людях будущего. Черты характера советского человека проявляются в повседневных, будничных делах. Это те драгоценные зерна, которые рассыпаны всюду. Это коммунистическая идеология, которая утверждает подлинно

человеческие отношения между людьми, между народами и свободную радостную жизнь одинаково для всех! Новый моральный облик советского человека проявляется и в отношениях к общественной собственности.

В жизни очень много примеров добрых, отзывчивых человеческих отношений. О них пишут в газетах, о них говорят люди, их показывают в кинохрониках. Сколько молодых людей, парней и девушек без колебаний отдают свою кровь или ложатся под нож хирурга для пересадки кожи пострадавшему товарищу или ребенку! Сколько людей добровольно бросается в огонь пожара, чтобы спасти женщин, детей, социалистическое имущество, или кидается в воду для спасения утопающих.

Все это было, конечно, и раньше, но в советском обществе эти поступки уже не единичны, а стали нерушимыми жизненными правилами.

Новая коммунистическая мораль, отбросив все религиозные предписания, делает человека чутким и отзывчивым, трудолюбивым и честным.

Поэтому человек коммунистического общества через 20, 30, 50 лет будет чем-то походить чистотой души, бескорыстием, потребностью помочь человеку и на молодого рабочего из Чувашии, который предлагал свой здоровый глаз для пересадки ослепшему герою Отечественной войны, и на отказавшегося от этой жертвы полковника, такого волевого и мужественного. Он будет походить и на стрелочницу, которая бросилась на рельсы спасать чужого ребенка, попала под поезд и осталась без ног… и на ученого с его широтой мысли и горячей одержимостью в познании истины. На прядильщицу, которой трудовые успехи всей фабрики были дороже собственного благополучия, и на изобретателя с его беспокойной душой и вечными поисками. Он будет похож на нашего современного советского человека и в то же время будет чем-то еще лучше его, богаче знаниями, щедрее душой и добрее сердцем!

Заключение

Человечество тысячелетиями боролось за свободу и счастье. Религия тысячелетиями внушала, что ничего не изменится, потому что так создал бог. Но вопреки всему человеческая мысль пыталась предвосхитить картину будущей жизни на земле — свободной и радостной. Так появились «Город Солнца», «Остров Утопия», «Новая гармония», фаланстеры и колонии… Их нет на географических картах, они существовали только в воображении гениальных одиночек… Да народная фантазия создавала сказки об «Островах блаженства» и «Тридевятом царстве».

Только немногим более ста лет тому назад Маркс и Энгельс писали: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма!» А теперь коммунизм не только перестал быть призраком, но стал программой действия миллионов людей. Новый, самый справедливый и разумный общественный строй создается нашими делами, руками миллионов строителей коммунизма, на необъятных просторах Советской страны. И для того чтобы скорее наступило прекрасное время, когда будущее сольется с настоящим, народ все упорнее, все с большим воодушевлением трудится, учится и живет, отбрасывая религиозное мировоззрение и все пережитки капитализма.

Коммунизм и религия — два учения, примирить которые невозможно. Борьба между ними на земле еще не окончена и упорно продолжается до сих пор. Религия господствовала тысячелетиями. Коммунизм родился в средние века, а научному коммунизму всего немногим больше ста лет. В странах социализма под руководством коммунистических партий трудящиеся строят новый мир. Н. С. Хрущев говорил на XXII съезде КПСС: «Дело коммунизма продвигается «перед исполинскими шагами». Число коммунистических и рабочих партий в разных странах растет из года в год. Во время жизни Маркса и Энгельса во всем мире было только 300–400 человек коммунистов, а теперь быстро растет международное коммунистическое движение, имеется восемьдесят восемь коммунистических партий в разных странах и число коммунистов выросло до сорока миллионов человек.

Но представители религии не сдаются и продолжают борьбу. Чтобы сохранить власть над умами, церковники стремятся теперь доказать, что религия и наука не противоречат друг другу и что все открытия ученых — это «откровения господни».

Когда в космосе появились первые советские спутники Земли, папа Пий XII в своем обращении к католикам заявил: «Вместе с

вами я радуюсь новой победе науки над природой!». Но тут же оповестил весь мир, что «если спутник и заброшен в небо, то это сделано с ведома и согласия бога».

Чтобы сохранить власть над людьми, духовенство прежде всего старается вычеркнуть из их памяти преступления церкви против науки. А католическое духовенство старается также скрыть и некоторые документы, которые доказывают неблагоприятные стороны церковной деятельности в прошлом. Например, под страхом отлучения от церкви католикам запрещается читать «Книгу такс» на отпущение грехов, составленную и разработанную в середине века «непогрешимыми папами», которыми «руководил сам бог». Народную героиню Франции Жанну д'Арк сожгли как ведьму на костре по приговору церкви, но после первой мировой войны та же церковь причислила ее к лику святых. Чтобы от народа скрыть злодеяния пап, церковь и их объявила «святыми». А в настоящее время католическая церковь пересматривает список пап и понемногу его сокращает. Некоторые имена выбрасываются, другие приписываются «антипапам», то есть папам, неправильно избранным или незаконно занявшим папский престол, хотя по учению католической церкви каждый папа заранее предопределен богом. Католическая церковь опубликовала декрет против коммунистов и коммунизма. Этим декретом она показала, что представители католической церкви продолжают и будут продолжать упорную борьбу с коммунизмом. Но в 1962 году «святой престол» уже не предавал анафеме дерзость коммунистов. Когда наши замечательные советские космонавты совершили групповой полет в космос на космических кораблях «Восток-3» и «Восток-4», Ватикан счел за благо признать советскую науку и объявить, что «священное писание на первых своих страницах призывает познавать вселенную».

Наука уже показала, что наше настоящее — результат предыдущей жизни и борьбы человечества и что между разными культурами есть преемственность. Мало того, наука наметила пути к достижению коммунизма. На земле насчитывается население в три миллиарда человек, и исторической задачей коммунизма является обеспечение каждому человеку счастья, свободы и мирного труда. Это относится ко всем людям без исключения, независимо от их положения, происхождения и национальности. Человек и его назначение, его счастливая жизнь — это смысл всех усилий коммунизма.

После 6–7 тысячелетий господства религий, из которых два тысячелетия проповедуется христианство, принцип «человек человеку — волк» еще не перестал существовать в

капиталистических странах. Но религия уже терпит поражение, потому что ее позиции завоевывает наука, ставящая целью создать цивилизацию с истинно моральным законом по принципу «человек человеку — товарищ и брат».

И как не остановить морского прилива, так и не остановить и движения человечества к коммунизму, при котором человек действительно становится властелинам природы и жизни.

Идеи коммунизма возникли и выработались на основе опыта всего человечества, в результате тяжкой борьбы, в силу долгих и трудных исканий. Мы видели, сколько усилий, крови и мук отдали люди на их подготовку… И переход к коммунизму, который совершается в настоящее время, переход из царства необходимости в царство свободы — это величайший шаг в истории народов, который они могут совершить, только проделав долгий и же-стойкий путь в борьбе с религией.